

Ю.Н. МАЗУР

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

ИВЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт Востоковедения

**ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ**

*Под общей редакцией
проф. Т. П. Сердюченко*

Ю. Н. МАЗУР

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1 9 6 0

ОГ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Ю. Н. Мазура „Корейский язык“ входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом востоковедения Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например, „Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала“, „Иранские языки“, „Языки Юго-Восточной Азии“, „Монгольские языки и диалекты Китая“, „Языки Африки“ и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белужский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, зулу, суахили, лунганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, пехлеви, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов — не специалистов по данному языку или группе языков, для преподавателей историко-филологических факультетов университетов, педагогических институтов и аналогичных им

высших учебных заведений, а также для студентов, изучающих восточные языки.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои замечания и пожелания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии „Языки зарубежного Востока и Африки“.

ВВЕДЕНИЕ

Корейский язык — национальный язык корейского народа. Население Кореи, по данным 1949 г., составляет около 31 млн. человек (население КНДР — 9,1 млн., население Южной Кореи — 21,5 млн.). Значительное число корейцев живет за пределами своей страны — в Северо-Восточном Китае, Японии, Советском Союзе, США (главным образом на Гавайских островах) и в других странах.

Корейское государство имеет очень давнюю историю. Об этом свидетельствуют памятники корейской культуры, дошедшие до нас еще со времен трех государств¹. Одним из основных элементов древней самобытной корейской культуры является язык.

Корейский язык издавна имел тесные связи с китайским, монгольским, японским и другими соседними языками. Как и некоторые другие языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, корейский язык впитал в себя большое количество китайских лексических элементов, что значительно обогатило его словарный состав, увеличило словообразовательные возможности и имело огромное значение в общем развитии корейского литературного языка. Тем не менее основой развития фонетического, морфологического и синтаксического строя корейского языка, а также его лексики и фразеологии всегда были и до сих пор остаются исконно корейские элементы.

ОТНОШЕНИЕ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА К ДРУГИМ ЯЗЫКАМ

Вопрос об отношении корейского языка к другим языкам еще мало изучен. В литературе высказывались разнообразные гипотезы и мнения по этому вопросу. Таковы,

¹ На рубеже нашей эры на Корейском полуострове существовало три государства — Когурё (37 г. до н. э. — 608 г. н. э.), Пэкче (18 г. до н. э. — 660 г. н. э.), Силла (57 г. до н. э. — 935 г. н. э.), объединением которых было образовано одно корейское государство — Корё (918—1392); от которого и происходит название «Корея».

например, сопоставления корейского языка с дравидийскими², японским³, китайским и монгольским⁴, айнским⁵, индоевропейскими⁶, палеоазиатскими⁷, алтайскими⁸ языками.

Сопоставления корейского языка с японским, которым большое внимание уделяли главным образом японские языковеды, основаны преимущественно на типологическом сходстве, наличии весьма большого количества идентичных или аналогичных явлений в грамматическом строе этих двух соседних языков. Известно, однако, что типологического сходства еще недостаточно для установления родства языков. Кроме того, сравнения с японским не всегда приводились с необходимым учетом истории сравниваемых фактов, что оговаривает, например, Коно Рокуро в своей работе, приводя пример с окончаниями именительного падежа — японским *-ga* и корейским *-ga*, имеющим значительно более позднее происхождение⁹.

Некоторые соответствия в плане материального сходства (в области фонетики, лексики и грамматики корейского и японского языков) еще не представляются убедительным

² H. B. Hulbert, *A comparative grammar of the Korean language and the Dravidian dialects of India*, Seoul, 1905.

³ W. G. Aston, *A comparative study of the Japanese and Korean languages* (IRAS, N. s., vol. XI, pt. XLII, 1879); S. Kanazawa, *The common origin of the Japanese and Korean languages*, ed. 2, Tokyo, 1910; S. Kanazawa, *Über die Kultur Japans und Koreas in alten Zeiten vom Standpunkt der Sprachvergleichung aus betrachtet*, Tokyo, 1913. [河野六郎, 内鮮兩語の親近性, 《조광》, 1941, № 8 (далее — Коно Рокуро, *Нэсон...*); Ямадзи, *Статьи о родстве корейского и японского языков*. — «Japan Weekly Times», June 25, 1910; July, 30, 1910].

⁴ I. Edkins, *Relationship of the Tartar languages* («Mongol-Chinese, Korean-Chinese, Mongol-Korean Identifications») («Kor. Rep», vol. II, 1895).

⁵ Gjerdmann, *Word-parallels between Ainu and other languages* [«Le monde orientale» (Uppsala) 20, 1926]; D. H. Koppelman, *Die Verwandtschaft des Koreanischen und der Ainu-Sprache mit den Indogermanischen Sprachen*, Wien, 1928; I. Rahder, *Etymological vocabulary of Japanese, Korean and Ainu* (part 1. — Tokyo, 1956).

⁶ A. Eckardt, *Schlüssel zur Koreanischen Konversations Grammatik*, Heidelberg, 1923; H. Güntert, *Zur Frage nach der Urheimat der Indogermanen*, Heidelberg, 1930; H. Jensen, *Indogermanisch und Koreanisch* («Germanen und Indogermanen», Bd 2, Heidelberg, 1936); D. H. Koppelman, *Die Eurasische Sprachfamilie — Indogermanisch, Koreanisch und Verwandtes*, Heidelberg, 1933; H. F. I. Junker, *Koreanische Studien*, Berlin, 1955.

⁷ Ю. А. Крейнович, *Корейско-нивхские языковые параллели*, рукопись, Л., 1956.

⁸ Е. Д. Поливанов, *К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков* («Известия АН СССР», 1927); Г. И. Рамstedt, *Введение в алтайское языковедение*, пер с нем., М., 1957; М. Ряснен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, пер с нем., М., 1955; G. I. Ramstedt, *Über die Stellung des Koreanischen*. — MSFOu, vol. 55, pt. 2, 1951.

⁹ См. Коно Рокуро, *Нэсон...*, стр. 40.

доказательством родства названных языков. Отдельные факты, приводимые в работах японских ученых (например, яп. *кума* и кор. *ком*—'медведь'¹⁰ и т. п.) могут оказаться и случайными совпадениями и заимствованиями¹¹. Этот вопрос еще требует изучения. В ряде случаев сравнения, к которым прибегают японские авторы, выглядят довольно натянутыми. Таковы, например, яп. *по*→*хо* 'колос' и кор. *пйэ* 'рис'¹² и др.

Таким образом, вопрос о взаимоотношении корейского, японского и айнского языков, представляющий, несомненно, значительный интерес, пока еще остается открытым.

Сравнения корейского языка с индоевропейскими, по нашему убеждению, могут быть продуктивны лишь в том случае, если они исходят из возможности наличия в корейском языке очень архаичных индоевропейских слоев. В связи с этим вряд ли можно считать обоснованным, например, предположение о родстве корейского языка с индоевропейскими языками, выдвинутое Д. Коппельманном на основании весьма немногочисленных словарных сопоставлений.

Осторожнее подошел к этой проблеме Г. Гюнтерт, который, допуская возможность существования исторических и языковых связей между корейцами и индоевропейцами, рассматривает корейский язык как монголоидную языковую форму, сохранившую остатки древнейшего индоевропейского влияния¹³.

Этой же точки зрения придерживается и Г. Юнкер, который отнюдь не ставит вопроса о родстве корейского языка с индоевропейскими, об общем праязыке, а лишь считает правомерным проследить распространение древних индоевропейских языков с учетом данных таких окраинных языков на Востоке, как корейский, и выяснить возможные взаимовлияния языков, существующих или существовавших на территории Евразии¹⁴.

Русские и советские корееведы большое внимание уделяли и уделяют той гипотезе, согласно которой корейский язык причисляется к алтайским языкам и имеет определен-

¹⁰ Коно Рокуро, *Нэсон...*, стр. 41.

¹¹ «В японском языке имеется много заимствований из языков соседних народов: в наиболее древние времена — из корейского языка, а начиная с V—VI вв. — из китайского» (Н. И. Фельдман, Введение в кн.: «Учебник японского языка», М., 1953, стр. 6).

¹² Коно Рокуро, *Нэсон...*, стр. 42.

¹³ См. Н. Güntert, *Zur Frage nach der Urheimat der Indogermanen*, Heidelberg, 1930.

¹⁴ Н. F. J. Junker, *Koreanische Studien*, Berlin, 1955, S. 7.

ное отношение к тунгусо-маньчжурской группе языков¹⁵. Это объясняется тем, что, несмотря на недостаточную изученность вопроса, указанная гипотеза все же представляется более вероятной в свете лингвистических, этнографических, археологических и исторических данных, касающихся проблемы формирования корейских племен.

Вопроса об отношении корейского языка к алтайским неоднократно касался в своих трудах проф. Е. Д. Поливанов¹⁶, который относил к семейству „алтайских“ языков в широком смысле турецкую, монгольскую и маньчжуро-тунгусскую языковые группы, а также — на правах его четвертого члена — и корейский язык¹⁷.

Много внимания изучению проблемы отношения корейского языка к алтайским уделял Г. И. Рамstedт. Историко-фонетические и морфологические сопоставления корейского и алтайских языков были начаты им статьей „Remarks on the Korean language“ (MSFOu, 58, 1928). Впоследствии эти положения были развиты им в работах „A Korean grammar“ (MSFOu, 82, 1939) и „Studies in Korean etymology“ (MSFOu, 95, 1949). Обширный сравнительный материал по этому вопросу содержится также в его труде „Введение в алтайское языкознание“.

В настоящее время вопросами отношения корейского языка к алтайским занимаются такие видные языковеды Корейской Народно-Демократической Республики, как Хон Ги Мун¹⁸, Ю Ёр¹⁹ и др.

И все же, несмотря на исследования Е. Д. Поливанова, Г. И. Рамstedта и других, отношение корейского языка к алтайским не может еще считаться выясненным окончательно. До сих пор данные тунгусо-маньчжурских языков привлекались к изучению этой проблемы недостаточно и потому определение связей корейского языка с этой группой языков нуждается в серьезном уточнении. Уточнения, в частности, требуют во многих случаях и этимологии корейских слов, содержащиеся в работах Г. И. Рамstedта

¹⁵ См. А. А. Холодович, *Очерк грамматики корейского языка*, М., 1954, стр. 3.

¹⁶ Е. Д. Поливанов, *К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков*.

¹⁷ О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов, *Грамматика японского разговорного языка*, М., 1930, стр. XIII.

¹⁸ На международной конференции языковедов в Улан-Баторе в сентябре 1959 г. Хон Ги Мун выступил с докладом «Сравнительное изучение корейского и монгольского языков».

¹⁹ 류릴, 상고 조선말의 어음 체계 (《조선 어문》, 1958, № 5—6).

Вот почему специалисты по общему языкознанию предпочитают пока считать корейский язык „изолированным языком“, а специалисты-корееведы относят его к алтайской семье языков с существенными оговорками²⁰.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ²¹

В основе единого национального корейского языка лежит сеульский говор центрального диалекта. Столичный говор явился основой так называемого пхёчжун-о или пхёчжун-маль — «корейского национального литературного языка в его „образцовой форме“». Говор Сеула — города, который с конца XIV в. стал столицей Кореи, развивался в условиях активного соприкосновения с диалектами всей страны. Благодаря этому современный корейский литературный язык, будучи глубоко связан с народной разговорной речью, включает факты не только центрального, но и прочих диалектов. Таким образом, центральный диалект (и в частности, сеульский говор) находится уже почти в таком же отношении к литературному языку, как и другие диалекты, и не может считаться образцовым²².

Понятие норм литературного языка особенно изменилось за последнее время: в Корейской Народно-Демократической Республике в литературном языке все более употребительны слова и формы, свойственные северным диалектам.

В настоящее время в корейском языке различают следующие шесть диалектов: 1) северо-восточный диалект (провинции Северная и Южная Хамгёndo и Янгандо); 2) северо-западный диалект (провинции Северная и Южная Пхё-нандо, Чагандо и часть Северной Хванхэдо); 3) центральный диалект (провинции Кёнгидо, Северная Чхунчхондо, часть Канвондо, севернее Янъяна, Южная и часть Северной Хванхэдо); 4) юго-восточный диалект (провинции Северная и Южная Кёнсандо, а также часть провинции Канвондо, южнее Чумунчжина, и частично районы морского побережья Южной Чолладо); 5) юго-западный диалект (провинции Север-

²⁰ См. например: А. А. Холодович, *Корейский язык* (БСЭ, т. 22).

²¹ Для более точного обозначения звуков при записи языковых примеров в разделах «Национальный язык и диалекты» и «Фонетика и графика» используется фонематическая транскрипция на латинской основе, а в остальных разделах — упрощенная фонематическая транскрипция на русской основе (см. стр. 31—32).

²² Так, например, сеульское произношение в слове *ha-da* вместо *a* звука, близкого к *э* (т. е. *hə-nda* вместо *ha-nda* и т. д.), не является орфоэпической нормой.

ная и Южная Чолладо и часть Южной Чхунчхондо); 6) диалект острова Чечжудо²³.

Диалекты корейского языка характеризуются целым рядом преимущественно фонетических и, кроме того, морфологических и лексических особенностей. Однако, по нашим наблюдениям, различия в диалектах в общем невелики и носители разных диалектов вполне могут объясняться друг с другом, особенно носители смежных диалектов — северо-восточного и северо-западного, юго-восточного и юго-западного. По свидетельству лингвистов, может быть понятен в других районах и диалект острова Чечжудо, отличия которого наиболее значительны, но при характеристике корейских диалектов обычно преувеличиваются. Это вместе с тем отнюдь не означает, что носители разных диалектов не испытывают при общении между собой тех или иных затруднений, обусловленных специфическими для диалектов явлениями фонетики, морфологии и лексики.

Назовем некоторые характерные особенности фонетики, свойственные диалектам в отличие от литературного языка.

В консонантизме наблюдается два типа особенностей: 1) совпадение в определенных случаях одной фонемы с другой: а) *č* с *t* (и соответственно *č̣* с *ṭ*, *c̣* с *ṭ*) — так называемое „тэканье“ — *si-dan* вместо *si-žan* 'рынок' и т. п.; б) *k* с *č* (и соответственно *ḳ* с *č̣*) — так называемое „чеканье“ — *čil* вместо *kil* 'дорога' и т. п.; в) *h* с *s* — так называемое „сэканье“ — *sim* вместо *him* 'сила' и т. п.; 2) качественное отличие отдельных фонем: а) произношение *č* и соответственно *č̣*, *c̣* с окраской твердого *ts* (ср. русск. *ц*) — так называемое „цеканье“ — *tsal* вместо *čal* 'хорошо' и т. п. б) произношение *s* с отчетливой окраской шипящего *ʃ* (ср. русск. *ш*) — так называемое „шеканье“ — *ʃin* вместо *sin* — корейская фамилия (лит. *Син*) и т. п.

Одной из основных особенностей вокализма является неразличение: 1) дифтонгоидов и близких к ним по артикуляции монофтонгов: а) *ʷe* и *e*, т. е. *ten-žan* вместо *tʷen-žan* 'соевый соус' и др.; б) *ʷi* и *i*, т. е. *si-un* вместо *sʷi-un* 'легкий' и др.; в) *ʷa* и *a*, т. е. *ki-gan-gu* вместо *ki-gʷan-gu* 'депо' и др.; *iʷ* и *e*, т. е. *me-nu-ri* вместо *mʷi-nu-ri* 'невестка' и т. д.; 2) близких по артикуляции дифтонгоидов: *ʷe* и *ʷe*, т. е. *tʷe-ži* вместо *tʷe-ži* 'свинья' и т. д.; 3) близких по

²³ С точки зрения исторического формирования диалектов прослеживается схема: 1) северо-западный диалект < диалект Когурё, 2) юго-западный диалект < диалект Пэкче, 3) юго-восточный диалект < диалект Силла, 4) северо-восточный диалект < диалект Окчо, 5) центральный диалект < смешанный.

артикуляции монофтонгов: *a* и *ε*, т. е. *mən-diul-da* вместо *man-diulda* 'делать', *ci-mε* вместо *ci-ma* 'юбка' и др.; *e* и *ε*, т. е. *ka-gε* вместо *ka-ge* 'лавка' и т. д. Соответствия гласных могут быть самыми разнообразными. Часть из них объясняется трансформацией исчезнувшей (и пережиточно сохраняющейся главным образом в диалекте острова Чечжудо) фонемы *ǎ* (например, *p^ǎal* и *p^ǎol* 'рука' и т. п.).

Представляют интерес огличия, наблюдаемые по диалектам в мелодике речи. В диалектах, распространенных на западном побережье полуострова, различие по долготе и краткости преобладает над различием по высоте тона, а в диалектах на восточном побережье, наоборот, различие по высоте тона преобладает над различием по долготе и краткости²⁴.

Речь западных говоров, по наблюдениям Ли Гык Но, „мягкая и плавная“, речь же восточных говоров — „резкая и отрывистая“.

В диалектах корейского языка, в особенности в северных, обнаруживается целый ряд явлений, наглядно иллюстрирующих различные процессы в развитии фонетического строя корейского языка. Так, например, сохранившиеся в северных диалектах слова *ka-i* 'собака' (лит. *kε*), *kǎ-i* 'краб' (лит. *ke*) и другие свидетельствуют об образовании монофтонгов *ε* и *e* из сочетания гласных *ai* и *ǎi*. Такого рода рудименты представляют собой интерес для исследователей истории языка.

В ряде диалектов в отличие от литературного языка не происходит чередования согласных при образовании форм глаголов и прилагательных. Так, например, в северных диалектах не происходит чередования согласных у корней, оканчивающихся на *p*: *top-ta* 'помогать' — лит. яз. *to-^ha*, сев. диал. *to-ba* и т. п.

В области формообразования диалектные различия ярко прослеживаются, в частности, в специфичных формах конечной сказуемости: в северо-западном диалекте — *ra-gu-^o*, *-na-^o*, *-mma* (*summa*) и др.; в северо-восточном — *-ko-ma*, *-mmε*, *-mdiu*, *-pǎibi* и др.; в юго-западном — *-nɯngerao* (*-ngerao*), *-sorao*, *-cǐrao* и др.; в юго-восточном — *-nɯngio* (*-ngio*), в центральном — *-sa^ua^o* (*-^ua^o*). Многим формообразующим аффиксам литературного языка в диалектах соответствуют свои варианты, более (например, в юго-восточном диалекте *-k^ǎan* вместо лит. *-^ua^h/-k^ua*) или менее (например, в северо-восточном диалекте *-ri* вместо лит. *-ro*) от них отличающиеся.

²⁴ 리 극로, 조선말의 사투리 (《동광》) 1932, №1, 9—12 페이지 (далее — Ли Гык Но, Чосон-мар-ый сатхури).

Ощутимы бывают и диалектные различия в лексике. Одно и то же понятие в разных диалектах может обозначаться разными словами, каждое из которых в свою очередь имеет иногда много фонетических вариантов по разным диалектам или в пределах одного диалекта. Так, например, „стрекоза“ в одних диалектах *čamžari* (*čəmzəri*, *čanžari*, *čənžəri* и др.), в других *sogum-žəni* (*sogum-žani*, *sogum-žəŋ*, *sogum-žə* и др.)— всего, по данным Огура²⁵, 49 вариантов. Такие различия особенно характерны для названий животных и растений. По его же данным, литературное *ko'qə* 'кошка' имеет в диалектах 39 вариантов, *p'əŋari* 'цыпленок'—28, *oksusu* 'кукуруза'—31, *koguma* 'батат'—22 и т. д.

ИЗ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Принято считать, что до первой половины XV в. корейцы не имели своей письменности²⁶ и использовали китайское иероглифическое письмо, заимствованное из Китая в начале нашей эры, когда в Корею стал проникать буддизм²⁷. С распространением буддизма (IV—V вв.) китайский язык постепенно занимает прочное место среди господствующего класса, становится письменно-литературным языком. Изучение иероглифического письма и вѣньяня составляло основное содержание образования в Корее.

С XIV в. в связи с еще более усилившимся китайским влиянием в Корее начинается стремительное распространение конфуцианства, что еще больше упрочило позиции китайского языка, который до конца XIX в. оставался офи-

²⁵ 小倉 進平, 朝鮮語方言の研究, 上巻, 1944 年, 319—320頁.

²⁶ Однако не все языковеды согласны с этой фактически общепринятой точкой зрения. Так, например, Ли Сан Чхун считает, что еще раньше, в глубокой древности, у корейцев было свое собственное письмо, по его предположениям — идеографическое. В обоснование своего мнения он указывает, в частности, на нерасшифрованные надписи на надгробных камнях, обнаруженные как в Южной Корее (в районе Намхэдо, провинция Южная Чолладо), так и в Северной Корее (в районе Пхеньяна) и сделанные непонятными знаками, но не китайскими иероглифами.

²⁷ Китайские иероглифы в настоящее время употребляются в Китае, Японии и Корее (раньше они употреблялись и во Вьетнаме). Читается каждый отдельный иероглиф по-китайски, по-японски и по-корейски различно, но лексическое значение в большинстве случаев одинаково. В корейском языке каждый иероглиф имеет, как правило, только одно чтение, во многих случаях хотя бы приблизительно напоминающее исходное китайское чтение (иногда корейское чтение сохраняет древнее китайское чтение или чтение, характерное для его южных диалектов; так, иероглиф «человек» читается по-корейски *ин*, как в кантонском диалекте, в то время как в пекинском он читается *жэнь*).

циальным языком правительственного аппарата, языком образования и культуры.

Влияние письменного языка на разговорный вело к заимствованию корейским языком китайских слов. Обратный же процесс—влияние разговорного языка на письменный—приводил к тому, что иероглифическую письменность стали приспосабливать для записи корейских слов и грамматических формантов. Первые попытки корейцев использовать китайские иероглифы для записи слов и грамматических форм родного языка относятся к VI—VII вв. (запись собственных имен, народных песен „Хянга“ и др.). Одним из объективных условий ускорения процесса приспособления китайской иероглифической письменности к потребностям корейского языка явилось то, что древний китайский язык в Корее утратил связь с живой китайской речью.

Способы использования иероглифов для записи корейских слов и грамматических формантов оказались самыми различными: в одних случаях иероглифом обозначали целое слово, в других—только слог, а иногда даже и отдельный звук. Так была создана сложная, смешанная система записи при помощи китайских иероглифов, в которой способы записи по значению сочетались со способами записи по звучанию.

Приспособление иероглифики для нужд корейского языка началось с фонетического использования иероглифов для обозначения в тексте, написанном на китайском языке, корейских собственных имен и географических названий. Затем последовало добавление иероглифов, используемых в качестве знаков фонетического алфавита для обозначения служебных слов и грамматических формантов корейского языка, причем нарушался уже и порядок слов китайского предложения в соответствии с нормами корейского синтаксиса. В результате и появилось письмо „иду“—система отобранных для этих вспомогательных целей иероглифов, которые употреблялись преимущественно как сллабические знаки и служили для транскрипционных целей²⁸. Записанный китайскими иероглифами текст становился совершенно непонятным для китайца. Это было уже особое „корейзированное“ китайское письмо.

Эта система письма была чрезвычайно сложной и труд-

²⁸ В Японии результатом аналогичного использования китайских иероглифов в качестве сллабических знаков явилось в конце концов создание слоговой азбуки «каны» (IX в.). Начертания графем представляют собой полные или усеченные элементы иероглифов. Такой же способ графического усечения элементов иероглифа был использован в Корее еще ранее (VII в.).

ной для понимания, вследствие чего она не получила широкого распространения, хотя и употреблялась вплоть до конца XIX в. Использовалась она главным образом в частной переписке и с XV в. постепенно вытеснялась вновь созданным фонетическим письмом.

В середине XV в.²⁹ группой корейских ученых в составе Чон Ин Чжи, Син Сук Чу, Сон Сам Муна и других, которой руководил король Се-чжон, было создано корейское фонетическое письмо—алфавит „Хунмин-чонъым“ Эта система письма считается одной из самых простых в мире. Алфавит состоял первоначально из 28 букв:

Корейское фонетическое письмо неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. В результате сравнения графем корейского алфавита с графемами других систем письма удавалось находить аналогичные начертания букв, обозначающих близкие звуки. Так рождались различные теории, определявшие отношение корейского письма к тибетскому, монгольскому, деванагари и др. Однако ни одна из этих теорий не представляется убедительной. В последнее время как в самой Корее, так и в других странах наибольшее распространение получила гипотеза о том, что в графических формах букв корейского алфавита сделана попытка передать способ артикуляции. Так, в начертаниях открытых и закрытых гласных горизонтальная черта является как бы символом положения губ, а вертикальная—символом раскрытия рта. Точка—условный диакритический знак. Начертания согласных якобы также имеют символическое значение. Так, например, буквы, обозначающие передне- и заднеязычные, изображают положение языка, губные—положение губ и т. д. Следует, однако, отметить, что и эта так называемая артикуляторная концепция разделяется не всеми языковедами, так как не обходится без очевидных натяжек.

К сожалению, сведения об истории создания корейского фонетического алфавита содержат лишь упоминание о том, что его создатели пользовались консультацией крупного китайского ученого Хуан Цзяня, находившегося в то время

²⁹ В настоящее время принято датировать это событие 1444 г. Однако разные источники по-разному указывают дату создания корейского фонетического письма «Хунмин-чонъым» (между 1443 и 1446 г.), а также издания первых книг на корейском алфавите. Один из наиболее авторитетных корейских филологов, видный палеограф и знаток корейских письменных памятников Хон Ги Мун на основании тщательного изучения имеющихся документальных записей в «Се-чжонъ силлѳк» («Хроника короля Се-чжона») пришел к заключению, что корейский алфавит «Хунмин-чонъым» был создан в 1443 г., а книга с описанием этого алфавита была издана в 1446 г.; книга «Енъбиючхонга» (см. стр. 17) была напечатана по-китайски в 1445 г., а в переводе на корейский язык.— в 1447 г.

в опале и сосланного в Ляо Дун. Естественно предположить, что создатели корейского письма были знакомы с другими алфавитами, но вопрос о том, получили ли в корейском фонетическом письме отражение какие-либо другие алфавиты и какие именно, остается невыясненным.

Несомненно влияние китайской письменности, которое сказалось в принципах записи: слова делятся на слоги и слог отделяется от слога, причем в оформлении записи слога выдерживается, как и при написании иероглифа, принцип квадрата. Направление строки было таким же, как и в китайской письменности—сверху вниз и справа налево, что, впрочем, еще сохраняется и до сих пор, хотя и вытесняется постепенно и все больше новой системой записи—в строчку слева направо и сверху вниз.

Корейское письмо — буквенно-слоговое, т. е. буквы корейского алфавита при записи слов предварительно группируются в слоги. Это чрезвычайно ограничивает возможности использования пишущих и наборных машин; поэтому уже в течение многих лет одной из насущных задач реформирования корейской письменности признается вопрос о том, чтобы „развязать“ слоги в строчку и перейти на побуквенно-строчную запись.

Создание корейского фонетического письма было событием величайшего значения, хотя письменно-литературным языком в Корее еще долгое время оставался китайский и потому новый алфавит играл вначале лишь подсобную роль, выполняя функции своего рода транскрипционной системы. Он, видимо, первоначально и задуман был как транскрипция, о чем говорит и само название алфавита—„Хунмин-чонъ-ым“, т. е. „обучать народ правильному произношению“ (точнее: „буквы, указывающие правильное произношение [китайских звуков] для обучения народа“), а также позднейшие модификации („ч“ с длинной левой и „ч“ с длинной правой „ножками“) в целях более точной передачи китайских звуков.

Корейский алфавит понемногу стал вытеснять иероглифику и даже проникать в сферу официального делопроизводства, но все же иероглифическому письму отдавалось предпочтение. И в литературе корейский алфавит еще долго использовался для записи лишь таких жанров, которые имели большое хождение среди народа, но преследовались феодальной верхушкой.

Ценнейшими памятниками корейской письменности являются книги: „Ёнъбиочхонга“—„Повесть о вознесении дракона в небеса“, т. е. „Песнь о восшествии на престол династии Ли“ (1447 г.), которая сохранила интерес-

ный материал для изучения истории письма—графических форм букв, записи слогов, а также орфографических норм и фонетики корейского языка той эпохи; „Ворин-Сокпо“, составленная из двух отдельных книг; „Ворин-чхонганъ-чжигок“—„Песнь о луне, озаряющей тысячу рек“ (1447 г.) и „Сокпо-санъчжоль“—„Жизнеописание Будды в детальном изложении“,—считается самой ценной книгой для изучения стилей письменного и разговорного языка, грамматики корейского языка XV в.; „Туси-онхэ“—„Перевод стихотворений Ду Фу“ (1481 г.)—очень ценная книга для изучения исконно корейской лексики; „Самганъ-хэнъсылдо“—„Образцовое соблюдение трех основных моральных принципов, представленное в иллюстрациях“ (конец XV в.)—интересна для изучения стилей; „Хунмонъ-чжахве“—„Собрание слов для обучения и просвещения“ (1527 г.)—один из первых словарей, содержащий объяснение значения и произношения 3360 иероглифов и представляющий очень большую ценность для изучения фонетического строя и лексики корейского языка XV в.

Только с конца XIX в. вошла в обиход система смешанного иероглифически-буквенного письма. Иероглифами записывались знаменательные слова, вернее—основы этих слов, знаками алфавита—слово- и формообразующие аффиксы, а также служебные слова. Таким образом, официальным письмом стало смешанное, частично идеографическое (иероглифическое), частично фонетическое (буквенное) письмо, которое в отличие от буквенного письма „*кунъ-мун*“³⁰ и иероглифического „*хан-мун*“ получило название „*кук-хан-мун*“.

В Корейской Народно-Демократической Республике с 1949 г. газеты, журналы, художественная литература, учебники и даже научная и специальная литература печатаются за редкими исключениями совершенно без иероглифов—сплошь корейским алфавитом. Иероглифы изредка приводятся в скобках для пояснения слов, которые могут быть неправильно поняты.

В Южной Корее по-прежнему в официальном делопроизводстве и в периодической литературе, так же как и в литературе научной, специальной и даже художественной (за исключением отдельных жанров), употребляется обычно

³⁰ Название корейского фонетического письма менялось несколько раз, в связи с чем в истории корейского алфавита различают четыре периода: период «чонъым» (ок. 50 лет), период «онмун» (ок. 400 лет), период «кунъмун» (ок. 20 лет) и период «хангыль» (ок. 50 лет). В настоящее время этот фонетический алфавит называется по-корейски «кунъ-мун», что означает «государственное письмо».

смешанная графика—иероглифы и корейская азбука. В последние десятилетия в Корее все большее распространение получает горизонтальная запись (слева направо) с расположением строк сверху вниз. Часть книг, однако, все еще издается по-прежнему (строки-столбцы пишутся сверху вниз и справа налево).

ФОНЕТИКА И ГРАФИКА

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ

В корейском языке насчитывается 40 фонем: 8 простых гласных, 12 дифтонгоидов, 1 дифтонг и 19 согласных. Простые гласные: *i, e, ɛ, u, o, ɔ, a, ʌ*. Дифтонгоиды: *i*-образные — *ie, iɛ, iu, io, iɔ, ia*; *u*-образные — *ui, ue₁, ue, ue₂, uɔ, ua*; дифтонг *ɰi*. Согласные: 15 шумных — *p, pʰ, ɸ, t, tʰ, ɰ, ɕ, ɕʰ, ʧ, k, kʰ, ʁ, s, ʃ, h* и 4 сонанта — *m, n, ŋ, l/r*,

Следует, однако, оговориться, что единого мнения среди корееведов о числе и составе фонем корейского языка нет. В подтверждение этого можно привести данные из нескольких работ по фонетике корейского языка (см. табл. 1).

Таблица 1

Источники	Глас- ные	Полу- глас- ные	Диф- тонги	Диф- тон- гоиды	Сог- лас- ные	Итого
조선어 문법, 조선 어문 연구회, 평양, 1949.	10	2	1	—	19	32
В. А. Хван Юн-Дюн, <i>Фонетический строй корейского языка</i> , канд. дисс., М., 1952. .	10	—	5	—	32	47
Л. Р. Концевич, <i>Звуковой состав корейского языка</i> (рукопись), 1953.	23	—	10	—	29	62
А. А. Холодович, <i>Очерк грамматики корейского языка</i> , М., 1954.	8	—	—	12	19	39
Н. Junker, <i>Koreanische Studien</i> , Berlin, 1955.	19	—	13	—	19	51
류응호, 조선어 어음론 강의, «조선 어문», 1956, № 2, 4, 5. .	10	2	1	—	20	33
Л. Р. Зиндер, <i>Гласные корейского языка</i> («Советское востоковедение», 1956, № 3)	8	—	1	12	19	40

Примечание. Вопрос о числе и составе гласных и согласных фонем в корейском языке вызывает такие существенные разногласия, главным образом в связи с тем, что не решен вопрос о фонематической трактовке долгих гласных, а также палатализованных и лабиализованных согласных. Мы считаем, что более приемлема точка зрения А. А. Холодовича и Л. Р. Зиндера. Необходимо только иметь в виду, что в обеих работах не указан дифтонгоид u_2 (ve_2) и этому не дано никакого обоснования, а во второй — еще назван дифтонгоид u_0 , которого в корейском языке нет.

Система гласных фонем. Монофтонги: i (u)³¹ — гласный переднего ряда, очень высокого подъема; на слух сходен с русским $и$: i 'зуб', pi 'дождь', kil 'путь', 'дорога'.

e (e) — гласный переднего ряда, по степени подъема языка более широкий, чем i ; на слух соответствует русскому e , например, в слове $шей$: ke 'краб', pe 'холст', set 'три';

ϵ (ϵ) — гласный переднего ряда, несколько более низкого подъема, чем e ; при произнесении ϵ язык несколько отодвинут назад. На слух напоминает русское ϵ в позиции после звонкого согласного (например, в слове $н\epsilonп$): se 'птица', ke 'собака', $\epsilon p-du$ 'вишня'.

u (y) — огубленный гласный заднего ряда, верхнего подъема, несколько более открытый, чем русское $у$ под ударением: $u-ri$ 'мы', tu 'редька', tul 'два';

u [y] — неогубленный гласный заднего ряда, по степени подъема языка он ближе к o , чем к u . На слух напоминает русское $ы$: $u-n$ 'серебро', $t'su$ 'щель', nu 'всегда';

$\bar{o}$ [$\bar{o}$] — огубленный гласный заднего ряда; на слух напоминает русское $о$: tu 'тушь', rat 'тигр', $al-gul$ 'лицо';

o [o] — огубленный гласный заднего ряда; губы вытянуты вперед сильнее, чем при произнесении $\bar{o}$; по подъему языка o несколько выше, чем $\bar{o}$; на слух сходен с русским $о$: tu 'шея', rat 'весна', $o-nu$ 'сегодня';

a [a] — гласный, произносимый при самом низком положении вытянутого вдоль рта языка; по артикуляции и на слух сходен с русским $а$: mal 'лошадь', rat 'ночь', na 'я'

Гласные в корейском языке могут быть краткими (нормальными) и долгими. В отдельных случаях эти свойства гласных могут служить средством словоразличения, например: mal 'лошадь' и $m\bar{a}l$ 'слово', 'язык', 'речь', rat 'ночь' и $r\bar{a}t$ 'каштан' и др. В толковых словарях корейского языка долгота гласных обозначается диакритическим

³¹ В скобках приводится обозначение данного звука в практической транскрипции на основе русского алфавита.

значком, располагаемым над слогом. Большинство кореев-ведов склонны считать, что выделение двух рядов кратких и долгих фонем нецелесообразно, так как противопоставление долгого краткому семантизовано лишь в ограниченном количестве случаев. Вопрос этот требует тщательного изучения³².

Примечательно, что долгота гласного может чередоваться с краткостью. Так, например, односложное слово с долгим гласным *tōl* 'камень' в составе сложных слов в одних случаях сохраняет длительность гласного, например: *tōl-čolgu* 'каменная ступка', а в других — не сохраняет, например: *č'a-dol* 'кальцит', 'известковый шпат'

Дифтонгоиды и дифтонг. Дифтонгоиды подразделяются на две группы по их первому компоненту на так называемые *i*-образные и *u*-образные. Первый компонент их в положении после согласных очень краток. В начале же и в середине слова после гласных (т. е. в начале слога) он очень отчетливо слышится как *j* либо как *w*³³. Например:

<i>i</i> e [ǃe]	<i>i</i> e-sul	'искусство',	<i>no-i</i> e	'раб';
<i>i</i> е [ǃэ]	<i>i</i> е	'эй!' (междометие);		
<i>i</i> u [ǃy]	<i>i</i> u-gam	'сожаление',	<i>u-i</i> u	'молоко';
<i>i</i> o [ǃo]	<i>i</i> o-gu	'требование',	<i>sa-i</i> oŋ	'использование';
<i>i</i> ɔ [ǃɔ]	<i>i</i> ɔ-rum	'лето',	<i>su-i</i> ɔŋ	'плавание';
<i>i</i> a [ǃa]	<i>i</i> aŋ	'овца',	<i>i</i> če-i'aŋ	'солнце';
<i>u</i> i [βu]	<i>u</i> i-sin	'авторитет',	<i>č</i> u-u <i>i</i>	'вокруг';
<i>u</i> e ₁ [βe ₁] ³⁴	<i>u</i> e-i'cu	'пальто',	<i>i</i> ε-uε	'внешний';
<i>u</i> ε [βэ]	<i>u</i> ε-ga-ri	'аист',	<i>u</i> ε	'почему';
<i>u</i> e ₂ [βe ₂]	<i>u</i> e-č'i-da	'кричать', 'призывать',	<i>κ</i> uε	'ящик';
<i>u</i> ɔ [βǃ]	<i>u</i> ɔn-sa	'академик',	<i>sa-u</i> ɔl	'апрель';
<i>u</i> a [βa]	<i>u</i> aŋ-su	'выполнение',	<i>κ</i> u'a-gɔ	'прошлое'.

³² Проф. Г. Юнкер (см. «Koreanische Studien») считает долгие гласные самостоятельными фонемами, отличными от кратких.

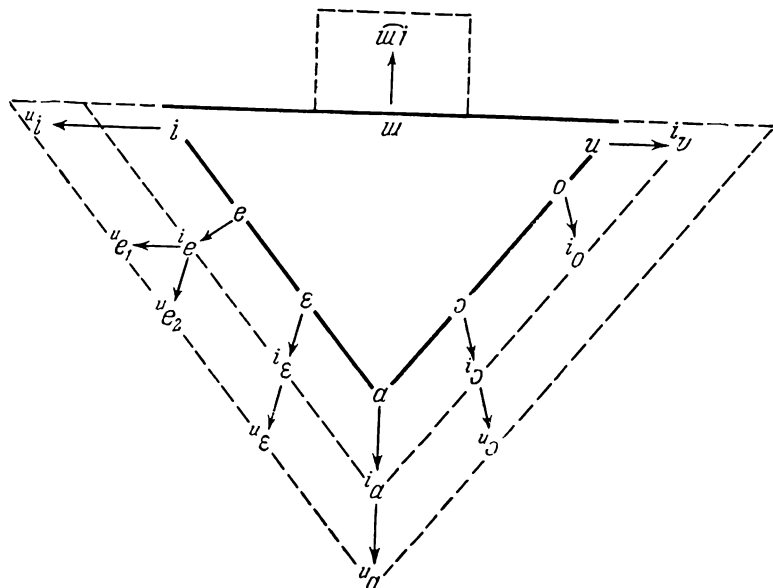
³³ Некоторые языковеды (Лю Ын Хо, Мартин и др.) считают полугласные *j* и *w* особыми фонемами, и в таком случае надобность в выделении дифтонгоидов как отдельных фонем отпадает.

³⁴ Одинаковым буквенным обозначением с цифрами *u*e₁(βe₁) и *u*e₂(βe₂) мы передаем в транскрипции два очень близких по артикуляции дифтонгоида, обозначаемых в корейской письменности разными буквами — ㅟ и ㅢ. Первый из них ближе по своей природе к монофтонгам (почему некоторые языковеды и относят его, как и дифтонгоид *u*i, к простым гласным), второй же имеет ярко выраженный дифтонгоидный характер. В некоторых говорах эти звуки не различаются. В литературном языке *u*e₂ встречается лишь в нескольких словах.

Единственный дифтонг корейского языка $[\widehat{shi}]$ — нисходящий (называемый в некоторых работах „ложным падающим“ или „парящим“); состоит из слогообразующего гласного i и неслоγοобразующего гласного i . Первый элемент, составляющий ядро слога, особенно отчетливо слышится в начале слова: $\widehat{shi}$ -sa ‘врач’, $\widehat{shi}$ -zi ‘воля’. В позиции же после гласных (в том числе после $[\widehat{shi}]$) этот дифтонг произносится ближе к монофтонгу i , например: h^ue -i ‘собрание’, $\widehat{shi}$ -i ‘значение’ и т. п.

Таблица 2

Таблица гласных фонем

Система согласных фонем. Как уже сказано выше, всего в корейском языке насчитывается 19 согласных фонем.

Шумные смычные образуют четыре группы (по месту образования) — группа p (p , p' , p^c); группа t (t , t' , t^c); группа k (k , k' , k^c); группа $\check{c}$ ($\check{c}$, $\check{c}'$, $\check{c}^c$). По способу образо-

вания шумные смычные объединяются в три ряда фонем³⁵: слабые (*p*, *t*, *k*, *č*); сильные (*p̣*, *ṭ*, *ḳ*, *č̣*); придыхательные (*pʰ*, *tʰ*, *kʰ*, *čʰ*).

Таблица 3

Таблица согласных фонем

			Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Гортанный
Шумные	смычные	чистые	<i>p</i> (<i>n</i>) <i>pʰ</i> (<i>nx</i>) <i>p̣</i> (<i>nn</i>)	<i>t</i> (<i>m</i>) <i>tʰ</i> (<i>mx</i>) <i>ṭ</i> (<i>mm</i>)		<i>k</i> (<i>κ</i>) <i>kʰ</i> (<i>κx</i>) <i>ḳ</i> (<i>κκ</i>)	
		аффрикаты			<i>č</i> (<i>ч</i>) <i>čʰ</i> (<i>чx</i>) <i>č̣</i> (<i>чч</i>)		
	щелевые				<i>s</i> (<i>c</i>) <i>ṣ</i> (<i>cc</i>)		<i>h</i> (<i>x</i>)
Сонанты	смычные		<i>m</i> (<i>м</i>)	<i>n</i> (<i>н</i>)		<i>ŋ</i> (<i>нʝ</i>)	
	щелевые		<i>l/r</i> (<i>л/р</i>)				

Шумные щелевые представлены двумя фонемами — слабым *s* и сильным *ṣ*. Особое место занимает гортанный *h*.

К сонантам относятся смычные *m* и *n*, заднеязычный *ŋ* и щелевой *l/r*.

Слабые (определяемые еще как слабо-придыхательные, глухие — губной *p*, переднеязычный *t*, среднеязычный *č* и заднеязычный *k*) в начале слова и после импловзивных шумных согласных характеризуются слабой, незначительной силой взрыва, очень слабым придыханием и глухостью, отсутствием работы голосовых связок.

Вариантами шумных смычных слабых являются звонкие и импловзивные. Звонкие *b*, *d*, *ž*, *g* возможны между гласными и после сонорных. Импловзивные *p̣*, *ṭ*, *ḳ* отличаются от соответствующих слабых тем, что при образовании их происходят лишь смычка и выдержка смычки, а взрыва не происходит. Импловзивные *p̣*, *ṭ*, *ḳ* возможны в конце слова перед паузой или в середине слова перед шумными согласными.

³⁵ У шумных смычных чистых *p*, *k* и придыхательных *pʰ*, *kʰ* некоторые исследователи (например, В. А. Хван Юн-Дюн) выделяют еще один ряд — палатализованные.

Сильные — губной *p̣*, переднеязычный *ị*, среднеязычный *ɕ̣* и заднеязычный *ḳ* в начале и в середине слова между гласными характеризуются резкой силой взрыва, сопровождаемого дополнительной работой гортани (в связи с чем их и называют иногда гортанно-взрывными), отсутствием придыхания, а также глухостью, как и у слабых.

Если гласный или сонант и слабые *p*, *t*, *ɕ*, *k* оказываются в положении на стыке морфем, то слабые часто заменяются сильными: *p* > *p̣*, *t* > *ṭ*, *ɕ* > *ɕ̣*, *k* > *ḳ*. Например: *paru-p̣e* 'паром' (из *paru* 'перевоз' и *p̣e* 'лодка'), *ḳe-o-i-sḥu* 'переносица' (из *ḳe-o* 'нос' и *i-sḥu* 'спина'), *ḳo-mi-ɕ̣ul* 'паутина' (из *ḳo-mi* 'паук' и *ɕ̣ul* 'нить', 'веревка'), *mul-ka* 'берег' (из *mul* 'вода' и *ka* 'край').

Придыхательные — губной *pʰ*, переднеязычный *tʰ*, среднеязычный *ɕʰ* и заднеязычный *kʰ* в начале слова и после имплозивных шумных согласных характеризуются более резкой и интенсивной, чем у слабых, силой взрыва, отчетливым, сильным и долгим придыханием, а также глухостью, как и слабые.

У шумных щелевых слабый *s* приносится с заметным придыханием. Слабый *s* и сильный *ʃ* возможны только в начале слова и слога. В середине слова перед согласным и в конце слова они чередуются с имплозивным *t̚*.

Гортанный *h* не встречается в конце слова и перед согласными в середине слова.

Смычные носовые сонанты — губной *m* и переднеязычный *n* — соответствуют русским *м* и *н*. Они возможны в любом положении в слове.

Смычный носовой сонант заднеязычный *ŋ* произносится как английское *ng* в слове *song* или немецкое *ng* в слове *Drang*. Заднеязычный *ŋ* встречается только в конце слова (*kaŋ* 'река') и в конце слога (*toŋ-mi* 'товарищ').

Щелевой сонант *l* имеет два варианта — *l* и *r*. Основным вариантом принято считать *l*³⁶. Этот звук встречается в конце слова, а также в конце слога перед согласными, кроме *h*,

³⁶ До недавнего времени в корейском языке *l* и *r* в начале слова не встречались, но теперь под влиянием иностранных языков и новых правил орфографии очень сильно развивается тенденция произносить *l* и *r* не только в иностранных словах, но и в корейских словах китайского происхождения. В исконно корейских словах *l* и *r* в начале слова не встречаются никогда.

Следует вместе с тем отметить, что интенсивно развивающаяся в последнее время, особенно в северной части страны, тенденция произносить *l* и *r* в начале слова отдает предпочтение *r* во всех случаях. По нашим наблюдениям, в школах и вузах КНДР молодое поколение усваивает в словах типа 로동, 역사, 리순신, а также в заимствованных словах типа 레몬 произношение с начальным *r*, т. е. *ro-don*, *rik-sa*, *ri-sun-sin*, *re-mon* (вместо традиционного *no-don*, *ik-sa*, *i-sun-sin*, *ne-mon*).

например: *tal* 'луна', *pul-man* 'недовольство'; вариант *r* только между гласными и перед согласным *h*, например: *ta-rī* 'мост', *pur-hæŋ* 'несчастье'. В отличие, например, от русского дрожащего многоударного *p*, корейский звук *r* — одноударный.

Согласные *p*, *p̣*, *pʰ*, *k*, *ḳ*, *kʰ*, *m*, *n*, *h*, *l/r* имеют твердый и мягкий варианты. Мягкий вариант возможен перед *i* и *i*-образными дифтонгоидами, например: *pī* 'дождь', *piḳ* 'плотно', *pʰi* 'кровь', *kil* 'путь', 'дорога', *kini* 'прием пищи', *kʰi* 'рост', *mil* 'пшеница', *məl-li* 'далеко', *ni-tʰan* 'торф', *him* 'сила', *u-ri* 'мы'

Противопоставление твердого согласного мягкому в корейском языке, по мнению большинства корееведов, в том числе и языковедов КНДР, нефонематично.

СТРУКТУРА СЛОГА

Слог в корейском языке может быть следующих типов: V (т. е. слог состоит из одного гласного), например: *a*, *i*; CV (*ma*, *ni*); VC (*um*, *an*); CVC (*nun*, *man*); VCC (*il̥k̥*); CVCC (*mal̥k̥*).

Слоги типа VCC и CVCC требуют оговорки: корейскому языку стечение согласных, как правило, несвойственно ни в начале ни в конце слова³⁷. Исключение составляют четыре случая (которые, хотя и наблюдаются не только в северных и южных диалектах, но и в сеульском произношении, однако носят все же факультативный характер), когда в середине слова перед шумными согласными иногда образуется стечение трех согласных, например: *il̥k̥-sumni-da* 'читаю'. Но, как правило, и в этих случаях происходит чередование группы согласных (так называемой пары согласных — см. стр. 29) с одним из них: *lp > p*, *lk > k* и др., *ks > k*, *ls > l* и др.

В начале слога встречаются все согласные, кроме заднеязычного *ŋ*, в конце слога — лишь сонанты *m*, *n*, *ŋ*, *l* и шумные имплозивные *p̣*, *ṭ*, *ḳ*. Шумные *p̣*, *ị*, *č̣* и щелевой *h* в конце слога не встречаются. Шумные *pʰ*, а также *kʰ*, *ḳʰ* чередуются соответственно с *p̣* и *ḳ*, а *tʰ*, *č̣*, *č̣ʰ*, *s*, *ṣ̌*, — с *ṭ*.

³⁷ Поскольку стечение согласных несвойственно корейскому языку, при произнесении иноязычных заимствований, а также иностранных собственных имен, географических названий и т. п., стечение согласных в начале и в середине слова преодолевается путем вставки гласного *u* между согласными, а в конце слова — прибавлением гласного *u*. Этот гласный добавляется и в том случае, если слово оканчивается на согласный, который по законам корейской фонетики невозможен в данной позиции (например, *r*, *s* и др.): 'трактор' *tui-rak-to-ru*, 'танк' *taŋ-kʰu* 'конспект' *kon-sui-pek-tʰu*, что отражается и на письме: 트랙토르, 탕크, 판스펙트.

Количество слогов, встречающихся в составе исконно корейских слов и слов китайского лексического слоя (об отличиях в структуре слога этих двух слоев см. ниже, стр. 35), достигает более 2000. Укажем распределение общего количества употребительных орфографических слогов (всего 2200, включая слоги, употребляемые при написании иноязычных слов и диалектизмов) по начальным буквам: *к*—147, *п*—143, *т*—121, *р*—119, *м*—128, *п*—116, *с*—154, *с'*—109, *с''*—90, *к'*—105, *т'*—96, *р'*—93, *х*—130, *к*—118, *и*—90, *п*—74, *с*—73, *с'*—95; *а*—18, *а'*—13, *о*—17, *о'*—17, *о*—14, *о'*—7, *и*—11, *и'*—7, *ш*—16, *и*—16, *ши*—2, *ε*—10, *ε'*—1, *е*—8, *е'*—4, *е₁*—6, *и'*—8, *а*—8, *о*—7, *ε*—4, *е₂*—5.

Обращает на себя внимание большая разница, наблюдаемая в количестве слогов, начинающихся с согласных (в большинстве случаев свыше 100; минимум—73, максимум—154), и количестве слогов, начинающихся с гласных (всюду менее 20; максимум—18, минимум—1).

Однако практически количество слогов в корейском языке может быть гораздо больше, так как могут создаваться и создаются самые разнообразные слоги, в особенности для написания иностранных имен, фамилий, названий и транскрибирования иностранных слов. Возможности создания таких слогов в корейском языке очень велики.

ЗВУКИ И БУКВЫ

Обозначение звуков на письме. Фонемы *р, т, к, с* и их варианты—звонкие *б, д, г, ж* и импловивные *п, т, к, т'* соответственно обозначаются на письме одной буквой: *в, с, г, х*. Фонемы *р, т, к, с', с''* обозначаются удвоенными буквами: *ш, ц, п, ж, л*, а придыхательные *р', т', к', с'*—несколько видоизмененными буквами, употребляемыми для обозначения слабых: *ч, с, э, х*. Дифтонгоиды *и*-образные обозначаются буквами, служащими для записи простых гласных с дополнительным начертанием: *а* *а'*—*а* *а'*, *о* *о'*—*о* *о'*, *и* *и'*—*и* *и'*, *е* *е'*—*е* *е'*. Дифтонгоиды *и*-образные и дифтонг обозначаются буквами, представляющими собой сочетание двух графем: *е₁* *и'*—*и'*, *и'* *и'*—*и'*, *а* *и'*—*и'*, *о* *и'*—*и'*, *ε* *и'*—*и'*, *е₂* *и'*—*и'*, *ши*—*и'*.

Всего корейский алфавит насчитывает 40 букв: 28 букв первоначального алфавита и 12 букв составных.

Принципы записи слога. Буквы при письме объединяются в слоги; при этом слог записывается не в одну строку, а комбинируется вокруг знака для гласного в зависимости от того, какое начертание буквы—вертикальная или горизон-

тальная черта—является основным. Таким образом, различаются два типа слогов: слог вертикальной оси, например: 가, 각, 꺾, и слог горизонтальной оси, например: 교, 꺾, 꺾.

Слоги, включающие диграфы, составляются по принципу слога вертикальной оси, например: 꺾, 꺾, 꺾.

Слог, состоящий из одного гласного звука или начинающийся с гласного звука, записывается всегда с помощью буквы о и соответствующей гласной буквы. В таком случае буква о никакого звука не обозначает. Она же в конце слога употребляется для обозначения заднеязычного п. Например: 한 an, 아-우 a-u, 양 iaп, 강 kaп.

Орфография. Написание слов в корейском языке базируется либо на морфологическом, либо на фонетическом принципе. Доминирующим в корейской орфографии является морфологический принцип, которому удалось восторжествовать в результате нескольких реформ, имевших место в последние десятилетия. Основы морфологического направления в корейской орфографии были заложены еще деятельностью Чу Си Гёна (начало XX в.). Первая и радикальная реформа корейской орфографии была проведена в 1933 г., вторая— в 1948 г. и третья, незавершенная— в 1949 г.

Чрезмерное увлечение морфологическим принципом в орфографии привело к тому, что в 1949 г. была сделана попытка под предлогом последовательного проведения морфологического принципа в корейском правописании ввести шесть новых букв, являющихся не знаками фонем, а знаками отношений между фонемами. Почти все эти буквы были предложены для написания корней предикативов с исторически сложившимися чередованиями, например: *ʃuʃ-ta* 'слушать' в форме прошедшего времени *tʃuʃ-ʃ-ʃ-ta* 'слушал', *toʃ-ta* 'помогать'—*to-ʃa-ʃ-ta* 'помогал', 'помог' и др. Новые буквы не обозначали ни одного из членов отношений в этих чередованиях. Так, например, буква Δ в слове *tʃuʃ-ta* не обозначала ни *t* ни *r*, а призвана была служить символическим изображением отношения *i:r* в целом. Таким образом, это был опыт обозначения на письме незвучащих единиц (морфонем) особыми буквами. Эта попытка не нашла применения нигде, кроме «Грамматики корейского языка» 1949 г. и нескольких статей в журнале «Чосон-о ёнгу»³⁸.

³⁸ См. А. А. Холодович, *О проекте реформы корейской орфографии 1949 г.* (сб. «Вопросы корейского и китайского языкознания», Л., 1958), а также ряд статей корейских языковедов — Ли Гык Но, Ли Се Ёна, Пак Сан Чжун в журнале «Чосон оmun» за 1958 г.

ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Ассимиляция согласных. В потоке речи в определенных условиях соседние согласные ассимилируются. Ниже приводятся основные случаи ассимиляции согласных.

Таблица 4

Начальный звук после- дующего слога ↙ Конечный звук предшествую- щего слога ↘	<i>l-</i>	<i>m-</i>	<i>n-</i>	<i>k-</i>	<i>p-</i>	<i>s-</i>
<i>-k</i>	<i>-p-n-</i>	<i>-p-m-</i>	<i>-p-n-</i>	—	—	—
<i>-t</i>	<i>-n-n-</i>	<i>-n-m-</i>	<i>-n-n-</i>	<i>/-k--k-/*</i>	<i>/-p-p- </i>	<i>-s-s-</i>
<i>-p</i>	<i>-m-n-</i>	<i>-m-m-</i>	<i>-m-n-</i>	—	—	—
<i>-l</i>	—	—	<i>-l-l-</i>	—	—	—
<i>-m</i>	<i>-m-n-</i>	—	—	—	—	—
<i>-n</i>	<i>-l-l-</i>	—	—	—	—	—
<i>-p</i>	<i>-p-n-</i>	—	—	—	—	—

* В скобках указан случай ассимиляции, наблюдаемый факультативно

Для конечных звуков *k*, *t*, *p* орфографически возможны соответственно: ㄱ, ㄷ, ㅈ, ㅊ, ㅌ, произносимые в конце слога как *k*, и ㅍ, ㅍ, ㅍ, ㅍ, ㅍ, произносимые в конце слога как *t*; а также ㅂ, ㅅ, ㅅ, ㅅ, ㅅ, произносимые в конце слога как *p*.

Следовательно, такие слова, как, например, 낮만, 낮만, 낮만, 낮만, произносятся одинаково: *nan-man*.

Регрессивная ассимиляция гласных. В устной речи широко наблюдается явление частичной регрессивной ассимиляции гласных. Под влиянием гласного переднего ряда *i* в последующем слоге гласные заднего ряда *u*, *ɔ*, *o*, а также гласный *a* заменяются соответственно гласными переднего ряда *ʷi*, *e*, *ʷe*, *ɛ*. Например: 죽이다 'убивать' *ʷigi-da* (вм. *ʷigi-da*), 먹이다 'кормить' *megi-da* (вм. *mɔgi-da*), 보이다 'виднеться', 'показываться' *pʷei-da* (вм. *poi-da*), 아기 'ребенок', 'дитя' *ɛgi* (вм. *agi*) и др.

ЧЕРЕДОВАНИЯ

При образовании форм одного и того же слова в корне (основе) слова происходит в определенных случаях чередование согласных. Чередования, наблюдаемые на стыке кор-

ня с аффиксами, подразделяются на фонетические и исторические. Кроме того, в корейском языке выделяются еще так называемые орфографические (или мнимые) чередования.

Фонетические чередования. Фонетические чередования наблюдаются как у именных корней, так и у корней предикативов. Типы простых фонетических чередований: p^c/p (ip^c-i-i_p 'лист', $kap^c-un-kap-ta$ 'платить'); t^c/t ($pat^c-e-pat$ 'поле', $kat^c-un-kat-ta$ 'одинаковый'); $\acute{c}/\acute{t}$ ($pi\acute{c}^c-i-pi\acute{t}$ 'свет', $\check{c}o\acute{c}^c-un-\check{c}o\acute{t}-ta$ 'гнаться'); $\acute{c}/\acute{t}$ ($na\acute{z}-i-na\acute{t}$ 'день', $i\acute{z}-un-i\acute{t}-ta$ 'забывать'); s/t ($os-i-o\acute{t}$ 'одежда', $p\acute{o}s-un-p\acute{o}\acute{t}-ta$ 'снимать'); $\acute{s}/\acute{t}$ ($i\acute{s}-un-i\acute{t}-ta$ 'иметься'); k/k ($pa\acute{k}e-pa\acute{k}$ 'снаружи', 'вне'), $\acute{k}\acute{o}k-un-\acute{k}\acute{o}k-ta$ 'ломать'; k^c/k ($pu\acute{k}^c-e-pu\acute{k}$ 'кухня').

Кроме простых, имеют место чередования групп согласных с одним: два согласных в конце корня, произносимые оба в интервокальной позиции (один—в конце первого, другой—в начале второго слога), в положении перед согласным, кроме h , или перед паузой заменяются одним из них.

Имеется девять так называемых пар согласных, посредством которых соответствующие группы согласных постоянно обозначаются в составе корня: ㄷ, ㅌ, ㅊ, ㅌ, ㅈ, ㅉ, ㅊ, ㅌ, ㅊ, ㅌ. Типы чередований: lk/k ($talgi-tak$ 'курица', $ilg-un-ik-ta$ 'читать'); lm/m ($\acute{c}o'm-un-\acute{c}o'm-ia$ 'молодой'); lp/p ($n\acute{o}lb-un,-n\acute{o}p-ta$ 'широкий'); lp^c/p ($unlp^c-un-unp-ta$ 'декламировать'); lt^c/l ($halt^c-un-hal-ia$ 'лизать'); ls/l ($tolsi-tol$ 'годовщина'); $n\acute{c}/n$ ($an\acute{z}un-an-ia$ 'садиться'); ps/p ($kapsi-kap$ 'цена', $\acute{o}ps-un-\acute{o}p-ta$ 'не иметься'); ks/k ($n\acute{o}k\acute{s}i-n\acute{o}k$ 'душа').

Исторические чередования. Исторические чередования согласных наблюдаются только в корнях предикативов. Типы чередований: $t//r$ ($tut-ta$ 'слушать'— $tur\acute{o}\acute{t}-ta$); $p//u$ ($t\acute{o}p-ta$ 'жаркий'— $t\acute{o}-un$, $t\acute{o}-\acute{o}$); $t//\text{нуль}$ ($\acute{c}it-ta$ 'строить'— $\acute{c}i-un$); $l//\text{нуль}$ ($al-da$ 'знать'— $a-n-un$).

Мнимые чередования. В случае так называемых мнимых или орфографических чередований на самом деле никакого чередования не происходит. Вследствие того что в корейской орфографии унифицировано правописание придыхательных и непридыхательных вариантов окончаний у предикативов (например, окончание $t^c a$ пишется так же, как ta , а к корню прибавляется буква ㅎ , обозначающая придыхание), создается видимость чередования: $l\acute{o}-\text{ㄴ}$ ($\text{많다 } man-t^c a$ 'много'— $\text{많은 } man-un$), $\text{ㅌ}-\text{ㄴ}$ ($\text{잃다 } il-t^c a$ 'потерять'— $\text{잃은 } il-un$), $\text{ㅎ}-\text{нуль}$ ($\text{좋다 } \acute{c}o-t^c a$ 'хороший'— $\text{좋은 } \acute{c}o-un$).

Действие закона гармонии гласных в современном языке проявляется в том, что состав гласных в слове при образовании некоторых его форм, а иногда и при образовании слов определенным образом регулируется в зависимости от качества гласного звука корня или гласного его конечного слога: по закону гармонии гласных открытому гласному корня (или его последнего слога) *о*, *а* соответствует в аффиксе открытый гласный *а*, закрытому же гласному — *и*, *і*, *ш*, *э* соответствует закрытый гласный *э*. Так, в соответствии с законом гармонии гласных подбирается суффикс второй основы (см. стр. 61—62).

Закону гармонии гласных отвечает, как правило, состав гласных в изобразительных словах, образованных от одного общего корня. Например: слова с разными оттенками значений „пестрый“, „разноцветный“, „пятнистый“, „в ярких пятнах“: *allaḡ-allaḡ*, *ḡllḡḡ-ḡllḡḡ*, *al'oḡ-alloḡ*, *ḡlluk-ḡlluk*.

Некогда в корейском языке действие закона гармонии гласных распространялось и на систему склонения, как это имеет место в тюркских, монгольских, финно-угорских и некоторых других языках агглютинативного строя. Правилам единообразия гласных в составе слова подчинялись окончания, например, дательного и винительного падежей. Действие этого закона сводилось к тому, что гласные могли быть или только закрытыми *ш*, *і*, *и* (по терминологии корейских лингвистов — *шт* — т. е. „темными“): *ш*, *і*, *и* и др., или только открытыми — *iaḡ* „светлыми“ — *а*, *о* и др.

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ

Вопросы ударения в корейском языке разработаны очень слабо. Ряд исследователей полагает, что в корейском языке существует как силовое, так и музыкальное ударение. Музыкальное ударение сводится к повышению голосового тона³⁹, которое может либо падать на один слог, либо распространяться на несколько слогов. В корейском языке можно заметить также и элементы силового ударения, причем уда-

³⁹ Повышение голосового тона как признак музыкального ударения не следует смешивать с системой тональных различий, имеющей место, например, в китайском, вьетнамском и других языках: такое явление корейскому языку несвойственно. Установлено, однако, что в пору интенсивного китайского влияния в заимствованных из китайского языка словах некоторое время сохранялись три из четырех китайских тонов (ровный, восходящий и нисходящий), преобразовавшиеся затем в количественные характеристики гласных.

рение в разных словах (это зависит главным образом от количества слогов) падает на разные по порядку слоги, например: *kǒ-ul* 'зеркало', *no-ré* 'песня' *ok-su-sú* 'кукуруза'. В двусложных и трехсложных словах ударение чаще всего падает на последний слог, например: *kun-dé* 'армия', *man-sé* 'ура', *ǒ-mǒ-ni* 'мать', *ku-rim-ǒá* 'тень'. В четырехсложных и пятисложных словах бывает два ударения — одно на втором слоге, другое на последнем: *man-sú-tu-gáŭ* 'много лет жизни', *i-gi-ǒu-i* 'эгоизм', *i-gi-ǒu-i-ǒá* 'эгоист'. При изменении формы слова (что ведет к увеличению слогов) ударение перемещается: *kun-dé-gá*, *ǒ-mǒ-ni-rúŭl*. Ударение может менять свое место также в стихотворных произведениях, песнях и т. д. В качестве примера можно привести обычное ударение в слове *ǒ-mǒ-ni* (на последнем слоге) и необычное в припеве песни: *ǒ-mǒ-ni, ǒ-mǒ-ni!* 'Мама, мама!' (сначала на первом, а затем на втором слоге).

Вопросы корейского ударения, как и вопросы интонации, еще, к сожалению, не подвергались экспериментальному изучению⁴⁰.

АЛФАВИТ И ТРАНСКРИПЦИЯ

Корейский алфавит состоит из двух частей: 1) знаки для обозначения согласных звуков и 2) знаки для обозначения гласных звуков.

Порядок расположения букв в каждой из этих частей менялся, что отразилось на порядке расположения статей как в толковых словарях корейского языка, так и в переводных словарях.

Ранее за основу алфавита в словарях принимались согласные; слова, начинающиеся с гласных, помещались под буквой, которая служит для обозначения заднеязычного согласного *ŋ* и, кроме того, всегда ставится в начале слога, начинающегося с гласного. В последнее время в КНДР при составлении словарей, справочников и т. п. употребляется новый алфавит.

Ниже (табл. 5) приводится алфавит в соответствии со сводом „Орфография корейского языка“, опубликованным Академией наук КНДР в 1954 г.⁴¹.

⁴⁰ Из работ, в которых затрагиваются вопросы корейского ударения, можно назвать следующие: Е. Д. Поливанов, *Гласные корейского языка*, 1916; 리 극로, 조선어 음성학, 평양, 1949; Н. Junker, *Koreanische Studien*, Berlin, 1955; 리응수, 조선의 새로운 정형시 창제 방향에 대한 의견, «조선 문학», 1956, № 12.

⁴¹ 조선어 철자법, 조선민주주의인민공화국 과학원, 1956, 6—7페이지.

Согласные			Гласные		
буква	фонематическая транскрипция	практическая транскрипция	буква	фонематическая транскрипция	практическая транскрипция
ㄱ	<i>k</i> (<i>g</i> , <i>k</i>)	<i>к</i> (<i>з</i>) ^{1*}	ㅏ	<i>a</i>	<i>a</i>
ㄴ	<i>n</i>	<i>н</i>	ㅑ	<i>i a</i>	<i>я</i>
ㄷ	<i>t</i> (<i>d</i> , <i>t</i>)	<i>т</i> (<i>ð</i>)	ㅓ	<i>ɔ</i>	<i>ɔ</i> или <i>o</i> ⁴²
ㄹ	<i>l/r</i>	<i>л/р</i>	ㅕ	<i>i ɔ</i>	<i>йɔ</i> или <i>йo</i>
ㅁ	<i>m</i>	<i>м</i>	ㅗ	<i>o</i>	<i>o</i>
ㅂ	<i>p</i> (<i>b</i> , <i>p</i>)	<i>п</i> (<i>б</i>)	ㅛ	<i>i o</i>	<i>ё</i>
ㅅ	<i>s</i> (<i>t</i>)	<i>с</i> (<i>*m</i>)	ㅜ	<i>u</i>	<i>у</i>
ㅇ	<i>ŋ</i>	<i>нб</i>	ㅠ	<i>i u</i>	<i>ю</i>
ㅈ	<i>č</i> (<i>ž</i> , <i>t</i>)	<i>ч</i> (<i>чж</i> , <i>*m</i>)	ㅡ	<i>ш</i>	<i>ы</i>
ㅊ	<i>č^c</i> (<i>t</i>)	<i>чх</i> (<i>*m</i>)	ㅣ	<i>i</i>	<i>и</i>
ㅋ	<i>k^c</i> (<i>k</i>)	<i>кх</i> (<i>*к</i>)	ㅓ	<i>ε</i>	<i>э</i>
ㅌ	<i>t^c</i> (<i>t</i>)	<i>тх</i> (<i>*m</i>)	ㅖ	<i>i ε</i>	<i>йэ</i>
ㅍ	<i>p^c</i> (<i>p</i>)	<i>пх</i> (<i>*n</i>)	ㅗ	<i>e</i>	<i>e</i>
ㅎ	<i>h</i>	<i>х</i>	ㅛ	<i>i e</i>	<i>йе</i>
ㅈ	<i>k</i>	<i>кк</i> (<i>*к</i>)	ㅕ	<i>u e₁</i>	<i>ве</i>
ㅊ	<i>t</i>	<i>тт</i>	ㅗ	<i>u i</i>	<i>ви</i>
ㅋ	<i>p</i>	<i>пп</i>	ㅜ	<i>ш i</i>	<i>ый</i>
ㅌ	<i>s</i>	<i>сс</i> (<i>*m</i>)	ㅓ	<i>u a</i>	<i>ва</i>
ㅍ	<i>č</i>	<i>чч</i>	ㅕ	<i>u ɔ</i>	<i>вɔ</i>
			ㅖ	<i>u ε</i>	<i>вэ</i>
			ㅗ	<i>u e₂</i>	<i>ве</i>

^{1*} В скобках без звездочки указан вариант, возможный между гласными и после сонорных; со звездочкой — вариант, возможный в конце слога перед согласными или в конце слова перед паузой.

⁴² Звук [ɔ] в практической транскрипции может быть также обозначен о. В транскрипции, употребляемой в прессе, дополнительный знак снимается, и звуки [o] и [ɔ] обозначаются одинаково — одной и той же буквой «о». Снимается в прессе и твердый знак. В результате чего *п* и *п* обозначаются одинаково буквой «н». Опыт передачи по аналогии с транскрипцией китайских названий корейского *п* — через «н», а *п* — одной буквой «н» (например, в географических названиях Аньчжу, Саривонь, Каньын и т. д.) имеет основания, но натапливается на ряд практических неудобств. Широко распространена при передаче корейских фамилий транслитерация *ɔ* через русское «е», например, «Кан Ген» вместо *Кан Гэн*.

СОСТАВ ЛЕКСИКИ

В словарном составе современного корейского языка различаются три крупных лексических слоя: исконно корейская лексика, китайский лексический слой и заимствования из разных, главным образом европейских, языков.

Исконно корейская лексика объединяет слова, существующие в корейском языке с древних времен и выражающие в большинстве своем самые жизненно необходимые понятия.

Особо следует подчеркнуть, что исконно корейская лексика является структурной и семантической базой фразеологической системы корейского языка.

Незначительную часть исконно корейской лексики занимают слова, заимствованные в разные эпохи из различных языков, ассимилировавшиеся и утвердившиеся в языке и не отличающиеся от прочих слов исконно корейской лексики (например, *мал* 'лошадь', *мэ* 'сокол' и др. заимствованы из монгольского языка, слово *ппань* 'хлеб'—из португальского через японский и т. д.). В корейской топонимике северо-восточных районов сохранились чжурчженьские слова, например: *сокху*, *памккачжи*, *кхунькхенги* и др. Но почти все эти слова уже не воспринимаются как иноязычные заимствования. Историю заимствований такого рода подчас весьма трудно установить.

Особо выделяются из состава исконно корейской лексики изобразительные (ономато-поэтические) слова, занимающие сравнительно большое место в словарном составе корейского языка. В толковом словаре их насчитывается около шести тысяч. Изобразительные слова составляют необыкновенно богатый и разнообразный лексический слой. Воспроизводя и запечатлевая самые различные образы, выражая ощущения, эмоции, настроения, изобразительные слова представляют собой удивительно многокрасочную палитру средств художественной выразительности. Эти слова фактически непередаваемы. Недаром проф. Е. Д. Поливанов называл их „звуковыми жестами“. В большинстве случаев их можно только передать описательно. Обилие изобразительных слов является одной из характерных особенностей, отличающей корейский язык от многих других языков.

Вторую большую группу составляет китайский слой лексики, объединяющий как слова, заимствованные непосредственно из китайского языка, так и слова, образованные из китайских лексических элементов либо в самом корейском, либо в японском языке.

Как уже отмечалось выше, длительные связи с Китаем привели в Корею к тому, что в течение многих веков официальным ее языком был исключительно китайский язык. Китайские заимствования той эпохи чрезвычайно многообразны: это весьма многочисленные слова, словообразовательные элементы, типы и модели словообразования. Все это имело большое значение для развития и обогащения словарного состава корейского языка. Более 70% словарного состава современного литературного корейского языка составляют слова китайского слоя. Китайскими словами были вытеснены даже некоторые корейские числительные и некоторые термины родства.

Следует, однако, помнить, что китайские заимствования претерпевали изменения не только в своем фонетическом облике и морфологической структуре, но часто подвергались и переосмыслению.

В составе этой группы много слов, образованных в японском языке и вошедших в словарный состав корейского языка. Например: 飛行機 кор. *пи-хэнь-ги* 'самолет'—яп. *хи-кō-ки* (ср. кит. 飛 *фэй* 'летать', 行 *син* 'идти', 機 *цзи* 'машина'), 時計 кор. *си-гйе* 'часы'—яп. *то-кэй* (ср. кит. 時 *ши* 'время' и 計 *цзи* 'считать'). Такие слова, образованные из китайских лексических элементов, обозначаются китайскими иероглифами одинаково и в корейском, и в японском языке (исключения единичны).

К числу слов китайского лексического слоя относится и немногочисленная, но интересная по образованию группа так называемых иллюзорных китаизмов. Эти слова представляют собой кальки с японских сложных слов, образованные с помощью китайских морфем. Примером такого слова может служить слово *ин-ха* 入下 'новое поступление', 'вновь поступившие товары'—калька с японского слова *ирини*⁴³.

Принадлежность отдельных слов к тому или иному лексическому слою не всегда очевидна: этимология иногда бывает затемненной. Однако в целом каждый лексический слой характеризуется специфичными для него особенностями звукового состава и структуры слога, типами морфем, способами и средствами словообразования, что вместе с тем не исключает наличия и черт, общих для разных лексических слоев.

⁴³ Чистыми японизмами являются слова, сохраняющие фонетический облик японского слова (напр.: *пентто* — от японского *бэнто* 'завтрак или обед, который берут с собой в специальном металлическом сосуде'). Могут быть, очень редко, правда, и чистые китаизмы (напр.: *чхван* 'лодка' — в северо-западных, пограничных с Китаем районах и др.), сохраняющие фонетический облик слов китайского языка.

Так, например, в словах китайского слоя в отличие от слов исконно корейских в конце слога не встречаются согласные *т* (как и *т*, чередующееся с *с*, *чж*, *чх*, *тх*), *п*, чередующееся с *пх*; в начале слова невозможны сильные согласные *кк*, *тт*, *пп*, *чч*; в начале слога не встречается согласный *кх* (исключение—*кхвэ*).

В звуковом составе изобразительных слов часто встречаются сильные согласные *кк*, *пп*, *тт*, *чч*, *сс*, придыхательные *кх*, *тх*, *пх*, *чх* и сонорные *н*, *нъ*, *м*, *л*; характерна гармония гласных.

Определенные различия наблюдаются и в словообразовательной форме указанных выше лексических слоев.

Благодаря наличию этих двух больших лексических слоев в корейском языке чрезвычайно велико количество синонимов—слов с одинаковыми или очень близкими значениями, одно из которых исконно корейское, а другое—китайского лексического слоя, например: *эмни* и *мочхин* 'мать', *нал-мада* и *мэил* 'ежедневно', *оныл* и *кымил* 'сегодня' и т. п.

Вопрос о взаимодействии и взаимопроникновении исконно корейской лексики и лексики китайского слоя представляет большой интерес. Любопытны, в частности, слова смешанного типа: сложные, образуемые путем соединения корейских и китайских корней, например: *чхосэнь-дал* (初生—) 'молодой месяц' (из кит. *чхосэнь* 'новолуние' и кор. *тал* 'луна', 'месяц'), и производные, которые могут создаваться путем соединения основы китайского слоя с исконно корейским аффиксом, например: *кёвэн-чжил* (教員—) 'учительство', 'работа учителем', и, наоборот, например: *пан-пнъэри* (半—) 'полуглухой'.⁴⁴

Таким образом, перечисленные выше лексические пласты словарного состава современного корейского языка не изолированы друг от друга, а находятся в тесной взаимосвязи и постоянном взаимодействии.

Третью лексическую группу составляют слова, заимствованные из других, в основном европейских (преимущественно английского и русского) языков. Слова данной группы имеют явные признаки иноязычного происхождения.

РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА

Словарный состав корейского языка непрерывно пополняется и обогащается. Это происходит главным образом за

⁴⁴ Здесь мы не говорим об образовании сложно-производных слов — глаголов и прилагательных, образуемых с помощью слов-суффиксов *-ха-да*, *-тве-да* и *-сикхи-да* от китайских основ и корней. Такие слова составляют очень большой процент в общем числе производных слов.

счет словообразования. Наиболее древние, исконно корейские слова, характеризующиеся многозначностью, представляют для словообразования большие возможности, особенно в области словосложения (ср., напр.: *чип* 'дом', *кхал-чип* 'ножны', *пэл-чип* 'улей', *кэми-чжип* 'гнездо паука', *кэми-чжип* 'муравейник', *ппанъ-чжип* 'пекарня', 'хлебная лавка', *сул-чип* 'шинок', *мул-чип* 'волдырь', *мом-чип* 'комплексия', *ттонъ-чжип* 'кишечник' и др.).

В словообразовании, особенно при образовании терминологии, широко используется и лексика китайского слоя с ее точностью и краткостью, однозначностью и разнообразием словообразовательных типов, необычайно широкой подвижностью и сочетаемостью лексических элементов (ср., напр.: *квэнянъ* 'подъем', 'подъемный', *квэнянъ-ги* 'лебедка', *чу-квэнянъ-ги* 'главная лебедка', *чу-квэнянъ-ги-сил* 'зал главной лебедки', *чу-квэнянъ-ги-сил-чанъ* 'начальник зала главной лебедки').

Бурный количественный рост словарного состава сопровождается и качественным изменением лексики. Слова устаревшие выходят из употребления, превращаясь в пассивный запас. У многих слов изменились и расширились значения, некоторые слова переосмыслены.

В последнее время корейский язык пополнился большим количеством неологизмов, отражающих явления и понятия, связанные с новой государственностью, успехами и достижениями народно-демократического строя и социалистического строительства в Корейской Народно-Демократической Республике.

Известную роль в пополнении словаря играют и заимствования из других языков.

С конца XIX и особенно с начала XX в. в корейский язык стало проникать очень много слов из европейских языков, главным образом из английского. Некоторые из них вошли в корейский язык через японский, например: *сяччы* (яп. *сяцу*, англ. *shirt*) 'рубашка (мужская)', *реру* (яп. *рэру*, англ. *rail*) 'рельсы' и др.

Следует, однако, различать и такие иноязычные слова, употребление которых является в какой-то мере случайным. Таковы, например, употребляемые в настоящее время в Южной Корее английские слова *мисытхэ* 'мистер', *миссы* 'мисс', *миссесы* 'миссис', *пои* 'бой' (т. е. слуга), *сытхэндэ* *ппа* 'бар' и др.

В настоящее время в корейском языке широко употребляются многие заимствования из русского языка. Это могут быть либо отдельные слова; либо кальки общественно-политической и научной терминологии, а также устойчивые сло-

восочетания. Широко употребительны такие русские заимствования, как *кхыручжёкхы* (кружок), *семинары* (семинар), *укхыллады* (уклад), *тхыресытхы* (трест), *очхерыкхы* (очерк), *ттема* (тема), *сюжсетхы* (сюжет), *ёлкка* (ёлка), *хыллэбы* (хлеб), *колбасса* (колбаса) и др.

Кальками с русских словосочетаний являются термины *сэньсан хйэбихве* 'производственное совещание', *сахвечжусуй кйонъчжэнь* 'социалистическое соревнование' и др.

Многие слова интернациональной лексики также стали употребляться сейчас в КНДР в их русском звучании, в связи с чем изменено во многих случаях и их правописание: *ттырактторы* вместо *тхырэкътхэ*, *меллодия* вместо *меллоди* и т. д.

В связи с тем, что в области специальной терминологии мала доля исконно корейской лексики и слишком велик процент слов китайского слоя и иноязычных терминов, в Корее время от времени оживляются пуристические тенденции: делаются попытки заменить массу слов китайского слоя, а также заимствования из других языков словами исконно корейского происхождения (вместо *хаккё* 'школа', *пэул-чип*, *пихэнги* 'самолет' — *нал-тхыл*, *аисыкхырим* 'мороженое' — *эрым-квачжа* и др.), особенно в области специальной терминологии (например, в грамматике — вместо *мёнъса* 'существительное' — *ырым-сси*, *тонъса* 'глагол' — *умчжик-сси*, *чэптуса* 'префикс' — *ап-пучхим*, *чэм-миса* 'суффикс' — *тви-пучхим* и др.) При этом часто используются архаичные слова и корни, давно вышедшие из употребления и ставшие непонятными, вследствие чего такие образования прививаются редко.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Понятие корня и основы. Корневые морфемы исконно корейских слов могут состоять из одного, двух, трех и более слогов⁴⁵. Корни изобразительных слов состоят, как правило, из одного или двух слогов, причем корень обычно повторяется. Реже встречаются корни из трех слогов и совсем редко — из четырех или пяти (мы включаем в состав корня и так называемые наращенные элементы, явля-

⁴⁵ В древнекорейском языке слова состояли из двух и более слогов. Односложные слова современного корейского языка представляют собой либо результат стяжения двух слогов исконно корейского слова в один (напр.: *кэ* 'собака', *ттанъ* 'земля', *пйэл* 'звезда' и др.), либо слова, заимствованные из других языков, преимущественно из китайского (*сан* 'гора', *канъ* 'река' и др.).

ющиеся в современном языке частью корня изобразительного слова).

В китайском же лексическом слое простые корневые морфемы чаще всего односложны. Слово может совпадать с односложным корнем, например: *мун* 'дверь', или состоять из двух или нескольких односложных корней (так называемые сложенные корневые морфемы), например: *мин-чжу* 'демократия' (*мин* 'народ' + *чжу* 'хозяин'), *йэ-вэр-ил* 'дата' (*йэ* 'год' + *вэр* 'месяц' + *ил* 'день'). Такое сочетание двух или нескольких односложных морфем, каждая из которых потенциально сохраняет в большей или меньшей мере самостоятельное лексическое значение и является значимым элементом внутренней формы слова, образует особого рода лексему, отличную по своему характеру от слов исконно корейского слоя.

Этой относительной самостоятельностью китайских морфем и объясняется возможность образования большого количества практически не поддающихся учету в словарях окказиональных слов типа *хи-сосик* 'радостное известие', *кэнсэл-бо* 'темпы строительства' (букв.: 'строительные шаги') и т. п.

Способы словообразования. В корейском языке различаются следующие способы словообразования: 1) фонетико-морфологический, или безаффиксный; 2) лексико-синтаксический; 3) морфолого-синтаксический; 4) морфологический.

Безаффиксный способ имеет место при образовании глаголов и прилагательных, в особенности же изобразительных слов, например: *питтурэ-чжид* и *ппиттурэ-чжид* 'покошиться', 'наклониться', *пэндыл-пэндыл*, *пандыл-пандыл*, *ппэндыл-ппэндыл*, *ппандыл-ппандыл* — о чем-либо гладком, скользком и т. п. Это явление отражает очень древние процессы, связанные с фонетическими закономерностями корейского языка, в числе которых прежде всего необходимо назвать гармонию гласных. Этот способ в современном языке непродуктивен.

Лексико-синтаксический способ, т. е. образование слов из устойчивых словосочетаний типа *почжал-кэт-эпта* 'не стоящий внимания', 'никудашный', 'неприглядный', 'неказистый' (ср. русск.: 'сегодня', 'заблагорассудится' и др.) — из *по-чжа* + *л* + *кэт* + *эп-та*.

Морфолого-синтаксический способ иначе называется конверсией. Это переход слов из одного лексико-грамматического разряда в другой, например: *кхы-да* 'большой' > *кхы-да* 'расти', *чам* 'сон' от *ча-да* 'спать', *киппы-м* 'ра-

доть' от *киппы-да* 'радостный', *эр-ым* 'лед' от *эл-да* 'замерзать' и т. п.⁴⁶.

Наиболее емким и продуктивным является морфологический способ, охватывающий такие способы словообразования, как аффиксация (префиксация и суффиксация), сложение (корнесложение, основосложение, словосложение) и образование сложно-производных слов. Сюда же примыкает и образование сокращенных и сложносокращенных слов типа *си-данъ* 'горком партии' и *конъ-дэ* 'политехнический институт'.

Структурные типы слов. По типу словообразовательной формы следует различать слова простые (непроизводные), производные, сложные (сложносокращенные) и сложно-производные. Сложно-производными мы называем слова, состоящие из корня (или основы) и слова-суффикса. Например: *ир-ха-да* 'работать', *чидо-ха-да* 'руководить'.

Деление слов на простые, производные, сложные и сложно-производные в некоторой мере условно. Многие слова, которые мы сейчас считаем непроизводными (например, *сарам* 'человек'), по происхождению являются производными (*сар-ам* от глагола *сал-да* 'жить') или сложными.

Многие аффиксы современного языка (особенно префиксы) в древнем языке были самостоятельными словами. Развитие префиксов (их около сорока, причем большинство из них приименные) генетически и структурно связано со словосложением (корнесложением). Ср., например, такие слова, как *ванъ-гэми* 'крупный муравей', *ванъ-бол* 'крупная пчела' и *ванъ* 'король'.

Производные слова. Кроме простых, неизменяемых суффиксов, к которым относятся все суффиксы имен существительных и некоторые суффиксы предикативов (такие, например, как *и*, *хи*, *ки* и др.), в корейском языке большую роль в словообразовании играют так называемые суффиксоиды (изменяемые суффиксы) и слова-суффиксы.

Суффиксоидом называется сложная морфема, состоящая

⁴⁶ Возможно, что субстантивация форм инфинитива некогда происходила, хотя такие слова, как *сарам* 'человек', *йэрым* 'плод' и др., встречаются уже в песнях «хянгга» (VI—VIII вв.). Возникает вопрос, можно ли считать, что к субстантивации относится образование большого количества слов с суффиксами *-м/-ым* и *-ки* в настоящее время. По нашему мнению, здесь имеет место обычное суффиксальное словообразование. С помощью этих суффиксов образуются часто слова с отвлеченным значением (отглагольные и отприлагательные имена). Среди них может быть много слов окказиональных. Но если слово получает широкое употребление, оно фиксируется словарями (напр.: *ус-ым* 'смех', 'улыбка', *ур-ым* 'плач', 'рыдание' и др.).

из двух частей — суффиксального корня и формообразующего аффикса, неотделимая от корня слова и лишенная самостоятельного значения, например: *-роп-та*, *-сырп-та*, *-кэри-да*, *-тэ-да*, *-и-да*, *-чи-да*, *-ттыри-да* и др.

Отсутствие самостоятельного значения и неотделимость отличают суффиксоиды от слов-суффиксов, которые тоже представляют собой сложную морфему, имеющую „вид“ слова, но могут быть отделены и сохраняют хотя и весьма обобщенное, но в известной мере самостоятельное лексическое значение. К словам-суффиксам относятся: *-ха-да*, *-тве-да*, *-сикхи-да*, *-чи-да*, *-пхиу-да*, *-пури-да* и др.

Среди производных слов исконно корейского слоя сравнительно большое место занимают слова, образованные от изобразительных корней: существительные (напр.: *ттунъ-ттунъ-бо* 'толстяк'), глаголы (напр.: *ккал-ккал-кэрида* 'смеяться', 'хохотать', *нэур-нэур-хада* 'развешиваться', 'колысаться'), прилагательные (напр.: *умук-умук-хада* 'углубленный', 'образующий впадину'), наречия (напр.: *панъгыс-и* 'слегка [улыбнуться]', *пинъгыр-е* 'сдержанно [улыбнуться]' и др.).

Особо следует остановиться на структуре производных слов китайского слоя. Некоторые морфемы китайского лексического слоя, выполняющие функции аффикса, нередко сохраняют еще известную долю знаменательности, что позволяет им занимать в языке положение между аффиксом и корнем (словом). Двойственная природа таких морфем может быть передана двойным термином: „корень-префикс“, „корень-суффикс“.

Новые слова на базе китайских лексических элементов образуются уже по моделям, свойственным корейскому языку и во многих случаях отличающимся от китайского языка. Так, например, „вертолет“, „геликоптер“ по-китайски 直升飛機 *чжишэнь фэйцзи*, а по-корейски *чиксынъги* (直升機) или *чиксынъ пихэньги* (直升飛行機).

Интересно отметить, что если у китайских корней-префиксов ярче выражены свойства префикса, то у корней-суффиксов китайского слоя сильнее свойства корня, благодаря чему многие корни-суффиксы могут употребляться отдельно как самостоятельные слова; часто их используют как сокращения тех слов, в состав которых они входят. Так, например, корень-суффикс *сил* образует название помещений — *йэлламсил* 'читальный зал', *йонгусил* 'кабинет' и др. Корень-суффикс *со* образует название учреждений — *йонгусо* 'научно-исследовательский институт', *чэпхан-со* 'суд', *тхагасо* 'детские ясли' и др. Корни-суффиксы *сил* и *со* употребляются и отдельно, будучи в определен-

ном контексте носителями одного из возможных значений.

С этим неопределенным, выясняемым только из контекста или речевой обстановки значением корень-суффикс выступает и в составе других слов уже не как суффикс, а как корень, например: *со-чжанъ* может означать и „директор института“, и „председатель суда“, и „заведующий детскими яслями“ и т. п.

Кроме того, корень-суффикс *со* может употребляться и самостоятельно, например: *оныр-ын со-есэ хвеи-рыл хамни-да* ‘сегодня в институте состоится собрание’. В переводе мы условно взяли ‘институт’, хотя это может быть и любое другое учреждение, в названии которого есть корень-суффикс *со*. Такое употребление корней-суффиксов часто наблюдается в разговорной речи.

Сложные слова. Образование сложных слов в корейском языке, как и во многих других, происходит по так называемым моделям внутреннего синтаксиса. В частности, образование многих слов происходит по модели „опредетель + определяемое“, например: *кхо-ттынъ* ‘переносица’ (*кхо* ‘нос’, *тынъ* ‘спина’), *чип-тхокки* ‘кролик’ (*чип* ‘дом’ + *тхокки* ‘заяц’) и др. Любопытно, однако, отметить, что в отдельных случаях слово может быть образовано и по обратной модели, например: „козленок“ *йэмсо-сэкки* — *йэмсо* ‘коза’, *сэкки* ‘детеныш’ и *сэкки-йэмсо*; „медвежонок“ — *ком-сэкки* и *сэкки-гом*.

В образовании сложных слов участвуют и изобразительные слова. В составе сложного слова они могут выступать и в качестве первого компонента (*свак-сэ* ‘удод’) и в качестве второго (*нун-ккамчжаг-и* ‘моргун’). С помощью изобразительных слов в корейском языке образовано очень много терминов — названий животных, птиц, растений и т. д., например: *пник-пник-тоё* ‘черныш (кулик)’, *амул-баксэ* ‘черная синица’, *ккак-тоё* ‘бекас’, *аллак-вэгари* ‘выпь большая’ и др.

Образование лексикализованных словосочетаний. Характерной особенностью строя корейского языка является образование лексикализованных словосочетаний по способу „уподобления словам“: те же словообразующие морфемы, которые входят в состав производных слов, служат для образования более сложной, лексикализирующей единицы, составляемой по модели слова. Происходит нечто вроде „словообразования у словосочетаний“. „Уподобление словам“ осуществляется с помощью слов-суффиксов, аффиксальных корней и др. Примеры: *тэ-чангэмул-сыкхи-кйонъги* ‘гигантский слалом’ (из *тэ* ‘большой’, *чангэмул* ‘препятствие’, *сыкхи* ‘лыжи’, *кйонъги* ‘состязание’), *нэл-би*

ттви-ги 'прыжок в длину' (из *нэлб-и* 'ширина', *ттви-ги* 'прыжок'), *вэнбан тэнчжи-ги* 'метание диска' (из *вэнбан* 'диск', *тэнчжи-ги* 'бросок', 'метание') и др.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Все фразеологические единицы современного корейского языка могут быть разделены на четыре группы.

I. Богатейший арсенал исконно корейской фразеологии, разнообразной по своим структурным особенностям. Широкое использование исконно корейской лексики во фразеологических единицах объясняется многозначностью, присущей большинству слов корейского слоя. Так, например, глагол *но-тха* характеризуется двумя группами значений: „класть“, „ставить“, „располагать“ и „выпускать“, „отпускать“. К первой группе значений из отмеченных в „Малом словаре корейского языка“⁴⁷ тяготеют следующие: 1) „класть“ (положить), „ставить“, „расстановливать“, „располагать“; 2) „выращивать“, „разводить“; 3) „делать стежки (иглой)“, „прокалывать“; 4) „устанавливать (цену)“, „подсчитывать“. В таких значениях глагол *но-тха* и входит в многочисленные фразеологические единицы: *сом-ыл но-тха* 'подбивать ватой', *су-рыл но-тха* 'вышивать', *муни-рыл но-тха* 'украшать узорами', *чуса-рыл но-тха* 'делать укол', *нуге-рыл но-тха* 'разводить шелкопряда', *супхан-ыл но-тха* 'считать на счетах', *кым-ыл нот-ха* 'назначить цену' и др. Второй группой объединяются следующие значения: 1) „выпускать из рук“, „упускать“; 2) „выпускать“, „отпускать“, „освобождать“; 3) „посылать“, „командировать“; 4) „поджигать“; в этих значениях *но-тха* встречается во фразеологических сочетаниях: *моги-ппурыл но-тха* 'развести костер' (от *кома-ров*), *чхонъ-ыл но-тха* 'выстрелить', *ттар-ыл но-тха* 'выдать дочь замуж', *сонънйэг-ыл но-тха* 'развить скорость' и др.

Фразеологические единицы, построенные на исконно корейском лексическом материале, составляют основу корейской фразеологии. И в количественном отношении они явно преобладают над остальными группами.

II. Заимствованные из китайского языка фразеологические единицы. Большую часть среди них занимают четырехсложные выражения, каждое из которых функционирует в языке как цельная лексическая единица, однородная со словом. Примеры: *ил-гэ-янъ-дык*

⁴⁷ 조선어 조사전, 평양, 1955.

‘одним взмахом руки два раза поймать’, *ку-мил-пок-кэм* ‘во рту мед, а в животе меч’ и т. д. Реже употребляются китайские выражения, состоящие из трех или же пяти, шести и более слогов. Чаше употребительны такие китайские выражения, которые уже в той или иной мере грамматически освоены корейским языком путем введения корейских грамматических формантов, служебных слов и др., например: *ил-сынъ-ил-пхэ-нын пйонъ-га-санъ-са* ‘раз победить, раз потерпеть поражение — обычное дело для солдата’ (*-нын* — корейский выделительный аффикс).

Отдельные фразеологические единицы составлены из китайских лексических элементов в Корее, например: *кым-ганъсан-до сик-ху-гйонъ* ‘И Алмазными горами хорошо любоваться, когда сыт’ (*-до* — корейский присоединительный аффикс).

III. Кальки с китайских фразеологических единиц. Дословно переведенные китайские выражения часто употребляются наравне со своим китайским эквивалентом, тоже употребительным, например: *нун у-е сзри чхи-н-да* (кит. *сол-санъ-га-санъ*) ‘на снег, да еще иней’ (т. е. ‘беда не приходит одна’).

IV. Кальки с фразеологических единиц других языков, например: *сынъянъ-и турйон-кэдын самним-е ка-чжи мал-ла* ‘если (тебе) страшен волк, не ходи в лес’ (ср. русск.: ‘Волков бояться — в лес не ходить’).

СЛОВАРИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Одноязычные толковые словари корейского языка стали составляться совсем недавно, в начале 20-х годов нашего столетия. Первым толковым словарем корейского языка был словарь Мун Се Ёна (1937 г.). Ниже приводятся некоторые сравнительные данные об основных толковых словарях корейского языка: ‘Словарь корейского языка’ Мун Се Ёна (доп. изд. 1940, Сеул), включает свыше 100 тыс. слов, ‘Словарь литературного корейского языка’ Ли Юн Чжэ (Сеул, 1940) — 75 865 слов, ‘Малый словарь корейского языка’ АН КНДР (Пхеньян, 1955) — 41 927 слов, ‘Большой словарь корейского языка’ Корейского лингвистического общества (6 томов, Сеул, 1947 — 1956) — 157 473 слова, ‘Словарь корейского языка’ АН КНДР (выходит из печати, Пхеньян) — 165 тыс. слов.

В последнее время было издано много специальных терминологических словарей по различным отраслям знания. Новый ‘Орфографический словарь корейского языка’ вышел в свет в Пхеньяне в 1956 г. Имеются также исто-

рические толковые словари (Ли Сан Чхуна, Чон Хи Чжуна и др.), охватывающие главным образом лексику памятников корейского языка и всякого рода архаизмы. Особое место занимают иероглифические словари („ок-пхён“), которые сочетают в себе элементы этимологического, толкового и орфоэпического словарей, поскольку каждый иероглиф, поясняемый с разных сторон в этом словаре, служит для обозначения одного из лексических элементов корейского языка. Это своеобразные словари корневых морфем китайского лексического слоя, хотя в первую очередь они служат справочниками иероглифов — одного из средств корейской письменности.

Среди двуязычных словарей, которые стали появляться уже со второй половины XVII в., в настоящее время имеются корейско-китайские, китайско-корейские, корейско-русские, русско-корейские, корейско-английские, англо-корейские и другие словари (см. список литературы в конце книги). Любопытно отметить, что первым иностранцем, составившим переводный корейский словарь, был Михаил Пуцилло („Опыт русско-корейского словаря“, СПб., 1874). Словарь М. Пуцилло не потерял своей научной ценности и до настоящего времени как лексикографический труд, отражающий диалектные особенности корейской лексики районов крайнего севера Корейского полуострова (провинция Хамгёndo).

В настоящее время в Институте языка и литературы АН КНДР составляется первый „Фразеологический словарь корейского языка“.

МОРФОЛОГИЯ

СТРУКТУРА СЛОВА И ФОРМА СЛОВА

Как и в других языках, слово в корейском языке представляет собой единство лексических и грамматических форм.

Лексические формы слова объединяют различные компоненты его смысловой структуры, не нарушающие единства слова. Лексическими формами слова представлена его закономерная многозначность. Так, например, у существительного *мэри* в „Малом словаре корейского языка“ отмечено четыре разных, но взаимосвязанных значения: 1) голова; 2) волосы; 3) сообразительность; 4) макушка, верхушка.

К лексическим формам относятся и различные фономорфологические варианты одного и того же слова (боль-

шинство из них можно назвать стилистическими формами слова), такие, как *пэм* и *пэам* 'змея', *сэ* и *саи* 'промежуток', *пуккырэум* и *пуккырэм* 'стыд', 'смущение', *кырэ-тха* и *кырэ-хада* 'такой', 'таков', *ирэн* и *ирэхан* 'такой', *чом* и *чоным* 'немного', *ну* и *нугу* 'кто', *ссам* и *ссаум* 'борьба', *э* и *аи* 'ребенок', *йэги* и *ияги* 'рассказ' и т. д.

Грамматические формы в широком смысле включают в себя словообразовательную и функциональные формы слова. В узком толковании грамматическими являются только функциональные формы.

В отличие от некоторых других языков, в частности от флективных, слово в корейском языке выступает как единство структурных модификаций в двух планах: 1) вне речи (как словарная единица); 2) в потоке речи (во всем многообразии функциональных форм—реляционных и деривационных). При этом важно подчеркнуть, что в корейском языке в подавляющем большинстве случаев очень наглядна делимость слова на основную принадлежность, выражающую лексическое значение, и формально-функциональную принадлежность, представляющую то или иное его грамматическое значение.

Слово как словарная единица включает те элементы, которые имеют вещественное значение, а также те, которые отличают его от других частей речи. Словарная форма, таким образом, совпадает со словообразовательной формой слова. Словарная форма совпадает и с одной из его функциональных форм. Так, например, у имен словарная форма совпадает с формой основного падежа, у глаголов и предикативных прилагательных—с одной из форм конечной сказуемости. Словарная форма слова призвана представлять в словаре основную функцию слова—номинативную.

Образование функциональных форм слова относится к области формообразования. Формообразующие аффиксы являются выразителями дополнительных формальных значений слова, сопровождающих его основное (лексическое) значение. В некоторых случаях в системе предикативов формообразование сопровождается словоизменением, осуществляемым с помощью словоизменяющих аффиксов.

В современном корейском языке наиболее употребительными грамматическими способами образования функциональных форм слова являются аффиксация и служебные слова. В зависимости от этого различаются простые (синтетические) и сложные (аналитические) формы.

Реляционная функциональная форма служит для выражения отношений данного предмета мысли к другим

предметам того же предложения. Таковы, например, формы падежей, деепричастия и др.

Деривационная функциональная форма служит для выражения дополнительного формального или смыслового оттенка. Таковы, например, форма множественного числа, присоединительного указания, ограничительного указания и т. д.

И реляционные и деривационные формы образуются посредством аффиксов, выражающих те или иные грамматические категории. При этом реляционными формами выражаются позиционные категории, т. е. категории, связанные с определенной синтаксической функцией слова в предложении. Деривационными же формами выражаются преимущественно непозиционные категории — такие, например, как множественное число имен, присоединительное указание и др.

Вместе с тем характерной особенностью деривационных форм является совмещение двух оттенков значения — смыслового и формального. Так, например, группа аффиксов, при помощи которых выражается „категория уточнения“ (см. стр. 54), имеет двойственную природу: с одной стороны, употребление этих аффиксов не связано с позицией слова в предложении и они могут быть в составе различных членов предложения — подлежащего, дополнения и других, выраженных разными частями речи, но преимущественно именами, а с другой стороны, они, будучи компонентом формы слова, играют в определенной мере ту же роль, что и реляционные аффиксы. Выражение смыслового оттенка совмещается у них с выражением и какой-то доли формального значения, благодаря чему в ряде случаев и происходит „вытеснение“ деривационными аффиксами аффиксов реляционных в составе функциональной формы, например: *на-до ка-нда* 'я тоже иду', *кы-нын синмун-до по-нда* 'он газету читает' и др. Опускание в таких случаях деривационного аффикса делает, как правило, функциональную форму неполноценной, а во многих случаях такое опускание просто невозможно.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ И ФОРМООБРАЗОВАНИЕ

Таким образом, основное различие между словоизменением и формообразованием состоит в том, что с помощью словоизменения, осуществляемого посредством суффиксов словоизменения, выражаются непозиционные грамматические категории, в то время как с помощью формообразования выражаются, как правило, позиционные грамматические ка-

тегории. В определенных случаях исключение составляют лишь деривационные формы слова.

Функциональная форма слова образуется присоединением формообразующих аффиксов; словоизменительные же суффиксы (т. е. суффиксы времени, наклонения, залога, лица, интенсивности качества у прилагательных и др.) составляют часть функциональной формы слова, но не являются обязательным ее компонентом.

Функциональные формы в современном корейском языке в большинстве случаев различаются по группам частей речи: формы слов, объединяемых в группу имен (существительное, числительное, местоимение), и формы слов, объединяемых в группу предикативов (глагол и прилагательное; по особенностям формообразования к ним примыкают и связки). Выделяются формы, присущие только именам, и формы, присущие только предикативам. Разграничение по системам формообразования находит свое отражение и в традиционном делении частей речи на два разряда—имен (*чхэон*—„слова-субстанции“) и предикативов (*ёнъон*—„слова-акциденции“).

Различия в формообразовании обусловлены и спецификой употребления тех или иных групп слов в предложении, их синтаксическими функциями. Имена выступают в предложении преимущественно в роли подлежащего, дополнения, определения, а предикативы—преимущественно в роли сказуемого и определения. Вместе с тем характерной особенностью формообразования в корейском языке является наличие целого ряда точек соприкосновения в системах формообразования различных частей речи, что приводит к известному перекрещиванию в образовании форм.

Поскольку образование функциональной формы обычно обусловлено и синтаксической ролью слова в предложении, постольку образование функциональной формы слова представляет собой сложный процесс взаимодействия формы слова как части речи с формой слова как члена предложения. Когда, например, глагол выступает в необычной для него функции подлежащего, дополнения и т. п., происходит как бы приравнение его к имени (он употребляется в форме инфинитива) и его функциональные формы образуются в соответствии с парадигмой именного склонения. И, наоборот, необходимое приравнение формы имени к форме предикатива происходит тогда, когда имя выступает в предложении в необычной для него функции, например в функции сказуемого. Это достигается обычно с помощью связки, которая и раскрывает весь необходимый в этом случае комплекс предикативного отношения (категории конечной сказуемости, сообщения, ориентации, времени).

Среди аффиксов-окончаний как реляционных, так и деривационных форм необходимо различать, во-первых, параллельные аффиксы, т. е. аффиксы, равноценные по значению, употребляемые в зависимости от того, на гласный или на согласный звук оканчивается корень (основа) слова; во-вторых, соотносительные (чаще всего так называемые усеченные) варианты одного и того же аффикса, употребление которых связано с грамматико-стилистическими условиями; в-третьих, аналоги „основных“ аффиксов, употребление которых связано с определенными оттенками значения. За „основной“ мы принимаем наиболее употребительный вариант аффикса. Покажем это на некоторых примерах:

1) аффиксы-окончания реляционных форм: а) параллельные аффиксы: *-га/-и*, *-рыл/-ыл*, *-ва/-ква*, *-я/-а*, *-мнида/-сьмнида* и др.; б) соотносительные варианты: *-еге/-ге*, *-есэ/-сэ*, *-рыл/-л*, *-мйэнын/-мйэн*, *-кэманын/-кэман* и др.; в) аналоги „основных“ аффиксов, например: аналоги аффикса *-еге*—*-кке*, *-хантхе*, *-тэрэ*, аналоги аффиксов *-га/-и*—*-ккесэ*, *-ккесэ*, *-ро*—*-россэ* и др.;

2) аффиксы-окончания деривационных форм: а) параллельные аффиксы: *-нын/-ын* и др.; б) соотносительные варианты: *-дага/-да* и др.; в) аналоги „основных“ аффиксов, например: *-кхэйнэнь*—*-сэрийэ*.

Для образования функциональных форм в корейском языке употребляются также особые форманты, выполняющие роль аффиксов, образованные по определенным моделям, например: *-хаго*, *-лого*, *-чихо*, *-малго* и др.

Кроме того, для образования функциональных форм широко используются функционально-служебные слова: именные (*кэт*, *па*, *те*, *тхэ* и др.) и глагольные (*мал-да*, *пэри-да*, *по-да* и др.), а также частицы и послелоги.

Реляционные и деривационные аффиксы в речи самостоятельно не употребляются, хотя на письме и бывают расположены в отрыве от слова (так называемое дистантное положение аффикса): могут следовать за какими-либо условными знаками, цифрами, не берутся, как правило, в кавычки, если берется в кавычки основа слова (однако если выделяется не только вещественное значение слова, но и значение формы, аффикс также заключается в кавычки: «*на-ый*» *кэт* „мое“).

Подобно тому как возможно „уподобление словам“ с помощью словообразующих морфем, возможно и образование формы словосочетания по модели формы слова—с помощью тех же формообразующих морфем: *ып-нэ мот мичхэ-е ин-нын чунъган веттан чумаг-есэ ча-т-та* 'Перено-

чевал в одиноко стоящем посреди дороги трактире, не доходя до уездного городка'; *на-ый майм сок кипх-и-е-до кыр-н сукче-рыл качжи-н де-га орэ-йэ-н-не* 'Я давно вынашиваю глубоко в душе моей такую задачу'.

Всякая форма слова в корейском языке имеет двоякое значение: будучи прежде всего формой данного слова, она является в то же время и формой всего словосочетания, состоящего из слов, относящихся к данному слову. Как частный случай образования формы словосочетания следует рассматривать и такие формы, в которых, подобно вышеуказанным, создается видимость изоляции формообразующих аффиксов (в том числе наращение их на формы конечной сказуемости, типа *хан-да-нын*, *ха-нын-га-рыл* и др.). По существу это одно и то же явление. Фонетически аффикс спаян со словом, за которым он следует. Таким образом, он и входит в форму того слова, к которому он присоединяется и одновременно образует форму словосочетания, компонентом которого является это слово.

Разграничение словообразования и формообразования в корейском языке, как и в других языках, в ряде случаев представляет известные трудности вследствие того, что функции и значения некоторых аффиксов в языке оказываются неоднородными. Ср., например, суффиксы залога у глаголов—*чуг-и-да* 'убивать', *мэг-и-да* 'кормить' и др., образующие в то же время глаголы от прилагательных—*нопх-и-да* 'повышать' и т. п. Точно так же в самой системе формообразования не всегда четко отграничиваются реляционные и деривационные формы.

ЧАСТИ РЕЧИ

Части речи в корейском языке объединяют пять групп, пять лексико-грамматических разрядов слов: имена, предикативы, наречия, служебные слова и междометия. К именам относятся существительные, местоимения, числительные, к предикативам—глаголы и прилагательные, к наречиям, кроме собственно наречий,—модальные и изобразительные слова. Служебные слова включают послелогии, союзы, частицы, служебные имена, служебные предикативы. Особую группу составляют междометия.

Корейские языковеды, руководствуясь прежде всего грамматическим критерием, выделяют обычно следующие части речи в корейском языке: 1) существительное, 2) числительное, 3) местоимение, 4) прилагательное, 5) глагол, 6) атрибутив (*кванхйэнь-са*)—т. е. слова, употребляемые только в функции определения—недостаточные прилагатель-

ные, определительные формы числительных, указательные местоимения; и, кроме того, некоторые префиксы и т. д., 7) наречие, 8) прилепы (*тхо*, включающие реляционные и деривационные формообразующие аффиксы), 9) междометие. Эта классификация в значительной мере следует традиции, начало которой положил Чу Си Гён (1876—1914) своими трудами по грамматике корейского языка. Чу Си Гён насчитывал девять частей речи: 1) имена (*им*), 2) прилагательные (*эт*), 3) глаголы (*ум*), 4) прилепы (*кйэт*), 5) соединители (*ит*), 6) определители (*эн*), 7) наречия (*эк*), 8) междометия (*нол*), 9) концовки (*ккыт*). Из приводимых им примеров видно, что к таким разрядам, как прилепы, соединители и концовки, Чу Си Гён относил преимущественно не слова, а морфемы, грамматические форманты. Следует, однако, учесть, что положение о членимости, морфологической разложимости слова было большим шагом вперед для того времени. Разграничив „прилепы“ и „концовки“, Чу Си Гён был близок к фактическому признанию того, что системы форм слов различны у разных групп частей речи.

ИМЕНА

Общие для имен грамматические категории. Категория падежа. Склонение в корейском языке агглютинативное, т. е. при склонении к основе имени присоединяется („приклеивается“) окончание соответствующего падежа. При этом к основе могут быть присоединены и другие форманты.

Различается два типа склонения: первое—склонение имен, основа которых оканчивается на гласный звук, и второе—склонение имен с основой на согласный.

Система склонения представлена в табл. 6.

Одна из особенностей корейского склонения состоит в том, что некоторые падежные формы образуются не только от основы имени, но и от других падежных форм, т. е. на одно падежное окончание наращивается еще одно или два. Так образуются составные падежи, подразделяющиеся на две группы: у одной группы падежей в качестве конечного форманта выступает окончание винительного, местного или творительного падежей, у другой—окончание родительного падежа. В корейском языке основа имени имеет значение самостоятельного слова и обладает способностью при известных условиях без каких-либо формообразующих аффиксов выступать в предложении в той или иной синтаксической позиции. Эту форму имени мы определяем как фор-

Падсжи	Падежные окончания		Примеры		
	первое склонение	второе склонение	первое склонение	второе склонение	
Основной	—	—	тонъму 'товарищ'	наму 'дерево'	сарам 'человек' пам 'ночь'
Именительный	-га	-и	тонъму-га	наму-га	сарам-и пам-и
Родительный	-ый	-ый	тонъму-ый	наму-ый	сарам-ый пам-ый
Винительный	-рыл	-ыл	тонъму-рыл	наму-рыл	сарам-ыл пам-ыл
Дательный: неодушевленных имен	-е	-е	тонъму-е (напр., тонъму-е 'тэ-хайз')	наму-е	сарам-е (напр., сарам-е 'тэ-хайз') пам-е
одушевленных имен	-еге	-еге	тонъму-еге		сарам-еге
Местный	-есз	-есз	/тонъму-есз/*	наму-есз	/сарам-есз/ пам-есз
Творительный	-ро	-ыро**	тонъму-ро	наму-ро	сарам-ыро пам-ыро
Совместный	-ва	-гва	тонъму-ва	наму-ва	сарам-гва пам-гва
Звательный	-я	-а	тонъму-я	наму-я	сарам а пам-а

* Местный падеж при одушевленных именах имеет ограниченное употребление, хотя возможность образования этой формы от любого имени не исключается.

** Слова второго склонения, оканчивающиеся на *л*, а также имена во множественном числе — с суффиксом *тыл* — изменяются в творительном падеже по первому склонению, т. е. имеют окончание *ло*, например: *кхал-ло* 'ножом' и др.

му основного падежа. Подобно тому как в русском языке в качестве словарной формы имени используется именительный падеж, в корейском языке в качестве словарной формы служит основной падеж. Имя в основном падеже может быть в предложении подлежащим (*сарам ка-нда* 'человек идет'), именной частью сказуемого (*сарам-и-да* 'это—человек'), определением (*сарам мок-сори* 'голос человека'), прямым дополнением (*сарам по-нда* 'вижу человека'), косвенным дополнением (*сарам чу-нда* 'даю человеку'), обращением (*тонъму!* 'товарищ!'), обстоятельством (*сэул ка-нда* 'едет в Сеул').

Имя в именительном падеже выступает в предложении как подлежащее: *сарам-и ка-нда* 'человек идет' или именная часть сказуемого: *игэс-ын чхэг-и ани-да* 'это не книга'.

Родительный падеж передает обычно отношения принадлежности в широком смысле слова: *абэчжи-ый чип* 'дом отца', *на-ый чогук* 'моя родина', *инмин кундэ-ый вихун* 'подвиг Народной Армии'; различается родительный объекта: *торо-ый сури* 'ремонт дорог', *хйэнулсе-ый чинъсу* 'сбор натурального налога' и родительный изъяснения: *ссорйэ-ый инсанъ* 'впечатления о Советском Союзе', *тхочжи-ый норэ* 'песня о земле'.

Круг значений винительного падежа—винительный прямого объекта: *синмун-ыл по-нда* 'читает газету'; винительный пространства: *кир-ыл ка-нда* 'идет по дороге', *панъ-ыл нао-нда* 'выходит из комнаты', *сан-ыл нэрийэ-онда* 'спускается с горы'; винительный времени: *пхйэньсэнъ-ыл хэньбог-ыл йэмэ-ха-йэ-т-та* ' всю жизнь мечтал о счастье'; винительный внутреннего дополнения: *чам-ыл ча-да* 'спать', *усым-ыл ут-та* 'смеяться'.

Дательный падеж имеет объектные и обстоятельственные значения. Объектные значения—косвенного объекта: *тхочжи-рыл нонъмин-еге чу-э-т-та* 'отдали землю крестьянам', *чэрсэ-е сэнамур-ыл понэ-т-та* 'посылали подарки фронту (на фронт)'; действующего лица (или предмета), субъекта действия при глаголах со значением страдательного залога: *коянъи-га кэ-еге чот-ки-нда* 'собака гонится за кошкой'; лица или вообще живого существа, которое обладает каким-либо предметом, свойством и др. (с глаголом *ит-та*) или, наоборот, не обладает (с глаголом *эп-та*). Обстоятельственные значения—места действия или местонахождения: *кы-нын вэсан-е са-мни-да* 'он живет в Вонсане', *чонъхан-тэхэг-й пхйэньянъ-е ис-сымни-да* 'университет находится в Пхеньяне'; обозначение направления (часто при глаголах -движения): *хаккё-е ка-нда* 'идет в

школу'; времени: *се-си-е о-си-о* 'приходите в три часа'; причины: *ёран-хан сори-е синбог-ын ккэ-на-т-та* 'от сильного шума Син Бок проснулась'.

Местный падеж употребляется для обозначения места исходного пункта и иногда субъекта действия. Этот падеж указывает на место как на сферу, в которой происходит действие (тогда как дательный падеж используется только для указания на место как на определенный пункт), например: *кы-нын конъчжанъ-есэ ир-ха-мни-да* 'он работает на заводе'. Местный падеж часто употребляется для указания на помещение, вместилище; в таком случае значение сферы очевидно. Кроме того, местный падеж употребляется и для указания на обстоятельства совершения действия, например: *пхачжонъ сазб-ын эрйз-ун чоккэн-есэ чинхэнъ-тве-йз-т-та* 'посевная проводилась в трудных условиях'. Часто местным падежом обозначается исходный пункт, например: *кэсэнъ-есэ ва-т-та* 'приехал из Кэсона'; к этому значению падежа восходит и употребление его для обозначения субъекта как источника действия, например: *и хаккё-нын кёюксэнъ-есэ квалли-ха-нда* 'этимися школами ведаёт Министерство просвещения'.

Творительный падеж имеет объектные и обстоятельственные значения. К объектным относятся значения—орудия действия: *кхал-ло пе-нда* 'режет ножом'; материала: *чеби-нын чинхылг-ыро чиб-ыл чис-со* 'ласточка делает свое гнездо из глины'; характеристики действующего лица: *на-нын пиннонъга-ый йзин-ыро чхулсэнъ-тве-йз-т-та* 'я родилась дочерью бедного крестьянина'. К обстоятельственным относятся значения—причинные: *киа-ро чуг-з-т-та* 'умер от голода'; времени: *ту си-чжэн-ыро о-си-о* 'приходите до двух часов'; направления: *чиб-ыро ка-пси-да* 'идемте домой'; способа и образа действия или состояния: *чэн-хо-апх-е тор-и мудеги-го сса-йз-т-та* 'перед скопом грудой лежали камни'.

Круг значений совместного падежа—совместный сопровождения: *нэ-ва нэ-га ка-гет-та* 'пойдем ты и я', *ури-ва хамкке норэ-ха-нда* 'гоют вместе с нами'; совместный встречного действия: *вэнссу-ва сса-вз-т-та* 'сражался с врагами'; совместный уподобления, сопоставления: *коянъ-нын пэм-гва кат-та* 'кошка похожа на тигра'.

Звательный падеж служит для обозначения лица, к которому обращаются, например: *сунам-а, ири о-нэра* 'Сунам! Иди-ка сюда!'

В составных падежах большую роль в общем значении падежа играет конечный компонент, завершающий составную падежную форму и определяющий синтаксическую

позицию слова: первая группа—дательно-винительный (-*е-рыл*), дательно-местный (-*еге-сэ*), творительно-местный (-*ро-сэ*), дательно-творительный (-*е-ро*, -*еге-ро*); вторая группа:—дательно-родительный (-*е-ый*, -*еге-ый*), местно-родительный (-*есэ-ый*), творительно-родительный (-*ро-ый*), совместно-родительный (-*ва-ый*), дательно-местно-родительный (*еге-сэ-ый*), творительно-местно-родительный (*ро-сэ-ый*), дательно-творительно-родительный (-*е-ро-ый*, -*еге-ро-ый*).

Категория уточнения (или конкретного указания) служит для уточнения и конкретизации отношений между именами и другими словами в предложении и обозначает дополнительные смысловые оттенки. Эта категория выражается с помощью деривационных аффиксов и включает следующие указания: выделительное, присоединительное, ограничительное, подчеркнутое, приблизительное, противительное, сравнительное и др.

Основной функцией выделительного указания является смысловое („актуальное“) членение предложения. Выделительное указание подчеркивает исходное высказывания и ограничивает его от нового в высказывании. Например: *танъсин-и нугу-мни-кка? на-нын хаксэнъ-и-мни-да* ‘Вы кто? Я—студент’. Аффиксы выделительного указания—*-нын/-ын*.

Присоединительное указание означает, что действие, состояние или свойство относится также и к данному предмету или лицу: *на-до кидари-гет-та* ‘я тоже подожду’. Аффиксы присоединительного указания: *-то*, *-чочха*, *-ккач-жи* и др.

Ограничительное указание означает, что другие предметы или лица не имеют отношения к данному действию, состоянию или свойству, или выделяет действие, состояние, свойства из ряда других: *на-ман ка-гет-та* ‘только я пойду’, *улги-ман ха-нда* ‘только плачет’. Аффикс ограничительного указания: *-ман*.

Подчеркнутое указание означает, что именно данному предмету или лицу приписывается действие, состояние или свойство. Например: *кы сарам-ия а-нда* (или *кы сарам-иямалло а-нда*) ‘именно он знает’. Аффиксы подчеркнутого указания: *-я*, *-рая*, *-ямалло*.

Приблизительное указание означает, что существует выбор между несколькими возможностями (который иногда может быть ограничен и одной возможностью): *пэ-на кам-ина чапсу-си-о* ‘кушайте грушу или хурму’, *пур-ина чом кхйэ-о* ‘зажги-ка свет, что ли’. Аффиксы приблизительного указания: *-на*, *-тынчжи*.

Противительное указание означает, что действие не распространяется не только на указанный, но и на менее зна-

чительный предмет, или, наоборот, распространяется на более значительный, чем указанный. Например: *нэ-нын пэм-[ын] кхэйнэ тхокке-до мот чап-кет-та* 'ты не только тигра, зайца-то не поймаешь'. Аффикс противительного указания: *кхэйнэ*.

Сравнительное указание означает, что данный предмет приводится для сравнения в качестве образа или меры (степени), например: *ккамагви-тте-чхэрм таллэй-дырэ-т-та* 'налетели, как стая ворон'. Аффиксы сравнительного указания: *чхэрм, манянэ*.

Существительное. Состав существительных. По своей словообразовательной форме существительные делятся на четыре группы: 1) непр производные (*чип* 'дом', *пада* 'море'); 2) производные (*ил-ккун* 'работник', *кеырым-чжэ-нэи* 'лентяй'; *чаккок-ка* 'композитор' от *чак-кок* 'композиция', 'сочинять мелодию' + корень-суффикс *ка*; 3) сложные (*пэл-чип* 'улей' от *пэл* 'пчела' и *чип* 'дом', *нару-ппэ* 'паром' от *нару* 'перевоз' и *пэ* 'лодка').

Значительное число существительных относится к особому разряду, причем такого рода существительные мы называем недостаточными. Эти слова обычно выполняют в предложении только функцию определения и практически употребляются в форме либо лишь основного падежа, либо двух-трех падежей. Примеры: *кукке* 'международный', *хосанэ* 'взаимный', *чэрэ* 'обычный', 'обычно', 'как правило', *мучжинчжанэ* 'неиссякаемый', 'неисчерпаемый', *кагван* 'привлекательное зрелище', *мачхангачжи* 'все равно', 'одно и то же', *пулгур-ый* 'несгибаемый', 'стойкий', *пурху-ый* 'неувядаемый', 'бессмертный' и др. Все слова, причисляемые к группе недостаточных существительных, и семантически и грамматически сближаются с категорией предметности, с существительными; относить их к прилагательным лишь ввиду обычно свойственной им функции определения (чем, кстати, руководствуются словари при переводе подобного рода слов) нет достаточных оснований.

Определительная основа существительных образуется при помощи суффикса *-чэк* и может употребляться самостоятельно в следующих функциях: определения (*квахак-чэк йэнгу* 'научное изучение'); приложения—в сочетании с определительной формой связки (*квахак-чэг-ин йэнгу* 'научное изучение'), 'изучение, являющееся научным'); обстоятельства образа действия—в форме творительного падежа (*квахак-чэг-ыро сэлмйэнь-хэ-т-та* 'научно объяснил'); именной части сказуемого—в сочетании со связкой (*кы-гэс-ын квахак-чэг-и-да* 'это научно', *кы-гэс-ын квахак-чэг-и ани-да* 'это не научно').

Суффикс *-чжк* находится на грани формообразующей и словообразующей морфемы (подобно тому как, например, в русском языке суффиксы существительных женского рода, образуя форму, создают и слово: артист—артист-ка). образуя форму слова (определятельную основу), суффикс *-чжк* одновременно создает производные слова с отвлеченным значением признака (ср. субстантивированное прилагательное в русском языке: „типическое“, „комическое“), благодаря чему они и переводятся прилагательными.

Показательно, что слова с суффиксом *-чжк* обычно словарями не фиксировались. Это подтверждает признание за ними свойств формы слова. Да и практически учесть их весьма трудно, так как в контексте эту форму могут принимать очень многие существительные.

Определятельная основа существительных употребляется для выражения детерминирующих определений (см. стр. 93). Интересно отметить, что А. А. Драгунов называет китайскую морфему 的 *-ды* (кор. *-чжк*) „определятельным суффиксом“⁴⁸, а проф. Е. Д. Поливанов сравнивал значение этого суффикса со значением определенного артикля⁴⁹.

Грамматическое употребление этих форм и прежде всего их склоняемость, хотя и ограниченная (как у недостаточных существительных), и их значение дают основание считать, что отнесение их к разряду прилагательных, как это делается в нашей корееведческой литературе сейчас (в работах автора очерка—„именные прилагательные“ в отличие от предикативных), вызывает сомнение.

Категория числа. Основа существительного в корейском языке не выражает ни единичности, ни множественности. Так, слово *сарам* означает и ‘человек’ и ‘люди’, слово *каму*—и ‘деревя’ и ‘деревья’. Однако значение множественности может быть выражено специально присоединением к основе суффикса *-тыл*: *сарам-дыл* ‘люди’, *чип-тыл* ‘дома’. При отсутствии суффикса множественного числа количественная характеристика может определяться в предложении числительным или каким-либо другим словом, например: *тасэт сарам-и ва-т-та* ‘пришли пять человек’, *сарам-и ман-сымни-да* ‘народу (людей) много’, *ман-ын сарам-и ва-т-та* ‘пришли многие (люди)’.

Суффикс *-тыл* может употребляться и с именами, которые обозначают несчитаемые предметы и явления. В таком

⁴⁸ А. А. Драгунов, *Исследования по грамматике современного китайского языка*, М., 1952, стр. 171.

⁴⁹ А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов, *Грамматика современного китайского языка*, М., 1930, стр. 82.

случае он имеет собирательное значение (например, после двух или нескольких собственных имен и т. п.). Использование этого суффикса в качестве заместителя субъекта действия (ср., например: *чал-дыл ва-с-сымни-кка?* 'Благополучно ли вы доехали?', *конъбу-дыл чал ха-мни-кка?* 'Хорошо ли вы учитесь?') следует, по-видимому, рассматривать как пережиточное явление.

Категории одушевленности и лица. Все имена существительные распадаются на две группы: имен одушевленных и имен неодушевленных.

Различие одушевленных и неодушевленных имен существительных получает грамматическое выражение в формах дательного и соответственно ряда составных падежей. Как и в русском языке, различие предметов одушевленных и неодушевленных в корейском языке не соответствует различию живого и неживого в естествознании. Так, к одушевленным именам относятся в корейском языке слова: *коин* 'покойный', *токкаби* 'черт', 'демон', *ккоктугакси* 'кукла', 'марионетка' и др. Некоторые имена употребляются и как неодушевленные и как одушевленные, например, *кундэ* 'армия'. В некоторых случаях неодушевленные имена могут употребляться как одушевленные, например, *самханънйон-еге усыньги-рыл чу-э-т-та* 'третьему курсу вручили переходящее знамя'.

Категория одушевленности-неодушевленности перекрещивается с категорией лица-нелица, что проявляется, например, в употреблении вопросительных местоимений (*нугу* 'кто' относится только к человеку, а *муэ* 'что' — ко всем остальным предметам, одушевленным и неодушевленным), а также в употреблении аналогов аффикса именительного падежа *-ккесэ* и *-ккеонсэ* (возможных только в случае, если речь идет о лицах).

Местоимение. Для корейского языка до сравнительно недавнего времени характерно было неупотребление личных местоимений. Наличие категории ориентации, своеобразных способов выражения лица и других грамматических средств, а также обилие специальных слов типа „ваша супруга“, „ваш сын“, „моя жена“, „мой сын“ (ныне вышли из употребления), совмещавших в себе значение притяжательного местоимения, делали возможным (а правила стилистики предписывали) обходиться без личных местоимений. В значении личных местоимений употреблялись некоторые существительные с указательными местоимениями. Так, например, в значении личного местоимения первого лица единственного числа употреблялось слово *мом* 'тело' с указательным местоимением *и*: *и мом-и чук-ко чуэ-э ил-*

пэк-пэн кочх-йэ чуг-э... (из стихотворения Чон Мон Чжу, XIV в.). 'Пусть раз, иль два, иль сотню раз умру я...' В письмах в этом же значении употреблялось слово *кот* 'место': *и кос-и* 'я' (букв.: 'это место', 'здесь').

Личные местоимения, употребляемые в современном корейском языке, представлены в табл. 7.

Таблица 7

Личные местоимения

Лицо	Число	При обращении к		
		вышестоящему	равному	нижестоящему
1-е	Ед.	<i>чэ (че)</i>	<i>на (нэ)</i>	<i>на (нэ)</i>
	Мн.	<i>чэ-и*, чэ-и-дыл</i>	<i>ури, ури-дыл</i>	<i>ури, ури-дыл</i>
2-е	Ед.	<i>танъсин</i>	<i>чане</i>	<i>нэ (не)</i>
	Мн.	<i>танъсин-дыл</i>	<i>чане-дыл</i>	<i>нэ-и-*, нэ-и-дыл</i>

* Слог *и* в составе этих слов пишется Э.

Личное местоимение 3-го лица *кы-* (мн. ч. *кы-дыл*) употребляется вне зависимости от того, к кому обращается говорящий—к вышестоящему, равному или нижестоящему.

Указательные местоимения *и*, *кы*, *чэ* и их варианты *ё*, *ко*, *чо*, имеющие уничижительное значение, служат для указания на предмет или лицо для выделения его из ряда других: *и сарам* 'этот человек', *кы синмун* 'та газета'. Кроме того, указательное местоимение *и* может употребляться и в значении предметного местоимения, например: *и-нын хэёнъ-твел су эм-нын ир-и-да* 'это недопустимый случай'.

Обозначая пространственные отношения, указательное местоимение *и* указывает на предмет (лицо), находящийся близко к говорящему или к тому, к кому обращена речь, местоимение *кы*—на предмет, находящийся ближе к тому, к кому обращена речь, а местоимение *чэ*—на предмет, находящийся в отдалении от говорящего и лица, к которому обращена речь. Эти же местоимения используются и для выражения временных отношений (*кы ттэ-е* 'в то время').

В значении предметных или личных местоимений употребляются некоторые существительные и служебные имена в сочетании с указательными местоимениями *и*, *кы*, *чэ*: *и-гэт* 'это', *кы-гэт* 'это', 'то', *чэ-гэт* 'то'; *и-бун* 'он', 'она',

жы-бун 'он', 'она'; *и сарам* 'он', 'она' (букв.: 'этот человек'), *кы тонъму* 'он', 'она' (букв.: 'тот товарищ'), *и ном* 'он', 'она' (букв.: 'эта тварь'—о предмете, о животном); при употреблении по отношению к лицу имеет презрительное значение.

На базе указательных местоимений образованы слова с местоименным значением, составляющие соотносительные ряды: а) существительные *йэги* 'здесь', *кэги* 'здесь', 'там', *чэги* 'там'; б) наречия *ири* 'сюда', 'так', *кыри* 'туда'; 'так', *чэри* 'туда'; в) прилагательные *ирэ-хада*, *кырэ-хада*, *чэрэ-хада* 'таков', 'такой'.

Вопросительно-неопределенные местоимения в вопросительном предложении имеют значение вопросительных местоимений, а в утвердительном предложении—неопределенных. К этим местоимениям относятся: *нугу* 'кто?', 'кто-то', 'кто-нибудь' (о лицах), *муэ* 'что?', 'что-то', 'что-нибудь' (о предметах и явлениях), *элма* 'сколько?', 'сколько-то', 'сколько-нибудь', 'несколько' (о цене, числе), *мйэ* 'сколько?', 'сколько-то', 'сколько-нибудь', 'несколько' (о количестве), *эди* 'где?', 'куда?', 'где-то', 'куда-то', 'где-нибудь', 'куда-нибудь', *эчжэ* 'когда?', 'когда-то', 'когда-нибудь'.

К этому же разряду местоимений относятся два неизменяемых местоимения, употребляемых только в функции определения—*мусын* 'какой?', 'что за?', 'какой-то', *эны* 'какой?', 'который?', 'какой-то'.

Числительное. Состав числительных. Среди числительных количественных различаются исконно корейские и китайские слова. Исконно корейские наряду с китайскими употребляются только для названия единиц и десятков.

Исконно корейские

Китайские

один	<i>хана</i>	<i>ил</i>	(一)
два	<i>тул</i>	<i>и</i>	(二)
три	<i>сет</i>	<i>сам</i>	(三)
четыре	<i>нет</i>	<i>са</i>	(四)
пять	<i>тасэ</i>	<i>о</i>	(五)
шесть	<i>йэсэ</i>	<i>юк</i>	(六)
семь	<i>илгон</i>	<i>чхил</i>	(七)
восемь	<i>йэдэп</i>	<i>пхал</i>	(八)
девять	<i>ахон</i>	<i>ку</i>	(九)
десять	<i>йэл</i>	<i>син</i>	(十)

Исконно корейские слова, обозначающие десятки: 20 *сы-мул*, 30 *сэрын*, 40 *махын*, 50 *свин*, 60 *йесун*, 70 *ирхын*, 80 *йэдын*, 90 *ахын*.

Особенность корейской системы счета состоит в наличии трех классов—единиц, десятков тысяч (*ман*), сотен миллионов (*жк*), в каждом из которых по четыре разряда: единицы, десятки, сотни (*пэк*), тысячи (*чхэн*).

Порядковые числительные образуются от корейских числительных посредством суффикса *ччэ*, от китайских—посредством префикса *че*, например: „второй“—*тул-ччэ* или *че-и*.

Некоторые количественные числительные имеют определенную форму, используемую при конкретном счете: *хана* ‘один’—*хан*; *тул* ‘два’—*ту*; *сет* ‘три’—*се*, *сэж*, *сэ* и т. д.

Счетные слова. Конкретный счет в корейском языке ведется при помощи числительных в сочетании со счетными словами. Например: *кхал хан чару* ‘один нож’ (*кхал* ‘нож’+*хан* ‘одна’+*чару* ‘ручка’, т. е. ‘одна штука’). Существуют особые счетные слова для определенных групп предметов, сходных по внешним признакам, например: шарообразные и овальные, с плоской поверхностью и т. п. Разряд счетных слов разнороден по своему составу. Кроме почти универсального и имеющего широкую сферу употребления счетного слова *кэ* ‘штука’, этот разряд слов включает слова группового счета, например, для счета рыбы *турым* ‘вязка’ (обычно 20 шт.); исконно корейские слова поштучного счета: *мари*—при счете животных, *чару*—при счете ножей, карандашей, лопат и др., *карак*—при счете мелких предметов; китайские слова поштучного счета, называемые иногда счетными суффиксами или суффиксами-классификаторами: *мйонъ*—при счете людей, *мун* при счете орудий и др.; слова со значением меры, такие, как *кхйэлле* ‘пара’ (обуви, чулок и др.).

Предикативы

Грамматической категорией предикатива объединяются слова по присущему им свойству выражать сказуемое и иметь формы спряжения. К предикативам относятся глаголы и прилагательные. Связки в корейском языке изменяются так же, как и предикативы.

Не все языковеды считают выделение глагола и прилагательного как двух особых частей речи бесспорным. Г. И. Рамстедт, например, выделял только глагол, включая в глагол и прилагательные, которые он называл „качественными глаголами“⁵⁰. Объясняется это тем, что прилагательные в

⁵⁰ Г. Рамстедт, *Грамматика корейского языка*, перевод с английского, М., 1951, стр. 85.

корейском языке имеют действительно очень близкую к глаголу парадигму спряжения. Но все-таки на основании их особого лексического значения и целого ряда характерных для них грамматических особенностей большинство языковедов считает прилагательные особой частью речи.

Два типа основ. За словарную форму предикатива принимается одна из функциональных форм, состоящая из корня (основы) и окончания *-та*.

Для образования сложных слов и различных функциональных форм предикатива используются два типа основ: первая, образуемая отсечением от словарной формы аффикса *-та*, и вторая⁵¹, образуемая присоединением к первой основе специальной соединительной морфемы, которая может быть названа суффиксом второй основы (табл. 8).

Общие для предикативов грамматические категории. Категория конечной сказуемости и категория наклонения. Категория конечной сказуемости указывает на то, что посредством данной формы слова выражено заключительное сказуемое предложения (о заключительном сказуемом см. в разделе „Синтаксис“). Форма конечной сказуемости как показатель заключительного сказуемого, которое может быть выражено глаголом, предикативным прилагательным или именем в сочетании со связкой, является одним из основных признаков предикативности.

Различаются повествовательная, вопросительная, восклицательная, повелительная и пригласительная формы сказуемости, чем и определяется обычно тип предложения. Каждая из них может быть либо утвердительной, либо отрицательной. Отрицание выражается аналитической формой, причем у повелительной и пригласительной форм в образовании отрицательной (запретительной) формы участвует служебный глагол *мал-да*.

⁵¹ Данная форма предикатива названа нами второй основой в отличие от первой, которая у одних слов (непроизводных) может совпадать с корнем (*ка-да*, *мэк-та*, *кидари-да* и др.), у других же (производных, сложнопроизводных и сложных) состоит из двух или нескольких морфем (*мэг-и-да*, *чаю-роп-та*, *нэм-на-тыл-да*, *ир-ха-да* и др.). А. А. Холодович, выделяя три основы предикатива, принимает за вторую основу форму, оканчивающуюся на *-ы*. В старокорейском языке все корни предикативов оканчивались на гласный, и, таким образом, *мэг-ы* — это архаичная форма корня *мэк*-. Но если раньше гласный *-ы* входил в состав корня, то в современном языке он не является частью корня и играет роль соединительной морфемы (ср. аналогичное употребление *-ы* в окончаниях падежей). Имеется общее правило: соединительный гласный употребляется перед окончаниями, начинающимися с согласных *м*, *н*, *л/р*, *с*, *п*. Выделение формы на *-ы* в качестве основы (простой и, кроме того, производной, ибо *-ы*- употребляется и после временных суффиксов) нам представляется излишним.

Таблица 8

Гласный в конечном слове	Глаголы				Прилагательные				Связки	
	словарная форма	основы		словарная форма	словарная форма	основы		словарная форма	основы	
		первая	вторая			первая	вторая		первая	вторая
<i>а</i> или <i>о</i>	<i>пат-та</i> 'получать' <i>по-да</i> 'смотреть'	<i>пат-</i>	<i>пад-а</i>	<i>палк-та</i> 'светлый' <i>ноп-та</i> 'высокий'	<i>палк-</i> <i>ноп-</i>	<i>палг-а</i> <i>нопх-а</i>				
Открытый слог на <i>у, э, ы</i> закрытый слог на <i>у, э, ы</i> <i>э, и</i>	<i>чу-да</i> 'давать' <i>мжк-та</i> 'есть'	<i>чу-</i> <i>мжк-</i>	<i>чу-э</i> <i>мжг-э</i>	<i>нук-та</i> 'дешевый' <i>кзм-тта</i> 'черный'	<i>нук-</i> <i>кзм-</i>	<i>нуг-э</i> <i>кзм-э</i>				
Открытый слог на <i>и, э, е, ве,</i> <i>ви</i> (и гл. <i>хада</i>)	<i>ки-да</i> 'ползать' <i>ха-да</i> 'делать'	<i>ки-</i> <i>ха-</i>	<i>ки-йэ</i> <i>ха-йэ</i>	<i>пи-да</i> 'пустой' <i>се-да</i> 'сильный'	<i>пи</i> <i>се-</i>	<i>пи-йэ</i> <i>се-йэ</i>	<i>и-да</i> 'быть' <i>ани-да</i> 'не быть'	<i>и-</i> <i>ани-</i>	<i>и-йэ</i> <i>ани-йэ</i>	

Примечания. 1. Если корень предикатива оканчивается на слог *-ры-*, то при образовании второй основы между первым слогом корня и гармонирующим аффиксом появляется долгий *л*, записываемый двумя буквами — в конце первого слога и в начале второго, например: *мо-ры-да* > *мола-ла*, *пу-ры-да* > *пула-лэ*.

2. Если в корне наблюдается историческое чередование *п/у*, то первая основа имеет два варианта — нечередующийся и чередующийся (например: *р: тэл-та* > *тэл* и *тэ-у*), а вторая основа — только один — чередующийся (*тэ-во*). Точно так же при чередованиях *т-р*, *р-нуль*, *т-нуль* два варианта имеет только первая основа: *мут-та* > *мут-* и *мур-*; *ал-да* > *ал-* и *а-*; *чит-та* > *чит-* и *чч-*.

Категория конечной сказуемости в корейском языке совмещает значение конечной сказуемости со значением, которое в других языках выражается категорией наклонения. Первые три формы сказуемости—повествовательную, вопросительную и восклицательную—можно объединить одной общей категорией изъявительного наклонения (исходя из того, что глаголу, прилагательному и связке в изъявительном наклонении присущи категории сообщения и времени), а две остальные формы сказуемости объединить другой общей категорией—побудительного наклонения (или рассматривать их порознь как повелительное и пригласительное наклонения).

Формы конечной сказуемости, как правило, многозначны. Большинство из них выражает одновременно еще категорию ориентации. Некоторые же, когда показателем настоящего времени является нулевой аффикс, выражают еще и категорию времени.

Повелительная форма сказуемости выражает побуждение к действию (приказ, повеление, просьбу, совет). Пригласительная форма сказуемости выражает побуждение, приглашение к действию (призыв, просьбу, совет).

В табл. 9 показаны формы конечной сказуемости, употребляемые в вежливой речи.

Таблица 9

Форма конечной сказуемости	Глаголы <i>ка-да</i> 'идти' <i>ккэк-та</i> 'ломать'	Прилагательные <i>кхы-да</i> 'большой' <i>чак-та</i> 'маленький'	Связки <i>и-да</i> 'быть' <i>ани-да</i> 'не быть'
Повествовательная	<i>ка-мни-да</i> <i>ккэк-сымни да</i>	<i>кхы-мни-да</i> <i>чак-сымни-да</i>	<i>и-мни-да</i> <i>ани-мни-да</i>
Вопросительная	<i>ка-мни-кка</i> <i>ккэк-сымни-кка</i>	<i>кхы-мни-кка</i> <i>чак-сымни-кка</i>	<i>и-мни-кка</i> <i>ани-мни-кка</i>
Восклицательная	<i>ка-нын-гуна</i> <i>ккэнь-нын-гуна</i>	<i>кхы-гуна</i> <i>чак-куна</i>	<i>и-ро-гуна</i> <i>ани-ро-гуна</i>
Повелительная	<i>ка-си-о</i> <i>ккэкк-ы-си-о</i>	<i>чоёнъ-ха-си-о*</i>	—
Пригласительная	<i>ка-псида</i> <i>ккэкк-ы-псида</i>	<i>чоёнъ-ха-псида</i>	—

* Повелительная и пригласительная формы возможны у предикативных прилагательных, образованных от китайских основ посредством слова-суффикса *ха-да*.

Эти формы характеризуются и соответствующей интонацией: *чиб-ыро ка-о* 'иду домой' и *чиб-ыро ка-о?* (с повышением голоса, т. е. с вопросительной интонацией) 'домой идешь?'.
.

Категория сообщения выражает отношение говорящего к сообщаемому или характеризует способ его выражения, т. е. тип сообщения. Данная категория охватывает шесть типов сообщения: 1) простое сообщение—обычное изложение сообщаемого; 2) подтверждаемое сообщение—говорящий подтверждает сообщаемое на основании своего опыта или опыта другого лица; 3) простое свидетельство—говорящий подчеркнуто характеризует сообщаемое как факт, лично им свидетельствуемый; 4) подтверждаемое свидетельство—говорящий подчеркнуто характеризует сообщаемое как факт, свидетельствуемый им или подтверждаемый на основании свидетельства другого лица; 5) предположительное утверждение—говорящий предполагает, что сообщаемый факт достоверен; 6) потенциально-категорическое заключение—говорящий придает сообщаемому характер сомнения, неуверенности—в вопросительной форме и, наоборот, уверенности, определенности, категоричности—в повествовательной форме.

В табл. 10 показаны формы категории сообщения у глагола изъявительного наклонения (в вежливой речи) на примере глагола *ха-да* 'делать'.

Категория ориентации (или личного отношения) выражает отношение говорящего к собеседнику. Количество ступеней ориентации различно в зависимости от наклонения, формы сказуемости, типа сообщения. В наиболее употребительной форме простого сообщения изъявительного наклонения (повествовательная и вопросительная формы) различаются пять ступеней ориентации: вежливая, учтивая, интимная, нейтральная и фамильярная. Выбор различных форм ориентации в диалогической речи определяется такими факторами, как возраст, пол, общественное и семейное положение собеседников и т. п.

Формы ориентации употребляются одинаково, вне зависимости от того, идет ли речь о действии говорящего или другого лица. Так, употребление вежливой формы в случае, если говорящий сообщает о себе, не означает, что он проявляет подчеркнутое уважение к своей личности: выбор этой формы обусловлен его отношением к лицу, к которому обращена речь.

Вежливая форма употребляется в разговоре со старшими по возрасту или положению, при обращении к незнакомым и т. д. Эта форма часто используется и в печати:

Форма конечной сказуемости	Категория сообщения						потенциально-категорическое заключение
	сообщение		свидетельствование				
	простое	подтверждаемое	простое	подтверждаемое	предположительное утверждение		
Повествовательная	ха-мни-да	ха-пти-да	ха-н-да-мни-да	ха-н-да-пти-да	ха-чжи-ё	ха-ри-да	
Вопросительная	ха-мни-кка	ха-пти-кка	ха-нда-мни-кка	ха-н-да-пти-кка	ха-чжи-ё?	ха-ри-кка	
Восклицательная	ха-нын-гуна	ха-до-гуна	—	—	ха-чжи-ё!	ха-ри-ра	

при опубликовании текстов речей, бесед, обращений, приветственных писем, телеграмм и прочих документов.

Учитывая форма употребляется в разговоре со знакомыми, с равными по возрасту и положению, интимная— в разговоре между друзьями (кроме того, эта форма употребляется часто в поэзии), нейтральная— в разговоре между равными (она же выступает и как „книжная форма“, выходящая за пределы диалога, в самых разнообразных текстах: газетные и журнальные статьи, публицистические произведения, научные труды, деловые документы и др.; эта же форма используется и в конструкциях с косвенной речью как нейтральная форма сказуемого косвенной речи), фамиллярная— в разговоре между близкими, друзьями, в семейном кругу, при обращении к детям; эта форма при обращении к незнакомым приобретает пренебрежительный, даже оскорбительный характер.

Из названных пяти ступеней ориентации, именуемых по-корейски соответственно *чондэ*, *хао*, *хаге*, *хэра*, *панмал* (*панмал*—букв.: ‘полуречь’—характеризуется краткостью и малочисленностью форм конечной сказуемости, которыми, однако, выражаются разные значения благодаря различной интонации)⁵², первая и четвертая могут быть подразделены каждая еще на три ступени. Однако в современном литературном корейском языке отчетливо наблюдается тенденция к сокращению количества ступеней в категории ориентации. Любопытно также отметить, что в диалектах сильно разнится число ступеней ориентации. Так, например, в говорах острова Чечжудо насчитывают только две ступени, в говорах восточного побережья—три, в центральном диалекте и особенно в сеульском говоре—до восьми-девяти. Вплоть до XIX в. в сеульском говоре сохранялись в обиходе девять ступеней. Употребление этих форм ориентации было весьма сложным даже для очень грамотных людей.

Ниже (табл. 11) показаны некоторые формы ориентации глагола в изъявительном и побудительном наклонениях на примере глагола *ха-да* ‘делать’.

Категория времени. Глаголы, предикативные прилагательные и связи в корейском языке имеют грамматические формы времени. Категория времени включает четыре грамматических значения времени: настоящего, прошедшего, предпрошедшего (или второго прошедшего), будущего.

⁵² Повествовательная, вопросительная и повелительная формы второй ступени ориентации также различаются лишь интонацией.

Категория ориентации	Изывительное наклонение					Побудительное наклонение	
	простое сообщение		подтверждаемое сообщение		вопросительная форма	повелительная форма	пригласительная форма
	повествовательная форма	вопросительная форма	повествовательная форма	вопросительная форма			
1-я степень (вежливая)	ха-мни-да	ха-мни-кка?	ха-пти-да	ха-пти-кка?		ха-си-о	ха-псида
2-я степень (учтивая)	ха-о	ха-о?	ха-де	ха-дэнга?		ха-о:	ха-псида
3-я степень (интимная)	ха-не	ха-ни?	ха-де	ха-дэнга?		ха-ге	ха-се
4-я степень (нейтральная)	ха-нда	ха-ныня?	ха-дэра	ха-дэня?		ха-йэ-ра	ха-чжа
5-я степень (фамильярная)	хэ	хэ?	ха-дэра	ха-дэня?		хэ?	ха-чжа

Таблица 12

Категория времени Категория сообщения	сообщение		свидетельствование		Предполо- жительное утверж- дение	Потенциально- категорическо- заключение
	простое	подтверждае- мое	простое	подтверждае- мое		
Настоящее	ха-мни-да	ха-пти-да	ха-нда-мни-да	ха-нда-пти-да	ха-чжи-ё	ха-ри-да
Прошедшее	ха-йз-с-сымни- да	ха-йз-с-сыпти- да	ха-йз-т-та- мни-да	ха-йз-т-та- пти-да	ха-йз-т- чи-ё	ха-йз-сс-ы-ри- да
Предпрошедшее (вто- рое прошедшее)	ха-йз-ссзс- сымни-да	ха-йз-ссзс- сыпти-да	ха-йз-ссзс-та- мни-да	ха-йз-ссзс-та- пти-да	—	—
Будущее	ха-гес-сымни- да	—	ха-гес-та- мни-да	—	ха-гет-чи-ё	—

В табл. 12 показаны формы времени у глагола изъявительного наклонения в повествовательной форме (1-й степени ориентации) на примере глагола *ха-да* 'делать'. Форма настоящего времени в данном случае имеет нулевой аффикс. Форма прошедшего времени образуется присоединением ко второй основе суффикса *-т-* (чередующегося с *-с-* или *-сс-*), а форма предпрошедшего времени—суффикса *-ссэт-*. В корейской грамматике по традиции рассматривают эти суффиксы слитно с суффиксом второй основы, т. е. суффиксами прошедшего времени считают *-ат-*, *-эт-*, *-йэт-*, а суффиксами предпрошедшего — *-ассэт-*, *-эссэт-*, *йэссэт-*. Форма будущего времени образуется присоединением к первой основе суффикса *-кет-*. Кроме того, особо может быть выделена форма „настоящего исторического“, часто используемого в дневниковых записях, совпадающая со словарной формой.

Настоящее, прошедшее и будущее выражают соответственно, что наличие действия (или признака) одновременно с моментом речи, предшествует ему или последует за ним.

Что касается предпрошедшего (второго прошедшего), то оно указывает, что момент действия предшествует не моменту речи, а какому-либо моменту в прошлом, например: *кы-нын кы ттэ сасиб-и нэм-э-ссэт-та* 'ему в то время было уже за сорок', *чеи-нын кы сиги-е ор-а-ссэн-нын-га?* 'было ли это предложение правильно в тот период?' Поэтому форма предпрошедшего времени часто употребляется например, когда говорящий вспоминает о чем-либо, например: *на-нын ленин-ыл манна-ссэт-та* 'я встречался с Лениным' (название статьи). Действие это было совершено к тому моменту, о котором вспоминает автор статьи.

В определенных случаях, в частности у так называемых предельных глаголов, форма прошедшего и предпрошедшего времени имеет перфектное значение, например: *анчж-а-т-та* 'сел (и сидит)'—сохраняется связь с настоящим; *анчж-а-ссэт-та* 'садился', 'сидел'—связь с настоящим прервана. Вопрос о перфектных значениях времен глагола в корейском языке (типа *сар-а-н-ныня чуг-э-н-ныня* 'жив или мертв?', 'остался в живых или умер?' и др.) еще недостаточно изучен.

Заслуживает внимания и вопрос о перфектных значениях времен у прилагательных, например: *кы-нын чигым-до кы сэнъгаг-ыл ха-мйэи синги-ха-йэ-т-та* 'и сейчас, когда он об этом думал, оно так и было для него загадочным'

Временные формы служат иногда и для выражения модальных значений. Так, форма будущего времени может выражать предположение в настоящем времени: *эди-рыл*

кана сан-гва канъ-гва тыл-гва супх-и ит-кет-чи-ё 'езде, [наверно], горы, реки, поля и леса'.

Сочетание форм прошедшего и будущего времени выражает либо предположение в прошедшем времени: *кы сарам-и пэлссэ ва-т-кес-сымни-да* 'он, наверно, уже пришел', либо (в предложении с условным деепричастием) значение сослагательного наклонения: *сиган-и исс-эсс-ы-мйэн кы чхэг-ыл по-ат-кет-та* 'если бы было время, прочитал бы эту книгу'.

В ряде случаев сочетание прошедшего времени с будущим служит для указания на предполагаемую достоверность явления. Особенно ярко эта функция проявляется в вопросительных предложениях; в задачниках по арифметике, например, употребляется в вопросах всюду эта форма: *и кэри-нын элма-йэ-т-кес-сымни-кка?* 'чему было равно это расстояние?'

Значение сослагательного наклонения выражает и сочетание предпрошедшего времени с будущим: *и гэс-ын эттэн кйэлгва-рыл качж-йэ ва-ссэт-кен-нын-га?* 'К чему это пошло бы?'

Требует дополнительного изучения проблема сложных временных форм, образуемых из причастной формы предикатива, служебного имени *-кет-* и связки в форме конечной сказуемости. Данная конструкция особо выделяет подлежащее введением в состав сказуемого служебного имени с местоименным значением, как бы замещающего, повторяющего подлежащее и тем самым снова обращающего на него внимание собеседника. Интересно сравнить предложение с именным составным сказуемым: *кы сарам-ын вэнсан-есс он сарам-ида* 'он приехал из Вонсана (он—человек, приехавший из Вонсана)' и предложение с производно-составным сказуемым: *кы сарам-ын вэнсан-есс он гэс-ида* 'он приехал из Вонсана', а также предложение с простым сказуемым: *кы сарам-ын вэнсан-есс ва-т-та* 'он приехал из Вонсана'. При определенных условиях эта конструкция может быть рассматриваема как единая сложная грамматическая форма, имеющая видо-временное значение. Временная отнесенность определяется формой связки, а благодаря причастной форме глагола подчеркивается видовое значение. Сложная форма времени дает говорящему возможность варьировать значения, меняя точку отсчета, что определяется формой связки, и подбирая соответствующую форму причастия.

Такие формы, как *ка-гет-та* и *кал гэс-ида* (или *ка-т та* и *кан гэс-ида*), по выражаемому значению времени можно считать тождественными. Тождественны даже фор-

мы с модальным значением, например: *ка-т-кет-та* и *ка-сс-ыл гес-ида*.

Категория деепричастия. Деепричастие—это позиционная категория предикатива (т. е. глагола или прилагательного), выражающая отношение одного предикатива к другому. Деепричастие характеризуется двумя основными функциями: сказуемостной (деепричастие в роли дополнительного сказуемого) и обстоятельственной. Кроме того, некоторые деепричастия часто выполняют функцию соединительной формы в ряду однородных членов предложения (напр.: *пхуры-го нуры-го пулг-ын ккот* 'синие, желтые и красные цветы'), а также употребляются при образовании сложных форм предикатива (напр., видовых форм глагола—*ир-ха-го ит-та* 'работает', *сынъни-ха-го мар-а-т-та* 'победили' и др.).

Предикативы в корейском языке имеют очень развитую систему форм дополнительного (неконечного) сказуемого, которые служат для выражения самых разнообразных отношений предикатива к последующему, соотнесенному с ним предикативу (или—реже—имени)—условности, уступительности, причинности и других, играя, таким образом, приблизительно ту же роль, что и союзы в других языках. В современном языке насчитывается свыше 50 таких форм.

Деепричастие—это категория не только глагола и прилагательного, но и связки.

Многие окончания деепричастий этимологически представляют собой сочетание либо двух или нескольких морфем, либо сочетание морфемы и слова. В связи с этим определение количества и состава деепричастий вызывает известные трудности (рассматривать ли, например, *-киро* как одну морфему—окончание деепричастия причины или как сочетание окончания инфинитива *-ки* и окончания творительного падежа *-ро*); единого мнения среди грамматистов по этому вопросу нет.

В грамматиках корейского языка деепричастия классифицируются обычно по значению, причем часть деепричастий имеет только одну присущую ему форму, другие же объединяют по нескольку форм, близких по значению. На этом основании мы и делим все деепричастия на две группы.

Каждое деепричастие первой группы имеет одно определенное окончание (или иногда его видоизмененный вариант)⁵³. К этой группе относятся деепричастия:

⁵³ Окончания деепричастий с начальными согласными *м, н, л/р* присоединяются только после гласных и поэтому после согласных корня или суффикса требуют добавления соединительной морфемы *-ы-* (см. стр. 61). Например: *ка-никка*, но *пад-ы-никка*, *ка-сс-ы-никка*.

соединительное (оконч. -ко) со значением: а) равноценности действий (признаков) или предложений: *пэ мэк-ко и так-ки* 'и грушу съесть и зубы почистить', б) предшествования одного действия (состояния) другому: *мочжа-рыл пэт-ко тыр-э ка-т-та* 'снял шапку и вошел (вошел, сняв шапку)';

сочинительное (оконч. -мйэ) со значением: а) равноценности одновременных действий, совершаемых одним субъектом: *сэп-хи-га нун-ыл пиби-мйэ ир-э-на-т-та* 'Сон Хи встала, протирая глаза', б) более тесной связи при передаче ряда равноценных действий (признаков) или предложений: *мус-и чара-мйэ мус-и чунъ-нын-га?* 'что растет и что умирает?' в) значение, эквивалентное первому значению соединительного деепричастия (в этом случае употребление деепричастия с -мйэ оправдано стилистически, так как позволяет избежать однообразия форм), но и здесь оно сохраняет обстоятельственный оттенок значения (одновременность действий): *кы-дыр-ын сэро то-ва-ка-мйэ пэху-рыл ссит-ко ккактуги-рыл ссэл-го янънйэм-ыл нэ-ы-мйэ моду-га хынъгйэ-и сдуллэ-т-та* 'они помогали друг другу (помогая друг другу) и мыли капусту, нарезали редьку, добавляли пряности (и добавляя пряности), радостно сутились';

образа действия (оконч. -ке): *хэ-мада пхунънйэп тыл-ге кипх-и кал-чжа* 'давай пахать поглубже, так чтобы каждый год был хороший урожай';

цели (оконч. рэ): *кы-дыр-ын ыйса-рыл пуры-рэ на-га-т-та* 'они пошли за врачом (чтобы позвать врача)';

намерения (оконч. -кочжэ): *на-нын тонъчханъсэнъ-дыр-ыл манна-гочжэ хаккё-ро чхачжа ка-т-та* 'я пошел в школу, чтобы встретиться с школьными товарищами'.

результата (оконч. -торок): *сум-и каппы-дорок симчжанъ-и ттви-йэ-т-та* 'сердце забилося так, что дух захватывало';

мгновенности (оконч. -ча)—обозначает, что вслед за окончанием (или началом) данного действия возникает другое действие: *камагви нал-чжа пэ ттэрэчжи-н-да* 'как только ворона взлетает, тут же и груша падает';

сопутствования (оконч. -мйэнсэ)—обозначает, что данное действие (или состояние) сопутствует другому действию (или состоянию), происходит одновременно с ним: *ир-хамйэнсэ конъбу ха-нда* 'работает и учится (учится работая)', *пи-га о-мйэнсэ пйэчх-и на-нда* 'дождь идет и [одновременно] солнце светит';

нарастания (оконч. -лссурок)—обозначает, что по мере совершения данного действия нарастает, усиливается другое

действие (или признак): *и чхэг-ын пол-лссурок чэми-га на-нда* 'эта книга, чем больше читаешь, тем интереснее';

прерванности (оконч. *-тага* или *-та*)—обозначает, что данное действие сменяется другим действием, обычно его прерывающим: *наби-рыл чаб-а-т-тага но-а чу-э-т-та* 'бабочку поймал и отпустил'.

Для каждого деепричастия второй группы характерно наличие целого ряда окончаний, объединяемых одним общим значением, но выражающих обычно те или иные его оттенки. Иногда же употребление различных окончаний одного и того же деепричастия объясняется только стилистически. Ко второй группе относятся деепричастия:

условное (оконч. *-мйэн, -кэдын, -лччиндэ, -тэндыл*): *йэрым-е хару нол-мйэн кйэур-е йэрхыл кум-нын-да* 'летом один день прогуляешь, зимой десять дней голодаешь';

уступительное (оконч. *-тэрадо, -лччирадо, -лманьчжэ-энь, -ндыл, -атча*): *кы-га ка-дэрадо на-нын ан-ка-гет-та* 'хоть он и пойдет, я не пойду';

противительное (оконч. *-на, -тве, -кэнива, -рйэнива*): *наи-нын ман-ы-на майм-и чэм-тта* '[хоть] годами стар, но душой молод';

уступительно-противительное (оконч. *-чиман, -нама, -кэман, -рйэман*): *на-нын ка-чжиман кы-нын мот-ка-н-да* 'я-то пойду, а он не может пойти';

причины (оконч. *мыро, -никка, -нчжык, -нынчжира, а у прил. и связки— -нчжира, -кие, -киллэ, -киро, -кэныл, -мэ, -ылссэ, -кэндэ, -ни, -нани, -рйэни, -кэни*): *кы тонь-му-га о-никка ури-нын кидарйэ-я ха-н-да* 'мы должны подождать, потому что он придет';

разделительное (двойные окончания *-кэна, -кэн, -тынч-жи, -тынга, -тын, -на*); *таньсин-и ка-гэна мал-гэна ури-нын ккок кал гэс-и-да* 'пойдете вы или нет, мы все равно должны идти'.

В функции деепричастия часто употребляется вторая основа, например: *ури-нын наму митх-е анчж-а сви-йэ-т-та* 'мы отдохнули, присев под деревом'. Присоединением к этой основе ряда формообразующих аффиксов выражаются такие значения, как уступительность: *кань-и кипх-э-до коги-га чэк-та* 'река глубока, но рыбы мало'; причина: *сиган-и эпс-э-сэ ка-л су эп-та* 'не могу пойти, так как нет времени'; условие: *кы сарам-и ва-я а-л су ит-та* 'можем узнать лишь, когда он придет' и др. Аналогично деепричастным формам функционируют и такие составные формы, как *-тэя, -лккаба* и др.

Окончания деепричастий могут наращиваться на конечные формы сказуемости *-та, -ра, -тэра, -рира, -ча, -ныня,*

-нора и другие, образуя разного рода сложные формы. В отдельных случаях деепричастия, будучи вообще формами неконечной сказуемости, употребляются в значении форм конечной сказуемости (такое употребление имеют, например, *-мйэп*, *-мйэпсэ* и др.). К некоторым деепричастным формам присоединяются формообразующие аффиксы: *мйэпсэ-до* (уступительное значение), *-ко-сэ* и др.

Деепричастные формы могут быть образованы не только присоединением окончания к корню (основе) предикатива, но и к форме времени (вторая основа плюс временной суффикс). Таким образом, деепричастие в корейском языке может иметь временные модификации, благодаря чему категория времени может быть выражена не только в заключительном, но и в дополнительном (неконечном) сказуемом. Например: *кы хйэпхэ-нын тэл палчэп-тве-йэ-сс-ы-лссурок тэ илчиги эсэ-чжйэ-т-та* 'чем меньше развиты были эти формы, тем раньше они исчезли'.

По этому признаку деепричастия могут быть прежде всего подразделены на две большие группы: 1) деепричастия, имеющие формы времени (прошедшего, предпрошедшего и будущего); 2) деепричастия, не имеющие форм времени. Большинство деепричастий относится к первой группе. Ко второй относятся, например, деепричастия намерения (оконч. *-кочжэ*), цели (оконч. *-рэ*), мгновенности (оконч. *-ча*), образа действия (оконч. *-ке*).

В свою очередь деепричастия, которые могут иметь формы времени, образуют четыре подгруппы: 1) часть деепричастий может иметь все три формы времени, например деепричастия причины с окончаниями *-никка*, *-мыро* и др.; 2) часть деепричастий не может иметь формы будущего времени, например деепричастие сопутствования с окончанием *-мйэпсэ*; 3) часть деепричастий не может иметь формы предпрошедшего времени, например деепричастие причины с окончанием *-нчжык*; 4) часть деепричастий не может иметь форм будущего и предпрошедшего времени, например деепричастие прерванности с окончанием *-тага*.

К атегория причастия. Причастие—это позиционная категория, выражающая атрибутивную (определятельную) зависимость предикатива от последующего имени.

В простом предложении причастие может выступать либо в функции определения, либо (в сочетании со служебным именем и связкой) в функции заключительного сказуемого, а в сложном предложении—в роли сказуемого определительного придаточного предложения или (в сочетании со служебным именем) сказуемого дополнительного или обстоятельственного придаточного предложения.

Основная и первичная функция причастия—это выражение атрибутивной зависимости предикатива от имени, т. е. функция определения.

Причастие совмещает два значения: во-первых, выражает атрибутивную зависимость предикатива от имени, во-вторых, указывает на время совершения действия, выраженного данным причастием. Характер времени причастия в корейском языке достаточно еще не изучен. Распространенной точке зрения, что время корейского причастия является абсолютным и соотносительно с моментом речи (различаются настоящее, прошедшее и будущее время), А. А. Холодович предположительно противопоставил мнение, что „время причастия является, как правило, относительным“. Это значит, что время совершения действия, выраженного причастием, соотносится не с моментом речи, а с временем совершения другого действия. „Если это так, то причастие не может иметь ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего времени ..., а только так называемые параллельное, предшествующее и предстоящее время“⁵⁴.

Окончания причастных форм: 1) глагола: *-нын* (наст. вр.); *-н*, *-ын* (прош. вр.); *-л*, *-ыл* (буд. вр.); кроме того, имеется окончание *-тэн*, которое выражает отнесение действия (или момента его возникновения) ко времени до момента речи, безотносительно к тому, длится оно или окончено; 2) прилагательного: *-н*, *-ын* (определятельная форма, указывающая на признак безотносительно ко времени); *-л*, *-ыл* (буд. вр.); *-тэн* (относит наличие признака к прошлому); 3) связи: *-н* (определятельная форма, безотносительно ко времени); *-л* (форма будущего времени или модальных значений); *-тэн* (относит состояние ко времени до момента речи).

Категория инфинитива. К числу позиционных категорий относится и склоняемая форма предикатива, именуемая инфинитивом⁵⁵.

Особенностью корейского инфинитива является способность иметь временные модификации — формы настоящего, прошедшего и будущего времени.

Различаются первый инфинитив (оконч. *-м/-ым*), второй (оконч. *-ки*), а также третий, недостаточный инфи-

⁵⁴ А. А. Холодович, *Очерк грамматики корейского языка*, М., 1954, стр. 135.

⁵⁵ В применении к этим формам предикатива термин инфинитив или неопределенная форма введен в «Грамматике корейского языка» (Пхеньян, 1949, стр. 273—276) и в настоящее время принят в литературе по грамматике корейского языка. Ранее эти формы назывались «отглагольными именами», «просубстантивными формами глаголов» и т. п.

нитив (оконч. *-чи*). Третий инфинитив не имеет полной парадигмы склонения, временных модификаций; отличны и функции его в предложении. В форме первого и второго инфинитива глагол и прилагательное могут выступать в роли подлежащего и дополнения. Склонение первого и второго инфинитива, выступающего в роли сказуемого придаточного предложения, является одним из средств подчинения предложений в корейском языке. Третий (недостаточный) инфинитив употребляется для образования отрицательных форм предикатива, а также для образования запретительных форм глагола.

В ряде случаев (например, в официальных документах) первый инфинитив может употребляться для выражения заключительного сказуемого самостоятельно или со связкой. Второй инфинитив очень широко употребляется в составе аналитических форм заключительного сказуемого. В этом случае он сочетается с определенными глаголами (напр.: *сичжак-ха-да* 'начинать') и прилагательными (напр.: *сил-тха* 'не любить', 'не хотеть'; 'противно', 'неприятно', *свип-та* 'легкий').

Глагол. Состав глаголов. По составу глаголы делятся на четыре разряда: 1) простые (непроизводные), например: *ка-да* 'идти', *мэк-та* 'есть', *чу-да* 'давать', *кидари-да* 'ждать'; 2) производные, образованные с помощью суффиксов и суффиксоидов от глаголов и прилагательных, например: *тол-ли-да* 'вращать', *палк-хи-да* 'освещать', *нопха-чжи-да* 'повышаться'; 3) сложные, образованные сложением глагольных основ (реже корней), например: *нар-а-га-да* 'улетать', *о-га-да* 'приходить и уходить', а также сложением имени с глаголом, например: *мо-нэ-да* 'высаживать рассаду'; 4) сложно-производные, образованные с помощью слов-суффиксов, например: *чочжик-ха-да* 'организовывать', *мар-ха-да* 'говорить' и т. п. В образовании сложно-производных глаголов участвуют слова-суффиксы *-ха-да*, *-тве-да*, *-сикхи-да*.

Категория переходности - непереходности. Все глаголы корейского языка делятся на переходные (*пат-та* 'получать', *кидари-да* 'ждать' и др.) и непереходные (*ка-да* 'идти', *чит-та* 'лаять' и др.). Небольшая часть глаголов относится к особой группе непереходно-переходных (*пул-да* 'дуть': *парам-и пу-н-да* 'ветер дует', *пхири-рыл пу-н-да* 'играет на дудке').

Производные переходные глаголы могут быть образованы от переходных: *мэк-та* 'есть' > *мэг-и-да* 'кормить', *по-да* 'видеть' > *по-и-да* 'показывать' и др.; от непереходных: *чук-та* 'умирать' > *чуг-и-да* 'убивать', *ут-та*

‘смеяться’ > *ут-ки-да* ‘смешить’ и др.; от прилагательных: *ноп-та* ‘высокий’ > *нопх-и-да* ‘повышать’ и др.

Производные непереходные глаголы могут быть образованы от переходных: *тэп-та* ‘покрывать’ > *тэпх-и-да* ‘покрываться’, *по-да* ‘видеть’ > *по-и-да* ‘виднеться’, *тыт-та* ‘слышать’ > *тыл-ли-да* ‘слышаться’ и др.; от прилагательных: *пук-та* ‘красный’ > *пулго-чжи-да* ‘краснеть’ и т. п.

Таким образом, в корейском языке одни и те же суффиксы *-и-*, *-ли-*, *-хи-* и другие служат для образования и переходных и непереходных глаголов.

Категория залога присуща не всем глаголам корейского языка. По особенностям образования залоговых форм различаются: 1) глаголы, не имеющие залоговых форм, напр.: *ка-да* ‘идти’, ‘уходить’, *о-да* ‘идти’, ‘приходить’, *сви-да* ‘отдыхать’ и др.; 2) глаголы с употребительной формой побудительного залога: *чук-та* ‘умирать’ > *чуг-и-да* ‘убивать’, *ант-та* ‘садиться’ > *анч-хи-да* ‘усаживать’, *ут-та* ‘смеяться’ > *ут-ки-да* ‘смешить’, *ул-да* ‘плакать’ > *ул-ли-да* ‘доводить до слез’ и др.; 3) глаголы с употребительной формой страдательного залога: *пул-да* ‘дуть’ > *пул-ли-да* ‘быть сдутым’; 4) глаголы с употребительными формами и побудительного и страдательного залогов, причем формы залогов могут быть как различными (*мэк-та* ‘есть’ — *мэг-и-да* ‘кормить’ и *мэк-хи-да* ‘быть съеденным’), так и одинаковыми (*по-да* ‘видеть’ — *по-и-да* ‘показывать’ и *по-и-да* ‘виднеться’, *тыт-та* ‘слышать’, ‘слушать’ — *тыл-ли-да* ‘заставлять слушать’ и *тыл-ли-да* ‘слышаться’ и др.).

Во многих случаях одна и та же форма может выражать значения разных залогов. Преимущественно она употребляется в значении какого-либо одного залога, но иногда в контексте может приобретать и иное залоговое значение. Так, форма *чап-хи-да* (от глагола *чап-та* ‘ловить’) обычно имеет значение страдательного залога: *коги-га чал чап-хи-нда* ‘рыба хорошо ловится’, но она же, хотя гораздо реже, может выражать и значение побудительного залога: *коги-рыл чап-хи-да* ‘заставлять кого-либо ловить рыбу’, ‘давать возможность ловить рыбу’.

Для корейского языка, как и для русского, характерна тесная связь залогового формообразования со словообразованием (ср. русск. „мыть“ — „мыть-ся“). Так, *чуг-и-да* ‘убивать’ (от глагола *чук-та* ‘умирать’) — это не только форма побудительного залога, но и новое слово, регистрируемое словарями. Более того, при помощи суффиксов залога образуются глаголы от прилагательных, например: *пакта* ‘светлый’ > *палк-хи-да* ‘освещать’ и др.

Формы побудительного залога образуются чаще от переходных глаголов, а формы страдательного залога — чаще от переходных глаголов⁵⁶.

Активная и пассивная конструкции. Связь действия, выраженного глаголом, с предметом-дейтелем и предметом-объектом может быть также выражена при помощи активной или пассивной конструкции, образуемой дееспричастием образа действия смыслового глагола с соответствующей формой служебного глагола *ха-да* (глагол активного действия) или *тве-да* (глагол пассивного действия), например: *абэчжи-га аи-ро хайэгом чхэг-ыл по-ге хай-э-т-та* 'отец заставил ребенка читать книгу', *ури-нын чхэг-ыл по-ге тве-йэ-т-та* 'мы вынуждены (или получили возможность) читать книгу'.

В сложно-производных глаголах значение активности или пассивности действия может быть выражено посредством соответствующего слова-суффикса: *тве-да* или *танъ-ха-да* (пассивное значение), *ха-да* (активное, реже пассивное значение), *сикхи-да* (активное значение).

Таким образом, слово-суффикс *ха-да* образует как переходные, так и переходные глаголы, совмещая значения пассивности и активности действия⁵⁷: *кйэрхап-тве-да* — 'сочетаться', *кйэрхап-ха-да* — 'сочетать', 'сочетаться', *кйэрхап-сикхи-да* — 'сочетать'.

Категория вида. Включает три вида: завершённый (предельный), длительный и многократный. Формы завершённого и длительного видов образуются сочетанием второй основы смыслового глагола (или формы соединительного дееспричастия) с соответствующим служебным глаголом.

Завершённый вид означает: 1) преодоленность начального или конечного пункта в развитии действия (служ. гл. *мал-да*: *панъ-ыл на-о-го мар-а-т-та* 'вышел из комнаты'); 2) общую исполненность действия (служ. гл. *пэри-да*: *сарам-дыр-и пэм-ыл чаба-пэрийэ-т-та* 'люди поймали тигра'); 3) предельность в развитии действия (служ. гл. *нэ-да*: *ури-нын хаккё-рыл кэнсэр-хэ-нэ-т-та* 'мы построили школу'); 4) результативную завершенность действия (служ. гл. *но-тха*: *кы-нын ирэкхе чэг-э-но-а-т-та* 'он записал так'); 5) исполненность заблаговременно совершаемого действия (служ. гл. *ту-да*: *и гэс-ыл кижк-ха-йэ ту-си-о* 'запомните это', *ими у-есэ мар-ха-йэ ту-э-т-та* 'я уже сказал об этом ранее'); 6) исполненность предва-

⁵⁶ О сказуемом в форме страдательного залога и о несовпадении подлежащего с деятелем и дополнения с объектом действия см. стр. 92.

⁵⁷ О дополнениях (действующий объект и объект, подвергающийся действию) в предложениях с активной конструкцией см. стр. 92.

рительного действия (служ. гл. *качжи-го: кыгэс-ыл ара-качжиго кы-нын кот тэна-т-та* 'узнав об этом, он сразу уехал').

Длительный вид может иметь значения: 1) наличного осуществляющегося действия (служ. гл. *ит-та: йэ-ги-сэ ман-ын чип-тыр-ыл кэсэр-ха-го ит-та* 'здесь строят много домов'); 2) наличного длящегося состояния (служ. гл. *ит-та: майл тви-е-нын сан-и сос-а-ит-та* 'позади селения возвышаются горы'); 3) длительности действия, начиная от какого-либо определенного момента (служ. гл. *ка-да: саллим-сари-нын хэ-мада ныр-э ка-т-та* 'с каждым годом жизнь становилась лучше'); 4) длительности действия вплоть до определенного момента (служ. гл. *о-да: чичжу-дыр-и нонъмин-дыр-ыл чхакчхви-ха-йэ ва-т-та* 'помещики эксплуатировали крестьян').

Многократный вид употребляется для обозначения неоднократно совершающегося или регулярно повторяющегося действия. Выражается с помощью суффикса *-кун* со служебным глаголом *ха-да*, например: *кы-нын ирёил-мада о-гун-ха-нда* 'он приходит по воскресеньям'.

Прилагательное. Состав прилагательных. В некоторых трудах по корейскому языку, в том числе и в прежних работах автора данного очерка, к прилагательным причисляются как слова, близкие по грамматическим свойствам к глаголу и называемые потому предикативными прилагательными, так и слова, образуемые от существительных при помощи суффикса *-чэк*, называемые именными прилагательными.

В данной работе (см. „Определительная основа существительных“, стр. 55) мы относим к прилагательным только „предикативные“ (если не считать небольшой группы недостаточных прилагательных), и поэтому они именуются в очерке просто „прилагательными“. Прилагательные делятся по составу на три группы: производные (например: *кхы-да* 'большой', *каныл-да* 'тонкий', *се-да* 'сильный'); 2) сложные, например: *чэ-ппары-да* 'быстрый, проворный' (от *чэ-да* 'проворный', 'ловкий' + *ппарыда* 'быстрый', 'скорый'), *кут-се-да* 'крепкий' (от *кут-та* 'твердый' + *се-да* 'сильный'); 3) производные, образуемые с помощью специальных суффиксоидов, например: *чайэн-сырэп-та* 'естественный', *хянгги-роп-та* 'душистый', 'ароматный', и слов-суффиксов: *ёнъгам-ха-да* 'смелый'.

К прилагательным примыкает количественно незначительная группа слов, которую мы называем недостаточными прилагательными. В эту группу включаются слова, которые, будучи аморфными („имея застывшую форму“),

сходны по облику с определительной формой прилагательных. Таковы, например, слова: *хэтхын* 'напрасный', 'пустой', *орын* 'правый', *модын* 'весь', 'все', *качжын* 'различный', 'разнообразный' и др.

Способы выражения интенсивности качества. От некоторых качественных прилагательных могут быть образованы слова, выражающие различную степень интенсивности качества, например: *нэл-та* 'широкий', *нэл-таратха* 'очень широкий', 'широченный', *нэлб-ы-чжук-ха-да* 'широковатый'. В этом случае перекрещиваются явления формообразования и словообразования.

Для выражения оттенков качества употребляются особые суффиксы в сочетании со словом-суффиксом *ха-да*, префиксы (*сэ-* и *си-*), удвоение корня в сочетании с суффиксами, замена согласных в корне, замена гласных в корне слова.

Для перевода такие слова представляют нередко почти непреодолимые трудности. Даже в толковых словарях корейского языка они приводятся без толкований, а даются со ссылками на другое слово и пометой „оттенок более сильно выраженного качества“ или, наоборот, „оттенок более слабо выраженного качества“.

Наречия

Собственно наречия подразделяются на простые (непроизводные), например: *чал* 'хорошо', *акка* 'только что', и производные, например: *кипх-и* 'глубоко', *сок-хи* 'быстро'.

Производные наречия образуются главным образом от прилагательных и существительных.

От прилагательных наречия образуются с помощью суффикса *-и*, например: *ман-и* 'много', *нопх-и* 'высоко'.

От существительных наречия образуются с помощью суффиксов-омонимов падежных окончаний, например: *-ро (-ыро)* — омоним окончания творительного падежа: *чинсим-ыро* 'всем сердцем', 'от всей души', *чэньмал-ло* 'поистине'; ряд слов образован от односложных китайских корней: *чу-ро* 'главным образом', *сил-ло* 'поистине'. В некоторых случаях этот суффикс уже тесно спаян с корнем: *хамбуро* 'как попало', *сысыро* 'сам', 'лично'; *-е* — омоним окончания дательного падежа: *начжунъ-е* 'в конце концов', *пури-е* 'внезапно', *ыйве-е* 'неожиданно' и др.

От существительных наречия образуются и с помощью суффикса *-ккэт*, например: *хим-ккэт* 'изо всех сил', *ма-*

ым-ккэт 'от души', 'вволю', *сори-ккэт* 'во весь голос' и др.

Модальные слова выражают отношение говорящего к содержанию высказывания: уверенность, утверждения, сомнение и т. д.

К модальным словам, в частности, относятся: *ама* 'вероятно', *пандыси* 'непрерывно', 'обязательно', *квайэн* 'действительно', *муллон* 'безусловно', *кйэлкхо* 'отнюдь', *сасил* 'действительно', 'в самом деле', *эсэ* 'пожалуйста', *чебал* 'пожалуйста', 'ради бога', *ынъданъ* 'естественно', *кайънъ* 'допустим', *сэлма* 'авось' и др.

Изобразительные слова могут быть подразделены на три группы: звукоподражательные, образные и звукообразные.

Звукоподражательные слова воспроизводят произвольные восклицания человека, крики животных, разнообразные шумы предметов неживой природы: *чунъэл-чунъэл* 'бормотание', 'ворчание', *эхунъ-эхунъ* 'рев тигра', *ччэк-ччэк* 'чириканье воробья', *квиттол-квиттол* 'стрекотание сверчка', *пхук-пхук чхик-чхик* 'шум идущего поезда', *ппанъ-ппанъ* 'сигнал автомобиля'. Образные слова служат для условной передачи звуковыми комплексами двигательных образов, движений и положений человека и животных: *пичхэк-пичхэк* 'пошатываясь', *сылгым-сылгым* 'исподтишка', 'украдкой'. Подобных слов очень много; так, например, употребляется свыше 150 (не считая производных, образуемых с помощью суффиксов и т. д.) изобразительных слов, характеризующих смех или улыбку. Образные слова также могут передавать впечатления от движения и внешних образов различных предметов: *мурэк-мурэк* — образ поднимающегося клубами пара или дыма, *чхуллэнъ-чхуллэнъ* — образ набегающих волн, *нуйэт-нуйэт* — образ заходящего солнца, *хвийэнъчхэнъ* — образ ярко светящей луны и др. Звукообразные слова передают одновременно и звучание и образ: *пи-га чхэл-чхэл нари-н-да* 'дождь льет ручьем'; словом *чхэл-чхэл* передается и шум дождя и образ сплошного потока воды. В значениях изобразительных слов прослеживаются любопытные закономерности: так, например, в ряде слов употребление гласного *а* или *э* зависит от того, идет ли речь о крупном или мелком животном; о женщине и ребенке или о мужчине; *кканъ-чхунъ* 'скачущий' о скачущем мелком животном, например о зайце, но *кканъчхунъ* о скачущем крупном животном, например о лошади; *панъгыре* о смеющемся ребенке, о смеющейся женщине, *панъгыре* о смеющемся мужчине. Употребление в слове сильного или придыха-

тельного согласного указывает на более ярко выраженное свойство, чем при употреблении соответствующего слабого согласного: *тын-дын-ха-да* 'твердый', 'прочный', 'крепкий' и *тхын-тхын-ха-да* — с тем же значением, но с оттенком большей интенсивности качества.

Структура изобразительных слов являет собой свидетельство их своеобразного морфологического развития, в ходе которого к корню присоединялись препозиционные и постпозиционные дополнительные элементы, происходили фонетические изменения, чередования согласных и гласных, наблюдаемые в рядах таких родственных слов и имеющие определенное значение.

Характерной чертой изобразительных слов являются повторы, которые могут представлять собой либо простой повтор одного и того же корня, либо рифмованный повтор, при котором обычно повторяющаяся часть отличается от первой начальным согласным (напр.: *оронь-чоронь* — образ неодинаковых по величине предметов), либо парные сочетания (сочетание двух разных корней, напр.: *хэлле-пэлт-тэк* — образ тяжелого, очень затрудненного дыхания).

Служебные слова

Послелог. Послелог — это служебное слово, употребляемое для связи между зависимым именем и управляющим им словом и выражающее синтаксические отношения между ними. Основные особенности послелогов: 1) послелог по преимуществу выражает синтаксические связи имени с другими частями речи; 2) послелог употребляется для более точного выражения пространственных, временных, причинно-следственных и других отношений, часто наряду с формами падежей; 3) послелог имеет разнообразные лексические значения, при помощи которых они и уточняют грамматические отношения между словами; 4) послелог, выступая в роли показателей синтаксической связи, сами членами предложения не являются; 5) послелог обнаруживает свое происхождение от существительных, глаголов, наречий, которые в ряде случаев продолжают употребляться самостоятельно; вследствие этого послелог включают в свой состав несколько групп слов с разными грамматическими признаками (отыменные, отглагольные и наречные); 6) при известных условиях некоторые послелог (например, отыменные) могут быть употреблены в предложении абсолютно, т. е. без предшествующего им имени.

Иногда к послелогам относят некоторые формообразующие аффиксы (*-хантхе*, *-тэрэ*, *-да*, *-дага*, *-путхэ*, *ккач-жи* и др.). На наш взгляд, это лишено достаточных оснований.

Отыменные послелогі восходят к исконно корейским именам существительным: *аи* 'перед', *тви* 'за', 'после', *у* 'на', 'над', *арэ* 'под', *мит* 'под', *ан* 'в', 'внутри', *сок* 'внутри', *пик* 'вне', 'кроме', *каунде* 'посреди' и др., а также и к китайским заимствованиям: *чэн* (前) 'до', *ху* (後) 'после', *сань* (上) 'на', *ха* (下) 'под', *нэ* (內) 'в', 'внутри', *ве* (外) 'вне', 'кроме', *чунь* (中) 'среди', *кан* (間) 'между' и др. Интересно, что исконно корейские чаще употребляются для выражения пространственных отношений, в то время как синонимичные им китайские используются для выражения временных отношений.

Отглагольные послелогі распадаются на две группы: 1) послелогі, имеющие приглагольное и приименное употребление и соответственно приглагольную и приименную формы, например: *тэхайэ* и *тэхан* 'о', 'об', 'про' — *сэн-сэнним-и чосэн-е тэхайэ ияги-хамнида* 'преподаватель рассказывает о Корее' и *ури-нын чосэн-е тэхан ияги-рыл тыр-э-сс-ы-мнида* 'мы слушали рассказ о Корее'; 2) послелогі, имеющие только приглагольное употребление, например: *иссэ* [сэ] 'в', *тэбурэ* 'с' и др. Эти послелогі имеют только одну форму.

Каждый отглагольный послелог, как правило, требует употребления имени в одном определенном падеже. Реже послелог может употребляться с двумя или тремя падежами. В зависимости от того, какого падежа требует отглагольный послелог, различаются послелогі — с винительным падежом: *вихайэ* (*вихан*), *тхоньхайэ* (*тхоньхан*), *хяньхайэ* (*хяньхан*), *кэлчхэйэ* (*кэлчхин*); с дательным падежом: *тэхайэ* (*тэхан*), *кванхайэ* (*кванхан*), *ыйхайэ* (*ыйхан*), *чехайэ* (*чехан*), *иссэ* [сэ]; с творительным падежом: *инхайэ* (*инхан*), *малмиама*, *поа*; с совместным падежом: *тэбурэ*, *аулаэ* и др.

Союзы. По синтаксическим функциям союзы объединяются в две группы: 1) союзы, употребляемые для соединения членов предложения (сочинительные союзы), и 2) союзы, употребляемые для соединения предложений (союзы присоединительной связи).

Употребляемые для соединения слов сочинительные союзы⁵⁸ *мит* 'и', *хог-ын* 'или', как правило, соединяют

⁵⁸ Подчинительных союзов этого типа в корейском языке нет. Их отсутствие восполняется чрезвычайно развитой системой деепричастных форм предикатива.

между собой только имена. Наиболее употребительным является союз *мит*. Этот сочинительный союз служит средством первоначальной связи и соединяет отдельные (одиночные) однородные члены предложения в отличие от аффикса *-ва/ква*, который связывает целые звенья, целые группы однородных членов, уподобляемые при этом одним однородным членам предложения в ряду им подобных. Можно выделить следующие основные типы логикосинтаксических отношений между смежными предложениями связного текста, выражаемых союзами присоединительной связи: 1) последовательность в повествовании (*кыриго*); 2) разъяснение (*кырэнде, кырэнчжык*); 3) причинно-следственные отношения (*кырэсэ, кырэнкка, кырмыро*); 4) условно-следственная связь (*кырэмйэн*); 5) противительно-уступительная связь (*кырна, кырэдо*).

В большинстве своем союзы присоединительной связи образованы от местоименного прилагательного *кырэтха* 'такой' с помощью окончаний соответствующих деепричастных форм. Однако в литературный язык все больше проникают и союзы, образованные с помощью тех же окончаний от служебного глагола *хада* (напр.: *хана, хачжыман*), широко употребительные в центральном и южных диалектах, причем они даже имеют тенденцию быть кодифицированными в сеульском произношении — *хэна, хэчжыман* и т. д.

Частицы. В разряд собственно частиц включаются отрицательные частицы *ани* и *мот*, сравнительная частица *пода*, а также так называемые послепричастные частицы *ттарым, ппун, ппундэро, тьт, санъ, ман, манкхым* (нелитературный вариант *манчхи*), *кйэм, тэро, тунъ, пэн, чи, чхэро*.

Отрицательные частицы предшествуют глаголу или прилагательному.

Послепричастные частицы обычно следуют за причастиями, но некоторые из них могут примыкать и к основе имени — *ппун, тэро* и др.

Особенность частиц *тьт, санъ, ман, пэн* в том, что они употребляются в сочетании с предикативными служебными словами — *тьт-ха-да, тьт-сип-та, санъ-сип-та, ман-ха-да*, а частица *пэн* обычно с глаголом *ха-да* в прошедшем времени *пэн-ха-йэ-т-та*.

За частицами *ппун* и *ттарым* обычно следует связка. Частица *тьт* присоединяет еще морфему *и* — *тыси*.

Частица *тунъ*, употребляемая для образования словосочетания с раздельным значением, повторяется в словосочетаниях дважды — вначале она следует за причастием основного (смыслового) глагола, а затем — за причастием служеб-

ного глагола *мал-да*, например: *мэг-ын тунъ ман тунъ* 'кое-как поели' ('не то поели, не то нет').

Значение частиц—грамматическое и в большинстве случаев релятивное (обстоятельственное, разделительное и др.). Две частицы *пун* и *ттарым* имеют ограничительное значение и употребляются, как правило, в составе сказуемого.

В функциональном отношении частицы объединяются между собой и включаются в более общий разряд служебных слов, вследствие того что ни одна из них не может выступать самостоятельно в роли члена предложения.

Служебные имена. Среди служебных слов корейского языка, относящихся к частицам речи, особо выделяется группа служебных имен. В отличие от существительных служебные имена лишены номинативной функции и не употребляются без предшествующего определения. Наиболее употребительными служебными именами являются *кэт*, *те*, *ли*, *па*, *пун*, *су*, *янъ*, *и*, *ча*, *чэк*, *че*, *чул*, *чхэк*, *чхе*, *чха*, *тхэ*, *хэ*.

Некоторые из них неполносклоняемы и употребляются либо только в основном падеже, например: *чхе*, либо еще в одном-двух падежах, например: *су* (*су-га*, им. пад.), *чул* (*чур-ыл*, вин. пад.; *чул-ло*, твор. пад.), но часть служебных имен, например: *кэт*, *пун*, *и*, *ча*, имеют, как и существительные, почти полную парадигму склонения.

Многие служебные имена сохраняют осязаемое лексическое значение. Имена *кэт*, *пун*, *и*, *ча*, *хэ* обладают особым лексическим значением—местоименным и поэтому могут иметь при себе указательное местоимение и употребляться в значении предметных и личных местоимений, например: *и-гэт* 'это', *кы-бун*, *кы-и* 'он', 'она'.

В служебной функции употребляются и многие существительные (*сарам* 'человек', *ил* 'случай', *кил* 'дорога', 'путь', *парам* 'ветер', *мурйон* 'время', *моянъ* 'вид', 'облик', 'образ' и мн. др.), которые, однако, к служебным именам не относятся, например: *кы парам-е ундонъ кигу-до са ват-та* 'одновременно купили и спортивный инвентарь', *кэри-рыл нэлл-хи-нын парам-е чиб-ын хэл-ли-йэ-т-та* 'когда расширили улицу, дом был снесен'. В этих случаях существительное *парам* 'ветер' играет в предложении роль служебного имени.

Служебные имена в корейском языке употребляются очень широко и служат средством образования разного рода придаточных предложений или устойчивых словосочетаний, используемых в различных грамматических конструкциях. Так, например, имена *кэт* и *чул* часто употребляются

ся для подчинения дополнительных придаточных предложений; имя *кэт*, кроме того, и для подчинения придаточного предложения подлежащего и т. д. (см. стр. 103—104). Роль служебных имен в грамматике корейского языка очень велика.

Служебные предикативы. Другую особую группу служебных слов, относящихся к частицам речи, составляют служебные предикативы. В отличие от глаголов и прилагательных, служебные предикативы лишены номинативной функции и самостоятельно не употребляются. Служебные предикативы *ха-да*, *сип-та*, *по-да* и др. выражают грамматические значения и используются для образования различных функциональных форм, например: *кы-гэс-ын ман-сэмъ чирхван-гва кат-та ха-лка* 'это скорее похоже на хроническое заболевание', *на-до кырэ-н чхонъ-ыл качжи го сип-та* 'мне тоже хочется иметь такое ружье', *ок сун-нын кы-дыр-и кви-мэг-ын ёг-ыл ха-нын-га сипх-э-т-та* 'Ок Сун казалось, что они ее сильно ругают', *ну-га нокхы рыл ха-нын-де ама кы сарам-инга по-мни-да* 'кто-то стучит в дверь; кажется, это он', *чал са-на по-пти-да* 'они, видимо, хорошо живут'.

К отдельному разряду служебных предикативов можно отнести служебные глаголы *мал-да*, *по-да*, *пэри-да*, *нэ-да*, *но-тха*, *ит-та*, *ка-да*, *о-да* и др., употребляемые для образования разного рода аналитических функциональных форм. Все они имеют грамматическое значение, и в большинстве случаев их связь с исходными глаголами, обладающими весьма развитыми лексическими значениями, можно считать утраченной. Ср., например: 1) *чаб-а-т-тага но-а-т-та* 'поймал и отпустил', *чхэксанъ-е-да но-а-т-та* 'положил на стол' и 2) *маданъ-ыл ккэккыс-и ссыр-э но-а-т-та* 'чисто вымел двор'. Не только лексическое значение и функции в предложении отличают глагол *но-тха* и служебное слово *но-тха*. Они отличаются и морфологически: глагол *но-тха* имеет, например, форму страдательного залога — *но-и-да*, а у служебного слова *но-тха* такой формы нет.

Правомерно, на наш взгляд, говорить в этом случае об омонимии⁵⁹, так же, между прочим, как и в отношении некоторых служебных имен. Ср., например: *су* в *кал су ит-та* 'могу пойти' и *су* в *су-га хана ит-ки-нын ис-со* 'есть еще один выход'. Во втором случае *су*—существительное со значением 'ход (в игре)'; 'выход' и полной парадигмой склонения в отличие от служебного имени *су*.

⁵⁹ В «Большом словаре корейского языка» эти слова рассматриваются как омонимы (см. «조선말 큰 사전», 2, 서울, 1947; 665페이지).

К служебным предикативам относятся и связки⁶⁰ *и-да* 'быть', 'являться' и *ани-да* 'не быть', 'не являться'. Связки изменяются, за некоторыми исключениями, так же, как и предикативы.

Междометия

По значению междометия распадаются на две группы: на выражающие чувства и на выражающие волеизъявление. Первую группу составляют междометия, выражающие радость, восторг, удивление, испуг, досаду и т. п., например: *аигу* 'ой-ой!', *я!* 'ой!' 'ого!', *еик!* 'ай!', *ачха* 'эх!' и др. Некоторые из междометий образованы из словосочетаний, утративших свою первоначальную форму, например: *егумэ-ни* 'ой!' (от *аигу эмэни* 'ой, мама!') и др. Каждое из междометий этой группы многозначно. В зависимости от условий речи значение их оттеняется интонацией. Вторую группу составляют междометия, выражающие волеизъявление, призыв или побуждение к действию, например: *ча!* 'эй!', 'ну!', *сви!* 'тс!' ('цыц!', 'молчать!'), *етта, ча!* 'на!', *йэбо* 'послушай!' 'эй, ты' и др. К этой же группе относятся слова, которые употребляют, когда зовут или отгоняют животных; например, кур, цыплят подзывают *ку-гу* (ср. русск. *цып-цып*).

СИНТАКСИС

ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Словосочетание—это соединение двух или более слов, связанных между собой грамматически и по смыслу. Среди словосочетаний, возникших в результате соединения слов при построении предложения, могут быть словосочетания предикативные и непредикативные. Предикативные словосочетания, имеющие свое подлежащее и характеризующиеся наличием субъектно-предикативного отношения, представляют собой предложения (такowymi являются, например, придаточные предложения в составе сложного предложения, см. ниже, стр. 102).

По стержневому слову, которое всегда замыкает словосочетание, различаются следующие типы словосочетаний: 1) **номинативный**, в котором стержневое слово выра-

⁶⁰ Многие корейские языковеды считают неправомерным выделение связок *и-да* и *ани-да* на том основании, что они якобы не обладают признаками слова.

жено именем: *по-нын сарам* 'смотрящий человек', 2) глагольно-адъективный, в котором стержневое слово выражено предикативом: а) конечный: *чиб-е ит-та* 'находится дома'; б) деепричастный: *синмун-ыл по-мйэсэ* 'просматривая газету'; в) причастный: *синмун-ыл по-нын* 'просматривающий газету'; г) инфинитивный: *сухаг-ыл пэу-ги* 'изучение математики'.

В предложении стержневое слово словосочетания принимает ту или иную форму, значение которой распространяется на все словосочетание. Таким образом, словосочетания имеют систему форм в зависимости от принадлежности стержневого слова к той или иной части речи.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

По структуре предложения делятся на простые и сложные. С точки зрения выраженного в них содержания предложения бывают повествовательные, вопросительные, восклицательные, повелительные и пригласительные. Повествовательное предложение выражает сообщение говорящего, например: *парам-и пу-нда* 'ветер дует'. Вопросительное предложение включает в себе вопрос о чем-либо неизвестном для говорящего, например: *нун-и о-мни-кка?* 'снег идет?', *ккочх-ын энчже пхи-мни-кка?* 'когда расцветают цветы?'. В зависимости от того, есть ли в вопросительном предложении вопросительное местоимение (или вопросительное наречие) или нет, различаются местоименные и неместоименные вопросительные предложения, характеризующиеся разной интонацией. Восклицательные предложения содержат восклицание и выражают эмоции говорящего (восхищение, удивление, гнев и т. д.), например: *пи-га о-нын-гуна!* 'дождь идет!' я, *кхын коги-га чап-хйэ-т-та!* 'ой, (какая) большая рыба поймалась!' Повелительное предложение выражает повеление или просьбу говорящего, например: *чал по-о!* 'смотри хорошенько!', *чосэн-е тэ-хэйз ияги-ха-йэ чу-си-пси-о* 'расскажите, пожалуйста, о Корее!' *нэйл о-чжи мал-ла!* 'завтра не приходи!' Пригласительное предложение выражает призыв или приглашение говорящего, например: *нэйл ачхим-е ка-псида!* 'пойдемте завтра утром!'. Названные выше типы предложений обычно различаются по окончаниям заключительного сказуемого. Но часто при одинаковых окончаниях средством их различия выступает интонация. Кроме того, на письме они различаются при помощи соответствующих знаков пунктуации (см. стр. 106).

В вопросе о членах предложения, как и в некоторых других вопросах синтаксиса корейского языка, остающегося пока одним из наименее изученных разделов корейской грамматики, среди языковедов нет единогласия. Выделяют, как правило, главные члены предложения — подлежащее и сказуемое, а также второстепенные — дополнение, определение и обстоятельство. Одной из спорных проблем является проблема члена предложения, который называют то словом-темой (функция его — название темы высказывания), то тематическим подлежащим, то „дополнением особого рода“⁶¹. Мы рассматриваем данный случай как специфическое для корейского и некоторых других языков явление обособления (см. стр. 96). Следует также оговорить „определение к предложению“, которое мы выделяем как особый вид определения.

Подлежащее может быть выражено существительным и всякой другой склоняемой частью речи. Как правило, оно выражается именем в именительном или основном падеже (в основном падеже имя часто бывает оформлено выделительным или каким-либо иным деривационным аффиксом): *юн су-егессэ ттыт-пакк-е пхйэчжи-га еа-т-та*; *юн су-ый пхйэчжи-нын чхамыро часанэ-хаго...* ‘неожиданно от Юн Су пришло письмо. Письмо Юн Су было очень подробным...’

В роли подлежащего может выступать и глагол (или предикативное прилагательное) в форме инфинитива. В этом случае подлежащее обычно бывает выражено словосочетанием инфинитивного типа: *сэнь-ним-ый симчжэнь-ыл чал алги-нын кы-ый чомо-ппун-и-йэ-т-та* ‘хорошо знала настрояния Сок Рима только его бабушка’. Подлежащим в этом предложении является группа слов *сэнь-ним-ый симчжэнь-ыл чал ал-ги-нын*.

Недостаточно выяснены случаи типа *йэчжа-ый ттэды-нын мок-сори-га тыл-лйэ-т-та* ‘слышались голоса судачивших женщин’, где возможен двоякий разбор предложения: а) *йэчжа-ый ттэды-нын* как одно целое относится к слову *мок-сори-га* и тогда слово *йэчжа-ый* — подлежащее (ср. *йэчжа-га ттэды-нын*) придаточного определительного предложения (особый его случай — подлежащее, выраженное формой родительного падежа); б) слова *йэчжа-ый* и *ттэды-нын* порознь одинаково относятся к слову *мок-сори-га* как два разных определения к подлежащему простого предложения.

⁶¹ А. А. Холодович, *Очерк грамматики корейского языка*, стр. 253—254.

Сказуемое по структуре может быть простым, составным, производно-составным и сложным составным. Простое сказуемое бывает выражено простой (синтетической) формой глагола или прилагательного. Составное сказуемое может быть выражено в сочетании со связкой, а также глаголом или прилагательным в сочетании с другим предикативом. Производно-составным называется сказуемое, выраженное сочетанием причастия и служебного имени со связкой или сочетанием инфинитива со связкой. Сложным составным является сказуемое, состоящее из трех и более конструктивных элементов, представляющих собой формы предикатива.

Простое сказуемое выражается глаголом или прилагательным: *панзүл сори-га ёран-хи на-н-да* 'громко раздается звонок', *чиб-ан-ын чоёнъ-ха-да* 'в доме тихо' (в том числе—с препозиционным отрицанием, напр.: *на-нын мот-ло-а-т-та* 'я не видел').

Простое сказуемое может иметь усложненную форму, например: *кы-нын чиб-е ка-т-та-ва-с-сымни-да* 'он сходил домой' (букв.: 'пошел и пришел'), *йэңги-нын кэм-ди-кэм-тта* 'дым черный-черный', *канъ-мур-ын пхуры-го пхуры-да* 'вода в реке голубая-голубая' и др.

Составное сказуемое. Одним из наиболее распространенных типов составного сказуемого является такое, к котором вещественное значение выражено именем-присвяточным словом, а грамматическое—связкой. Например: *кы манкхым тхэ-су-нын сонхэ-йэ-т-та* 'настолько Тхэ Су оказался в убытке', *кы гэс-ын пидан намчжа ппун-ман ани-йэ-т-та* 'это были не только одни лишь мужчины', *кэсэнь-ын инсам кос-и-рэ* 'Кэсон—место, где много женшеня'. В сочетании с отрицательной связкой *ани-да* присвяточный член, как правило, имеет форму именительного падежа: *кы гэс-ын синмун-и ани-да* 'это не газета'. Кроме отвлеченных связок *и-да* и *ани-да*, для выражения составного именного сказуемого употребляются полуотвлеченная связка *тве-да* 'стать', 'становиться' или 'быть', 'являться' (присвяточный член в этом случае имеет форму именительного или творительного падежа: *кы-нын хаксэнъ-и тве-йэ-т-та* или *кы-нын хаксэнъ-ыро тве-йэ-т-та* 'он стал студентом'), а также полузнаменательные глаголы *сам-тта* 'считать' (что-либо, чем-либо), 'делать', *йэңи-да* 'считать' 'рассматривать' и др.

Составное сказуемое, выраженное глаголом или прилагательным, охватывает их различные аналитические формы: форму постпозиционного отрицания, запретительные формы, активную и пассивную конструкции, формы длительного, предельного и многократного видов и др. К этому же типу

относится и сказуемое, состоящее из инфинитива смыслового глагола (прилагательного) и формы конечной сказуемости дополнительного или служебного глагола, в том числе и из инфинитива, осложненного формообразующим аффиксом. Например: *ури-нын конъбу-ха-ги сичжак-ха-йэ-т-та* 'мы начали учиться'; *кы сарам-ын каги-нын ха-йэ-т-та* 'он пойти-то пошел', и *чим-ын мугэпки-до ха-да* 'эта ноша очень тяжела' и др.

К типу составного сказуемого относятся также сказуемые, состоящие из второй основы с одним или двумя формообразующими аффиксами и служебного глагола, например: *ури-нын чал конъбу-ха-йэ-я тве-нда* 'мы должны хорошо учиться', и *гэс-ыл ичжэ-э-сэ-нын ан-тве-нда* 'этого забывать нельзя'.

Производно-составное сказуемое. Широко употребительным типом производно-составного сказуемого является сказуемое, состоящее из причастия, служебного имени и связки, например: *сэн-чжу-нын ачжу чуг-ын гэс-и-йэ-т-та* 'Сон Чжу была мертва'. Первым компонентом такого сказуемого может быть причастие настоящего, прошедшего и будущего времени, а также другие причастные формы (с окончанием *-тэн*), включая и формальные причастия. Усложненная форма производно-составного сказуемого — сочетание имени с причастной формой связки, служебного имени и связки: *кы сарам-ын хаксэнэ-и-л гэс-и-да* 'он, видимо, студент'.

Сложное составное сказуемое образуется из трех и более форм предикатива, например: *ури-нын конъбу-ха-чжи ан-ы-мйэ-н ан-тве-нда* 'мы должны учиться', *ури-нын конъбу-ха-чжи ан-ы-мйэ-н ан тве-гэ тве-йэ-т-та* 'мы вынуждены были учиться'. В конструкции сложного составного сказуемого, кроме форм предикатива, могут быть служебные имена и формообразующие аффиксы, например: *ури-нын конъбу-ха-чжи ан-ы-л су эсэ-э-т-та* 'мы обязаны были учиться' и др.

Дополнение. Дополнения различаются прямые и косвенные. Прямое дополнение возможно только при переходных глаголах и обычно бывает выражено формой винительного или основного падежа.

Чаще всего дополнение служит для пояснения сказуемого, например: *кы-нын мочжа-рыл пэс-эт-та* 'он снял шапку', *нэ-га норэ пурь-л чул а-на?* 'а умею ли я петь песни?' Однако дополнение может быть и при других членах предложения, если они обозначают действие, состояние или признак. На этом основании различаются дополнения приглагольные (шире — припредикативные) и дополнения при-

именные, которые имеют и разную форму в том случае, когда дополнение выражено падежной формой имени в сочетании с отглагольным послелогом.

Приглагольное дополнение. Прямое дополнение после переходных глаголов обозначает предмет, на который распространяется полностью действие субъекта, например: *ури-нын синмун-ыл илг-э-т-та* 'мы читали газету'. Косвенное дополнение обозначает объект, к которому действие лишь направлено, объектом может быть орудие, способ, средство действия и т. п., например: *на-нын абчжи-еге пхйэнчи-рыл понэ-т-та* 'я послал отцу письмо', *кы-дыр-ын кичха-ро ка-т-та* 'они уехали поездом'. При сказуемых, выраженных страдательным залогом глагола, косвенное дополнение обозначает логический субъект действия, например: *кэ-га пэм-еге мул-айэ-т-та* 'собаку укусила змея'.

Если дополнение выражено именем с отглагольным послелогом, то последний имеет приглагольную форму, например: *кы-нын чосэн-е тэ-ха-йэ ияги-ха-йэ-т-та* 'он рассказывал о Корее'.

Дополнение может быть и при прилагательном, например: *пучжа-га инсэк-ха-ги-ро юмйэнь-хэ-т-та* 'богач был известен скупостью'.

В предложении, кроме объекта, только подвергающегося действию, может быть и действующий объект, который в свою очередь подвергается действию со стороны субъекта. Это конструкция типа русского: „Отец заставил сына читать книгу“. От субъекта исходит лишь инициатива действия, а действие осуществляется объектом. В корейском языке при наличии в предложении двух таких объектов имя, обозначающее действующий объект (в отличие от объекта, только подвергающегося действию), оформляется творительным падежом с послелогом *ха-йэ-гым*: *и сасанъ-и на-ро ха-йэ-гым чиб-ыл тхалчхур-ха-ге ха-йэ-т-та* 'эти мысли заставили меня покинуть дом'. Сказуемое в таком предложении обычно выражено активной конструкцией.

Приименное дополнение. Отглагольное или соотносительное с глаголом имя со значением действия или состояния может иметь при себе дополнение. Такие дополнения, выраженные падежными формами имен, аналогичны по форме приглагольным дополнениям. Некоторые языковеды⁶² причисляют к приименным дополнениям и члены предложения, выраженные составным падежом, форма которого завершается родительным, например: *чакка-ва-ый тамхва* 'бе-

⁶² Там же, стр. 252.

седа с писателем'. Однако в этом случае данные члены предложения могут быть рассматриваемы и как определения.

Если приименное дополнение выражено именем с отглагольным послелогом, то последний имеет приименную форму; например: *ури-нын чосэн-е тэ-хан ияги-рыл тыр-э-т-та* 'мы слушали рассказ о Корее'.

Определение выражается либо именем в основном или родительном падеже, либо предикативом в определительной (причастной) форме, например: *панъ ан-е-нын там-бэ йнъги-га чаок-ха-да* 'в комнате был туман от табачного дыма'; *нэньсо-ха-нын усым-и-да* 'язвительный смех'.

Определение может быть при существительном и местоимении. В корейском языке определение к существительному в некоторых случаях может быть выражено и наречием, например: *чин йнъ-и-нын камчху-э-т-тэн акка сачжин-ыл нэ-по-и-мйэ ккал-ккал-тэ-го ус-э-т-та* 'Чин Ен показывала ту недавнюю фотографию, которая была у нее спрятана, и громко смеялась'.

Определение, выраженное именем в сочетании с определительной формой связки (-и-н, -ра-н, -ра-нын и др.), рассматривается как приложение.

Имя, которым выражено определение, может иметь следующие формы: 1) основного падежа: *чосэн кйёнъчхи* 'корейская природа', 'природа Кореи'; *йёнъунъ тоси* 'город-герой'; 2) родительного падежа: *чосэн-ый кйёнъчхи* 'природа Кореи', *йёнъунъ-ый тоси* 'город героя'; 3) определительной основы: *чосэн-чжэж кйёнъчхи* 'корейская природа', *йёнъунъ-чжэж тоси* 'героический город'; 4) определительной основы в сочетании с определительной формой связки: *чосэн-чжэж-и-н кйёнъчхи* 'корейская природа', *йёнъунъ-чжэж-и-н тоси* 'героический город'.

Для выражения общего признака обычно бывает достаточно простого соположения имен (ср. русск. радиосигнал, радиостанция, радиокомитет). Притяжательные отношения выражаются обычно именем в родительном падеже. Определительная основа служит для выражения детерминирующих определений: она обозначает отношение к определенной категории, обладание каким-либо свойством и, наконец, выражает отношение в широком смысле слова. Определительная форма связки придает определительной основе подчеркивающее значение: „являющийся (таким-то)“ и служит обычно для выражения приложения.

Совершенно особым видом определения является определение к предложению.

Определение к предложению либо имеет модальное значение, указывая на достоверность или недостоверность со-

общаемого, либо выражает эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому. Оно относится ко всему предложению в целом и обычно стоит в начале предложения, но иногда может быть и перед группой сказуемого. Выражается оно посредством модальных слов и некоторых наречий. В нижеследующих примерах определением к предложению являются слова *сасил, тэчхе, кеайэн, кычжэ*: *сасил кынын сесань-ир-и чэм-чжэм ккадарово-чжи-нын кэт-ман катх-а-т-та* 'действительно, ему казалось, что жить становится все трудней и трудней'; *тэчхе ирэ-кхе чиб-ыл нуга та чи-йэ-сс-ыл-кка* 'и кто же это, собственно говоря, настроил так много домов?'; *квейэн кы-дыр-ын пэрычжань-мэри-эм-нын кйечжибэ-дыл кат-та* 'и в самом деле они выглядели заносчивыми девицами'; *ури-нын кычжэ канынъ-ха-н хеангыжэ ак-есэ чхевсэн-ый норйэж-ыл та ха-л ппун-и-да* 'мы просто лишь стараемся сделать все от нас зависящее в пределах возможного'.

Обстоятельства. По значению различаются обстоятельства: места, времени, причины, цели и образа действия.

Обстоятельство может быть выражено различными падежными формами имен без послелогов или с послелогам (отыменными и отглагольными), наречиями, деепричастными формами глаголов и прилагательных, а также сочетаниями причастных форм со служебными именами или частицами.

Обстоятельство места действия обозначает место, где осуществляется действие или состояние, пункт, куда направлено действие, или исходный пункт.

Различные пространственные отношения при обозначении места действия, местонахождения, направления, предельного или исходного пункта часто выражаются при помощи отыменных послелогов: *ап* 'перед', *тви* 'за', *у* 'на', 'над', *арэ* 'под', *мит* 'под', *ан* 'в', *сок* 'в' и др. Примеры: *сирубонъ митх-е-нын чэг-ын ныпх-и исс-э-т-та* 'под горой Сирубон был небольшой пруд', *кы-нын тамбэ чигаб-ыл чуин апхыро мир-э но-а-т-та* 'он пододвинул кiset с табаком к хозяину'.

Обстоятельство места действия может быть выражено и наречием: *при чом ка-о-си-о* 'подойди-ка сюда'.

Обстоятельство времени действия обозначает время, в течение которого (до наступления которого или после которого) осуществляется действие или состояние.

Временные отношения при обозначении времени действия часто выражаются при помощи отыменных послелогов: *чэн* 'до' (с инфинитивом глагола или с основным падежом имени, напр.: *каги чэн-е* 'до того, как идти', *хэбанъ-чэн-е* 'до осво-

бождения'), *ху* 'после' (с причастной формой глагола или с основным падежом имени, напр.: *кы сарам-ц кан ху-е* 'после того, как он ушел', *хэбанъ ху-е* 'после освобождения'). Для обозначения исходного и предельного пунктов часто употребляются деривационные формообразующие аффиксы *-путьхэ* 'с', 'от' и *ккачжи* 'до', например: *каыл-путьхэ на-нын тэгу чанъса-рыл ха-йэ-т-та* 'с осени я торговал треской', *ури-нын ахон-си-путьхэ ту-си-ккачжи конъбу-ха-йэ-т-та* 'мы занимались с девяти до двух часов'.

Обстоятельство причины действия может быть выражено творительным падежом имени: *кы-нын пйэнь-ыро о-чжи мот-хан мянь-и-да* 'он, видимо, не пришел по болезни'; творительным падежом в сочетании с отглагольным послелогом *..ро ин-ха-йэ*, *..ро малмиам-а*, второй основой, обычно с морфемой *-сэ*: *молла-сэ силсу-ха-йэ-т-та* 'ошибся, потому что не знал'; вторым инфинитивом в сочетании со словом *ттэмун* 'причина' или причастной формой в сочетании со словом *ккада(л)к* 'причина' и т. д. Слово *ттэмун* может употребляться и после имени, например: *но ттэмун-е нычж-э ва-т-та* 'из-за тебя опоздали'. Сравнительно редко употребляется для обозначения причины слово *тхат*. Способ выражения причины при помощи служебного слова *коро* в сочетании с причастием является архаичным.

Обстоятельство цели действия. Для выражения цели действия наиболее распространено употребление второго инфинитива в сочетании с послелогом *ви-ха-йэ*: *ал-ги ви-ха-йэ-нын конъбу-ха-йэ-я ха-нда* 'чтобы знать, надо учиться', а также деепричастия цели: *кы-нын ир-ха-рэ канда* 'он идет работать', 'он идет на работу', и деепричастия намерения: *кы-рыл ман-на-гочжэ кы-ый чиб-ыро кат-та* 'пошел к нему домой, чтобы встретиться с ним'.

Обстоятельство образа действия, характеризующее действие со стороны его качества или образа, способа совершения, может быть выражено наречиями: *кичхан-нын ппал-ли кан-да* 'поезд идет быстро', в том числе образительными словами: *нунмур-и ччуруру хыллэ-нарьэ-т-та* 'слезы лились ручьем', *нун-и пусил-пусил онда* 'снег падает хлопьями'; деепричастием образа действия: *кы-нын коп-ке кыр-ыл ссы-нда* 'он пишет красиво', именем в соответствующей форме: *саси-наму-чхэрэм пал-бал ттэ-нда* 'дрожит как осина (как осиновый лист)' и др.

Однородные члены предложения. Однородные подлежащие в составе предложения бывают обычно выражены именем в основном падеже, последний же из них принимает форму именительного падежа, например: *чхвегын-е тхыкхи чхукку, нонъгу, пэгу мит суйэнь-дынъ-и палччэ-н*

тве-йэ-т-та 'за последнее время особенно развились футбол, баскетбол, волейбол и плавание'. Иногда, однако, для связи однородных подлежащих употребляется совместный падеж, например: *абэчжи-ва эмэни-ва хйэньним-гва нуи-га ва-т-та* 'приехали отец, мать, брат и сестра'.

Однородные сказуемые соединяются обычно с помощью деепричастных форм (чаще всего посредством соединительного или сочинительного деепричастия), например: *коньги-га мал-кко синсэн-ха-да* 'воздух чист и свеж'.

Однородные определения, выраженные прилагательными или причастиями, соединяются с помощью деепричастных форм, т. е. так же, как и однородные сказуемые, например: *пхуры-го нуры-го пулг-ын ккот* 'синие, желтые и красные цветы'.

Однородные дополнения, за исключением последнего, могут быть выражены именем в основном падеже: *ури-нын нодонъча, самувэн, кисулча, хаксэнъ-дыр-ыл чходэ-хайэ-т-та* 'мы пригласили рабочих, служащих, специалистов и учащихся'. Часто однородные дополнения бывают связаны совместным падежом: *кы-нын тамбэ-ва сур-ыл ани-мэк-со* 'он не курит и не пьет'. Реже однородные дополнения могут быть выражены с помощью других падежей.

Однородные обстоятельства, так же как и однородные подлежащие и дополнения, могут быть выражены именем в основном падеже, за исключением последнего, например: *кэсэлчча-дыр-ын конъчжанъ, чечжосо, тхангванъ, кванъ-сан-есэ кэдэ-хан сэньсан сэнькква-рыл талссэнь-ха-йэ-т-та* 'строители добились огромных производственных успехов на заводах, фабриках, шахтах и рудниках'.

Последний из ряда однородных членов предложения тоже может оставаться в основном падеже, если за ним следует деривационный аффикс. Всякий формообразующий аффикс, реляционный или деривационный, таким образом как бы оформляет все однородные члены в целом.

Когда однородные обстоятельства выражены прилагательными или глаголами, они бывают обычно соединены, так же как однородные сказуемые или определения, с помощью деепричастных форм, например: *хэбанъ-твен ин-мин-дыр-ын чаю-роп-ко хэньбок-сырэп-ке сэньхвар-ха-го ир-ха-мни-да* 'освобожденные народы свободно и счастливо живут и трудятся'.

Обособленные члены предложения. Если предложения типа *тхокки-нын ккори-га ччап-та* 'у зайца хвост короткий' (букв.: 'заяц—хвост—короткий'); *на-нын пэм-и мусэп-та* 'я боюсь тигра' (букв.: 'я—тигр—страшен'); *кы-нын тон-и эп-та* 'у него нет денег' (букв.: 'он—деньги—нет'),

не рассматривать как сложные с придаточным сказуемым (т. е. выделяя в их составе зависимые предложения—*ккори-га ччап-та*, *пэм-и мусэп-та*, *тон-и эп-та*, в которых отсутствующее сказуемое главного предложения замещено придаточным предложением, имеющим свое подлежащее и свое сказуемое), то следует говорить об обособлении. И в том случае, когда в предложении два подлежащих, первое из них будет обособленным подлежащим, а второе—уточняющим. Последнее ограничивает или уточняет объем понятия, обозначенного обособленным подлежащим.

В качестве обособленных членов могут употребляться: подлежащие в том случае, если в предложении выражаются особые атрибутивно-пояснительные отношения (отношение целого и части и др.), отдельные виды дополнений, чаще всего прямые дополнения, отдельные виды обстоятельств, чаще всего обстоятельства места или времени.

Обособление является одним из наиболее употребительных средств формального выражения сильного логического ударения. Например: *чосэп-ын киху-га чо-тха* 'в Корее хороший климат' (букв.: 'Корея—климат—хороший'); *ттэг-ын нан ан-мэк-кет-та* 'хлеб я не буду есть', *оныр-ын нальсси-га чо-чхи мот-ха-да* 'сегодня погода неважная', *йгги-нын сарам-и ман-тха* 'здесь много народу'.

Обособление достигается, следовательно, позицией обособленного члена предложения (обязательно в начале предложения) и оформлением его деривационным аффиксом делительного указания, что, однако, не обязательно; обособленный член предложения может оставаться в том же падеже, что и равнозначный ему необособленный член предложения—в именительном, винительном и даже иногда в основном без каких-либо аффиксов.

Таким образом, особого члена предложения обособленный член не составляет; тем не менее характер взаимоотношения обособленных членов предложения с предложением несколько иной, чем у остальных членов предложения. Вынесение их в начало предложения придает им такое самостоятельное значение, которое в определенных случаях (например, в случае с двумя подлежащими в предложении) представляет собой отношение данного члена предложения не к какому-либо из его членов, а ко всей следующей за ним части предложения.

Обособленные члены предложения, как и другие его члены, могут иметь зависимые слова: определения, дополнения, обстоятельства.

Дополнительное сказуемое. В предложении может быть два и более сказуемых. Основным сказуемым всякого пред-

ложения является заключительное сказуемое. Остальные сказуемые являются дополнительными и выражаются обычно деепричастными или причастными формами в сочетании со служебным именем или частицей. Дополнительное сказуемое с относящимися к нему словами часто образует оборот, близкий к отдельному придаточному предложению. Но придаточное предложение возможно только в том случае, когда сказуемое имеет свое подлежащее. Дополнительное сказуемое нередко имеет определенный обстоятельственный оттенок, но оно во всех случаях характеризуется предикативностью, присущей сказуемому. В роли дополнительного сказуемого часто употребляется и вторая основа.

Дополнительные сказуемые могут выступать и как однородные члены предложения (см. стр. 95). Примеры: *хён-гю-нын мэри-рыл тык-тык кылгымё ханхум-ыл таси ханда* 'Хён Гю почесывает голову и снова зевает'; *кы-дыр-ын пэ-рыл тхаго кань-чжунь-ыро чэо тырэ гатта* 'они сели на лодку и выплыли на середину реки'; *кы-нын пирё-рыл чал ха-йэ-сс-ыл ппундэрэ ноньса паньбэб-ыл кэ-рянэ-ха-ги-до хайэтта* 'он не только хорошо удобрял (почву), но и совершенствовал агротехнику'.

ПОРЯДОК СЛОВ

Общее правило расположения слов в словосочетании и в предложении корейского языка таково: зависимое слово предшествует тому, от которого зависит; определение всегда предшествует определяемому.

Такой порядок слов называется прямым. Наряду с прямым порядком слов при определенных условиях может встречаться и инверсивный, или обратный, порядок слов.

Порядок слов в словосочетании. Словосочетания в корейском языке могут быть построены по способу либо управления, либо примыкания. При управлении управляемое слово предшествует управляющему, которое является стержневым в словосочетании. При связи примыкания примыкающее слово предшествует стержневому.

Особо следует оговорить порядок расположения определений, относящихся к одному и тому же стержневому слову; если таких определений несколько, располагаются они в следующем порядке: притяжательное определение (имя в родительном падеже), за ним следует процессуальное (причастие глагола), затем — относительное (определятельная основа имени), количественное (числительное), качественное (определятельная форма прилагательного) и

предметное (имя в основном падеже). Например: *син-бог-ый панччаг-и-нын йери-хан сисэн-ын ттэ-рыл ночхи-чжи ан-а-т-та* 'острый сверкающий взгляд Син Бок не упустил момента'.

Порядок слов в предложении определяется двумя основными правилами: 1) сказуемое с группой непосредственно относящихся к нему слов всегда находится в конце предложения; 2) подчиненный член предложения предшествует тому, от которого зависит, т. е. подлежащее и дополнение всегда стоят перед сказуемым, определение—всегда перед определяемым словом. Например: *юн су-ый пу-мо-до йэкси сун нам-и-рыл тхам-нэйэ-т-та* 'родители Юн Су тоже рассчитывали на Сун Нам'.

Возможны, однако, всякого рода отклонения от этого обычного порядка слов. Так, дополнение может быть вынесено вперед, обстоятельство может располагаться и перед сказуемым и перед подлежащим в самом начале предложения. Допускается и инверсивный порядок слов, когда и сказуемое может предшествовать подлежащему, например: *сирйэ-ё, нан!* 'не хочу я!' *нычжэ-э-т-куна, нэ-нын!* 'Опоздал ты!' или другим членам предложения, например: *по-ра, таньданъ-ха-ге хэньчжин-ха-нын нодонъчжа-дыр-ыл!* 'Посмотри на гордо шагающих рабочих!'

Случаи обратного или просто необычного порядка слов особенно часты в устной речи, например: *чвеи-пси-да анх-ыро чом* 'продвинемся-ка вперед немногo' (в автобусе) вместо обычного *анх-ыро чом чвеи-пси-да; пхйэньчжи-до ан о-го ... чиб-есэ* 'и писем нет из дому'.

Необходимо все-таки подчеркнуть, что, как правило, в корейском языке члены предложения располагаются в строго определенном порядке, причем некоторое исключение могут составить лишь обстоятельства.

ТИПЫ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Предложения делятся на двухсоставные, имеющие оба главных члена предложения—подлежащее (с группой относящихся к нему слов) и сказуемое (с группой относящихся к нему слов), и односоставные. В двухсоставных предложениях для разграничения группы подлежащего и группы сказуемого часто используется деривационный формообразующий аффикс *-нын/-ын*.

Среди односоставных предложений различаются бесподлежащие; номинативные, в которых главный член выражен существительным; неполные, в которых опущен какой-либо член предложения (если он имеется в другом аналогичном

предложении или подсказывается ситуацией); эллиптические, в которых опущено сказуемое.

Бесподлежащие предложения очень широко распространены в корейском языке и представляют собой устойчивую и общеупотребительную типическую конструкцию.

Предложения такого типа могут быть по форме сказуемого разделены на две группы: одни предложения близки по значению к определенно-личным предложениям русского языка; форма сказуемого в них указывает, совершается ли действие говорящим или тем, к кому обращена речь, или тем, о ком говорится, например: *ханчча-рыл коп-ке ссы-си-мни-да* '[вы] красиво пишете иероглифы' или '[он] красиво пишет иероглифы'. Предложения другого типа совмещают неопределенно-личное или обобщенно-личное значение, например: *со ил-кхо веянъ-ккан кочхи-нда* 'потеряв корову, чинит хлеб' (возможен перевод 'чиним хлеб', ... 'чиню хлеб').

Номинативные предложения. В номинативных предложениях главный член выражен существительным, обычно в основном падеже, например: *сарам. сарам. сарам* 'Люди. Люди. Люди'; *онънъ!—я.—су-га хана ит-ки-нын исс-о.—мурси?—пул.* 'Оннэ!—Ну ...—Есть еще один выход.—Какой?—Огонь'.

Неполные предложения. В неполных предложениях отсутствует какой-либо член предложения, если значение опущенного слова ясно из контекста, например: — *вэ-ном-ыл то-ва чу-н-да-го?—кыр-тха!—нэ-га?—кыр-тха! не-га!—* 'Японцам, говоришь, помогал?—Да!—Я?—Да, ты!'

Второй тип неполных предложений представляют такие, в которых какой-либо член предложения может отсутствовать потому, что он подсказывается ситуацией, самой речевой обстановкой. Например: *о-н-да!* 'идет!' Кто или что идет—человек, поезд, трамвай—может явствовать только из речевой обстановки.

Неполные предложения часто встречаются в диалогической разговорной речи.

Эллиптические предложения. От второго типа неполных предложений могут быть отграничены предложения без сказуемого, которое в таких случаях нельзя восстановить исходя из контекста или учитывая ситуацию. Это предложения типа *сахвечжуый-рыл хянъ-хайъ апх-ыро!* 'вперед, к социализму!' *чън сегье-е пхыънъхва-рыл!* 'миру мир!'

Сложное предложение состоит из двух или более связанных друг с другом частей, аналогичных по структуре самостоятельным простым предложениям. По характеру связи и способам выражения отношений между этими частями сложные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные.

Типы сложных предложений. Части сложносочиненного предложения структурно однородны с простыми предложениями, и отношения между ними более или менее независимы.

Отношения между частями сложноподчиненного предложения определяются подчинительной связью, и, таким образом, эти части неравноценны: одна из них главная, другая — зависимая.

Могут быть выделены и сложные предложения переходного типа.

Сложносочиненное предложение. Сложносочиненное предложение представляет собой смысловое и интонационное единство, причем его состав характеризуется следующими признаками: 1) каждое предложение сохраняет значение самостоятельного сообщения и имеет свои подлежащее и сказуемое; 2) средствами связи частей предложения служит либо форма деепричастия, которым выражено сказуемое первой части, либо служебное имя (*на* и др.) в сочетании с причастием-сказуемым первой части.

По характеру отношений между частями сложносочиненного предложения различаются: сложносочиненные предложения сочинительного и противительного типа.

Отношения между компонентами сложносочиненного предложения сочинительного типа могут быть выражены формой соединительного (окончание *-ко*) или сочинительного (окончание *-мйэ*) деепричастия, например: *сан-ын ноп-ко пада-нын кип-та* 'горы высокие, а море глубокое'; *ипх-и на-мйэ ккочх-и пхи-нда* 'распускаются листья и расцветают цветы'; а также служебным именем *на* после причастия, например: *танъ-ын кехвег-ыл кихан-чжэ-е вансу-хал кэс-ыл хосо-хайэннын на и хосо-нын йэрийэр-хан панхянъ-ыл ирыкхйэтта* 'партия призвала выполнить план досрочно, и этот призыв встретил горячий отклик'.

Отношения между компонентами сложносочиненного предложения противительного типа могут быть выражены формой противительного деепричастия (окончания *-на*, *-чиман* и др.), например: *на-нын ка-чжиман нэ-нын мот ка-нда* 'я-то пойду, а ты не пойдешь'; *каи-нын ман-ы-на майм-*

и *чэм-тта* 'годами стар, а душой молод' и т. п., а также служебным именем *те* после причастия, например: *сан-ын нопх-ын-де наму-нын эп-та* 'гора-то высокая, а деревьев нет'.

Сложноподчиненное предложение. Прослеживаются два пути развития сложноподчиненного предложения: 1) через развитие члена простого предложения в придаточное предложение; 2) через слияние двух логически связанных самостоятельных предложений в сложное единство, в котором одно предложение оказывается подчиненным другому.

В сложноподчиненном предложении одна часть, называемая главным предложением, обладает такими структурными признаками и сохраняет такое значение, которые позволяют выделить его в качестве самостоятельного; другая же часть (или другие его части), называемая придаточным предложением, служит для пояснения главного и зависит от него.

Кроме расположения и интонации, различаются три основных формальных средства сочетания предложений в сложное: употребление специальных сказуемостных (деепричастных) форм; постановка имен в особых падежных формах; уподобление послелогов в сочетании со служебными именами и определенными формами глагола.

Придаточное предложение прежде всего характеризуется наличием подлежащего и сказуемого и, следовательно, наличием предикативной связи. Однако придаточное предложение, характеризуя и поясняя другое предложение, имеет лишь относительную смысловую законченность и особую интонацию.

Главное предложение, также имеющее обычно в своем составе подлежащее и сказуемое, включает в себе основную мысль высказывания, но получает значение законченного высказывания лишь в связи с придаточным предложением.

Придаточное предложение, развившееся на базе члена простого предложения, сохраняет местоположение этого члена предложения: определительное придаточное располагается перед определяемым членом главного предложения, дополнительное—перед управляющим сказуемым главного предложения и т. д.

Сложноподчиненное предложение с придаточным, относящимся к имени. Среди сложноподчиненных предложений различаются предложения с придаточными, относящимися к членам главного предложения, выраженным именем. В корейском языке придаточными

предложениями этого типа могут быть только определительные предложения. Сказуемое определительного придаточного предложения бывает выражено преимущественно причастной формой глагола или предикативного прилагательного: *кырэна аму-гэ-т-то эм-нын юн су-нын чо-гым-до мусэ-ул ке-эп-та* 'но Юн Су, у которого ничего не было, совершенно нечего было бояться'; *хэри-га чаллукхан сэянъ-йэ-жа-га чина-ка-н-да* 'мимо проходит женщина-европейка с узкой талией'.

Определительное придаточное предложение часто подчиняется главному при помощи аффикса причастия. В этом случае сказуемое придаточного предложения имеет форму конечной сказуемости, на которую и наращивается показатель причастия—*нын* или *л*, например: *чхачжанъ-и нэри-га нын кос-есэ юн су-нын нэриэ-т-та* 'Юн Су сошел там (в том месте), где ему велел сойти кондуктор'; *ын чжу-нын чун гу-га кохянъ-е ка-нда-нын мар-ыл сикчэн-есэ-я тыр-этта* 'Ын Чжу услышала уже рано утром известие, что Чун Гу уезжает на родину'; *кырэнде и-бэн-е-нын ттыт-пакк-е идонъ-кыктан-и чхачжэ-о-нда-нын конъмун-и ватта-ха-н-да* 'говорят, что на этот раз неожиданно произошло сообщение о том, что приезжает передвижной театр'.

Когда подобная конструкция завершается служебным именем, замещающим определяемый ею член главного предложения (в отличие от приведенных выше знаменательных слов *кос-есэ*, *мар-ыл*, *конъмун-и*, являющихся членами главного предложения), она рассматривается как дополнительное придаточное предложение.

Кроме того, определительное придаточное предложение может иметь сказуемое, выраженное инфинитивом. В таком случае оно подчиняется главному посредством послелога, принимая форму родительного падежа, например: *хэ-га тот-ки-чжэн-ый ачим конъги-нын синсэн-ха-йэ-т-та* 'утренний, до восхода солнца, воздух был свеж'.

Сложноподчиненное предложение с придаточным, относящимся к предикативу. Вторую, более многочисленную группу сложноподчиненных предложений составляют предложения с придаточными, относящимися к сказуемому главного предложения, выраженному глаголом или прилагательным. Сюда относятся придаточные предложения подлежащные, дополнительные и обстоятельственные.

Сказуемое подлежащего придаточного предложения может быть выражено инфинитивом, причастием в сочетании со служебным именем, а также вопросительной формой глагола или прилагательного.

Подлежащее придаточное предложение, как и подлежащее простого предложения, либо оформляется именительным падежом, либо принимает какой-нибудь деривационный аффикс, либо остается без показателя (как бывает, например, когда сказуемое выражено вопросительной формой).

Сказуемое дополнительного придаточного предложения также может быть выражено инфинитивом, причастием в сочетании со служебным именем, вопросительной формой глагола или прилагательного.

Дополнительное придаточное предложение, как и прямое дополнение простого предложения, либо оформляется винительным падежом, либо принимает деривационный аффикс, либо (значительно реже) остается без показателя.

Сказуемое дополнительного придаточного предложения может быть выражено либо причастием, либо инфинитивом. В первом случае оно подчиняется главному при помощи служебного имени (чаще всего *кэт* и *чул*) в винительном падеже или в основном падеже с выделительным аффиксом, например: *эжэе танъсин-и кэчэнь-ыл тын-нын гэс-ыл на-до ан-есс тыр-э-сс-э-ё* 'я тоже вчера слушала из комнаты, как ты выслушивал нотации'; *ин суг-ын адыр-и чигым мусын чхэг-ыл ил-кко ит-та-нын гэс-ын а-л-су исс-э-т-та* 'Ин Сук могла знать, какую книгу читает сейчас сын'. Во втором предложении сказуемое имеет несколько усложненную форму: на форму конечной сказуемости наращивается показатель формального причастия.

Дополнительное придаточное предложение может располагаться между подлежащим и сказуемым главного предложения, например: *чун гу-нын чичхэг-есс ирэн ир-и сэнъ-гин чур-ын ккум-е-до молла-т-та* 'Чун Гу и во сне не снилось, что у него на глазах может произойти такой случай'. Кроме того, оно может быть вынесено вперед, например: *не-га йэги санын чур-ыл ну-га ал-ги-на хэ-н-ни?* 'кто же знал, что ты здесь живешь?' Вынесение вперед как один из способов выражения большего логического ударения оттеняется иногда при помощи выделительного аффикса: *чхан гю-га михончжа-га анин чур-ын кйэньчжа-до чал анда* 'то, что Чхан Гю не холостяк, Кён Чжа тоже хорошо знает'.

Если сказуемое дополнительного придаточного предложения выражено инфинитивом (первым или вторым), то все придаточное предложение принимает форму винительного падежа, например: *хо дам-ын ли чжун гу-га тор-а-о-ги-рыл кидари-дага кы-га илччик тор-а-ом-ыл по-го пансэг-ыл ха-мйэ ...* 'Хо Дам ждал возвращения Ли Чжун Гу и обрадовался, увидев, что тот рано вернулся. ...'

Сказуемое обстоятельственного придаточного предложения (придаточного условного, уступительного, причины, места, времени, образа действия и др.) может быть выражено деепричастием, имеющим соответственно значение условное, уступительное, причины и т. д., инфинитивом в соответствующем падеже — творительном, дательном — или причастием в сочетании со служебным именем и частицей.

Сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными. Сложноподчиненные предложения могут иметь в своем составе по несколько придаточных предложений. Это могут быть: одинаковые по значению придаточные предложения, относящиеся к одному и тому же члену главного предложения; одинаковые по значению придаточные предложения, относящиеся к разным членам главного предложения; различные по значению придаточные предложения, относящиеся к разным членам главного предложения.

Структура сложноподчиненного предложения может быть усложнена тем, что в нем образуется последовательное подчинение: к придаточному предложению, относящемуся к главному, в свою очередь тоже относится придаточное предложение и т. д.

Для синтаксиса старокорейского языка характерными были такие сложные образования, части которых были связаны друг с другом в одно сложное синтаксическое целое, могущее быть названным периодом. Эти образования, объединявшие в одно целое большое количество предложений, характеризовались особой структурой (чередование синонимичных подчинительных средств, наличие целого ряда служебных слов, употребление разного рода форм универсального связочного глагола *ха-да* в роли союзов присоединительной связи, особая интонация). В настоящее время употребление таких громоздких конструкций очень редко.

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

В корейском языке, как и в других языках, чужая речь может быть передана непосредственно, без изменений, с сохранением особенностей лексики, грамматики и стиля высказывания, т. е. как прямая речь, или она может быть воспроизведена не дословно, а лишь пересказана с изменением структуры высказывания, составляя вместе с авторской речью сложноподчиненное предложение, т. е. как косвенная речь.

Прямая речь подчиняется в корейском языке авторской речи следующим образом — примыканием: „*кыри-хамён*“

ппалли наысигетчи" *хайэссымнида* 'так быстрее поправишься', — сказал он'; словом *ха-го*: *„танъсин-и иб-ын ос-и мус-ыро манды-мни-кка“* *ха-го сэнсэнъ-ним-и мур-ы-сйэ-с-сымнида* 'учитель спросил: „Из чего делается одежда, которую вы носите?“'; морфемами *ко* или *ра-го* после прямой речи; словом *мал* перед прямой речью.

В предложениях с прямой речью сказуемое авторской речи может либо следовать за прямой речью, либо предшествовать ей. Во втором случае сказуемое часто принимает форму второго инфинитива в винительном падеже, например: *кы-нын мар-хаги-рыл* ... 'он сказал' ...

Возможны, однако, и другие формы сказуемого авторской речи. В частности, оно может состоять из двух компонентов—один предшествует прямой речи, другой следует за ней.

Косвенная же речь присоединяется к авторской речи либо примыканием, либо при помощи морфемы *ко*.

ПУНКТУАЦИЯ

Еще в начале нашего столетия в корейских текстах не было никаких знаков препинания, кроме точки, которая тоже не всегда ставилась. Наличие особых конечных форм сказуемости (повествовательной, вопросительной, восклицательной), присущих только заключительному сказуемому, само по себе давало возможность устанавливать границы между предложениями и различать предложения по значению. И все же отсутствие знаков препинания, безусловно, затрудняло понимание текста. Поэтому постепенно в корейский письменный язык стали все больше проникать пунктуационные знаки.

В настоящее время правилами „Орфографии корейского языка“, изданными Академией наук КНДР в 1956 г., установлены следующие знаки препинания: точка (в новом графическом варианте—обычная точка в отличие от старой точки, которая имела вид небольшого кружочка), двоеточие, запятая (надобность в которой практически очень мала), точка с запятой, вопросительный знак, восклицательный знак, тире, многоточие, кавычки, скобки.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА ⁶³

Попытки объяснения некоторых фактов корейского языка впервые были предприняты в самой Корее еще в VIII в.

⁶³ Упомянутые в данном разделе работы по корейскому языку даются в списке литературы (см. стр. 115).

Ким Дэ Муном, которого и считают первым корейским лингвистом.

Первые специальные работы по изучению корейского языка в Корее (XV в.) были посвящены вопросам фонетики и графики. Книгой Цой Се Чжина „Хунмонъ-чжахве“ (1527 г.) и составлением в XVI в., а затем в XVII—XVIII и в особенности в начале XIX в. китайско-корейских словарей было положено начало изучению лексики. Изучение грамматики корейского языка было начато корейскими просветителями Ли Бон Уном и Чу Си Гёном. Чу Си Гён, автор целого ряда работ по фонетике и грамматике корейского языка, разработавший основы морфологического принципа в корейской орфографии, по праву считается основоположником корейского языкознания. Его грамматическое учение о слове легло в основу традиции, утвердившейся в Корее и в значительной мере определяющей работы корейских лингвистов до настоящего времени.

После аннексии Кореи Японией в 1910 г. корейские лингвисты были поставлены в весьма неблагоприятные условия, но все же продолжали изучать свой родной язык. Заметно оживилась работа по изучению корейского языка после Первоапрельского восстания 1919 г. В декабре 1921 г. было создано „Общество по изучению корейского языка“ („Чосон-о ёнгухве“). Это общество развернуло большую работу по языковому строительству—разработке орфографии, установлению норм литературного языка, составлению толковых словарей корейского языка, установлению и унификации научно-технической терминологии, изучению диалектов корейского языка и т. д. Однако вскоре японские власти, всеми мерами насаждавшие в Корее японский язык и отовсюду изгонявшие корейский, подвергли репрессиям „Корейское лингвистическое общество“ („Чосон охакхве“). Многие члены общества были арестованы. Видный корейский лингвист Ли Юн Чжэ скончался в японском застенке.

Среди изданных до Освобождения работ корейских ученых следует отметить капитальные труды Цой Хён Бэ „Наша грамматика“ и „Корейская письменность“, а также исследование Ян Чжу Дона по древнему корейскому языку „Изучение древних песен Кореи“. Большую роль в изучении корейского языка сыграл специальный лингвистический журнал „Хангыль“, издание которого было прервано в связи с репрессиями японских властей с начала 40-х годов.

После освобождения Кореи в 1945 г. от японского колониального ига перед корейскими лингвистами открылись большие возможности изучения родного языка. Особенно

широко развернулась работа по изучению корейского языка в Корейской Народно-Демократической Республике. Специальным постановлением Кабинета министров КНДР были образованы комитет по изучению грамматики корейского языка и комитет по составлению словаря корейского языка. Было начато издание языковедческого журнала „Изучение корейского языка“ („Чосон-о ёнгу“). В 1949 г. вышла в свет „Грамматика корейского языка“, составленная коллективом авторов при активном участии Ким Су Гёна. В настоящее время центрами исследовательской работы по корейскому языку являются Институт языка и литературы АН КНДР и кафедра корейского языка Университета им. Ким Ир Сена. Корейскими языковедами ведется очень большая лексикографическая работа. Изданы „Малый словарь корейского языка“ (1955), „Орфографический словарь корейского языка“ (1956), „Словарь научно-технической терминологии“ (1955), „Русско-корейский словарь“ (1958) и целый ряд специальных и технических словарей. Готовится к изданию большой толковый „Словарь корейского языка“, „Грамматика корейского языка“, „История корейского литературного языка“ и другие работы. Институту языка и литературы АН КНДР издается журнал „Корейский язык и литература“ („Чосон омун“), в котором публикуются исследовательские статьи Хон Ги Муна, Ким Бён Чже, Ю Ёра, Ким Су Гёна, Хван Бу Ёна и др. Особенно необходимо отметить изданные в последнее время монографии Хон Ги Муна («Комментарии к песням „Хянга“», «Изучение письменности „иду“», «Собрание древних песен») и монографию Ким Бён Чже „Очерки по диалектологии корейского языка“.

Корейский язык в нашей стране начал изучаться с конца XIX в., когда при Петербургском университете было организовано корейское отделение, а в 1899 г. во Владивостоке был основан Восточный институт, где корейской кафедрой на протяжении двадцати с лишним лет заведовал Г. В. Подставин, с именем которого связано начало научного изучения корейского языка в нашей стране. Большой вклад в корееведение внес проф. Е. Д. Поливанов, автор целого ряда работ по корейскому языкознанию („Гласные корейского языка“, 1916 г.; „К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских“ языков“, 1927 г., и др.). В конце 30-х годов в Ленинграде под руководством акад. Д. В. Щербы было начато экспериментальное изучение фонетики корейского языка. Тогда же появились и первые работы по грамматике корейского языка А. А. Холодовича („Грамматика корейского языка“, 1937, „Строй корейского языка“, 1938). В 1954 г. А. А. Холодович опубли-

ликовал результаты своих многолетних наблюдений над грамматическим строем корейского языка в обстоятельной работе „Очерк грамматики корейского языка“. В 1951 г. в Советском Союзе вышли „Русско-корейский словарь“ и „Корейско-русский словарь“. В 1958 г. изданы „Краткий русско-корейский словарь“ и второе, дополненное издание „Корейско-русского словаря“. В последнее время в СССР опубликовано много статей по различным вопросам корейского языкознания.

Первые зарубежные работы по корейскому языку написали миссионеры Гейл, Хэльберт, Экардт, Эдкинс, Джонс, Скотт, Росс и др., которые подолгу жили в Корее и создали для практических целей всякого рода учебные пособия, глоссарии, словари и т. п. Весьма ценные труды по корейскому языкознанию оставили японские языковеды Огура Симпэй (см., например, его чрезвычайно обстоятельные и многочисленные работы по корейской диалектологии), Маэма (работы по древнекорейскому языку) и др. В настоящее время изучением корейского языка в Японии занимается Коно Рокуро, известный своими работами по исторической фонетике корейского языка, диалектологии и другим вопросам. Многосторонними были интересы в области корейского языкознания и у Г. И. Рамstedта, финского ученого, известного исследователя монгольских и тюркских языков. Г. И. Рамstedт, опубликовавший свою первую статью по корейскому языку еще в 1928 г., впоследствии на протяжении многих лет занимался изучением корейского языка, уделяя больше внимание сопоставлению фонетики и морфологии корейского и различных языков алтайской семьи с привлечением данных исторической грамматики. С начала 50-х годов усиленно стал интересоваться корейским языком немецкий лингвист проф. Г. Юнкер, ныне автор нескольких работ по фонетике и грамматике корейского языка. Фонетика корейского языка привлекла в той или иной мере внимание многих зарубежных языковедов (Г. Габеленц, Н. Трубецкой, Обата, Тиба, Ояма, С. Мартин, А. Скаличкова и др.). Однако больше всего в области корейского языкознания за рубежом сделано в области лексикографии, а именно—в создании гереводных словарей корейского языка. Изданы корейско-английские, англо-корейские, корейско-французские, французско-корейские, венгерско-корейский (Будапешт, 1957), чешско-корейский (Прага, 1954) и другие словари.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА

홍악한 여우 세 마리가 어느 날 도적질을 떠났다. 부지런한 농부의 집에서 쌀독 만한 물'고기를 훔쳤다. 세 마리 여우는 쩡쩡거리며 운반하다가 잠시 쉬었다. 여우 한 마리가 하는 말이 '«물을 마시고 가세». 여우 한 마리가 물 길러^{1/}간 후 두 마리 여우는 쏘근쏘근 말하기를 «저 늙이 오면 없애 버리고 이 고기를 둘이서 나누자»고 서로 약속하였다. 물 길어 가지고 여우가 오자 두 마리 여우는 그를 없애 치웠다. «열흘은 잘 먹겠네» 하며 두 마리 여우는 물을 마셨다. 얼마 후 가려고 했을 때 갑자기 배가 아프고 목에서 피가 쏟아져 나오고 그만 두 마리 여우는 죽어 버렸다. 사실은 물 길러 간 여우가 «고기를 혼자 먹으려면 저 늙들을 죽여야 한다»고 생각하며 물에다 독풀을 넣은 줄 누가 알았으랴. 홍악하고 악독한 자들은 바로 이렇게 되는 법이다.

ТРАНСКРИПЦИЯ

Хюнъак-ха-н йэу се мари-га эны нал точжэк-чир-ыл ттэна-т-та. Пучжирэн-ха-н нонъбу-ый чиб-есэ ссал ток ман ха-н мул-ккоги-рыл хумчхйэ-т-та. Се мари йэу-нын ккинъ ккинъ-кэри-мйэ унбан-ха-дага чамси сви-йэ-т-та. Йэу хан мари-га ха-нын мар-и „мур-ыл маси-го ка-се“. Йэу хан мари-га мул кил-лэ ка-н ху ту мари йэу-нын ссогын-ссогын мар-ха-ги-рыл „чэ ном-и о-мйэи эпсэ пэри-го и коги-рыл тур-и-сэ нану-чжа“ го сэро яксок-ха-йэ-т-та. Мул кир-э качжи-го йэу-га о-чжа ту мари йэу-нын кы-рыл

эпсэ чхи-во-т-та. „Йэрхыр-ын чал мэк-кен-не“ ха-мйэ ту мари йэу-нын мур-ыл масйэ-т-та. Элма ху ка-рйэ-го хэ-сс-ыл ттэ капчаги пэ-га апхы-го мог-есэ пхи-га ссод-а-чжйэ на-о-го кы-ман ту мари йэу-нын чуг-э пэрийэ-т-та. Сасир-ын мул кил-лэ ка-н йэу-га „коги-рыл хончжа мэг-ы-рйэ-мйэчн чэ ном-дыр-ыл чуг-йэ-я ха-нда“ го сэнъгак-ха-мйэ мур-е-да ток пхур-ыл нэ-ын чул ну-га ар-а-сс-ы-ря.

Хюнъак-ха-го акток-ха-н ча-дыр-ын паро ирэ-кхе тве-нын пэб-и-да.

ПЕРЕВОД

Однажды три коварные лисы отправились на кражу. Они украли в доме трудолюбивого крестьянина рыбину величиной с глиняный кувшин для риса. Покряхтывая, тащили ее три лисы и остановились немного отдохнуть. „Дайте-ка воды напьемся и тогда пойдем дальше“, — предложила одна из них. После того как одна лиса ушла за водой, две оставшиеся зашептались и условились: „Как только она придет, убьем ее и разделим рыбину надвое“. И только лишь вернулась она с водой, две лисы тут же расправились с ней. „Теперь мы целых десять дней будем сыты“, — сказали они и выпили воду. Немного погодя, когда они уже собирались трогаться в путь, у них вдруг заболелись животы, из горла хлынула кровь и обе лисыдохли. И действительно, разве мог кто-нибудь знать, что лиса, которая пошла за водой, решила: „Надо их умертвить, чтобы съесть эту рыбину мне одной“, и положила в воду ядовитой травы! Так случается со всяким, кто коварен и жесток.

Словарно-грамматический комментарий

се 'три' (определит. форма числит. *сет*)

мари — счетное слово для животных

-ый — оконч. род. пад.

йэу 'лиса'

хюнъак-ха-н 'коварный (-ая, -ое, -ые)' (определит. форма от прил. *хюнъак-ха-да*; -н — оконч. определит. формы)

-га — оконч. им. пад.

эны 'который', 'какой'; 'какой-то'

нал 'день'

точжэж 'вор'

-чил — суф., образующий сущ. со знач. действия, занятия

-ыл — оконч. вин. пад.

ттэна-т-та 'отправились'* (прош. вр. от гл. *ттэна-да*;
-т-—суф. прош. вр.; *-та*—оконч. повест. формы ко-
 нечной сказуемости)

пучжирэн-ха-н 'старательный', 'трудолюбивый' (определит.
 форма от прил. *пучжирэн-ха-да*)

нонъбу 'крестьянин'

чин 'дом'

-есэ—оконч. местн. пад.

ссал 'рис'

ток 'кувшин'

-ман-ха-н 'величиной с...' (определит. форма от предика-
 тивного служ. слова *-ман-ха-да*; част. *ман+ха-да*).

мул-ккоги 'рыба' (сложное слово: *мул* 'вода', *коги* 'мясо',
 'рыба')

хумчхйэ-т-та 'украли' (прош. вр. от гл. *хумчхи-да*)

-нын—оконч. выделительного указания

ккинъ-ккинъ-кэри-мйэ 'кряхтя' (сочинит. деепр. от гл. *ккинъ-
 ккинъ-кэри-да*; *-мйэ*—оконч. сочинит. деепр.)

-унбан-ха-дага 'везли и...' (деепр. прерванности от
 гл. *унбан-ха-да*; *-тага*—оконч. деепр. прерванности)

чамси 'недолго', 'немного'

сви-йэ-т-та 'отдохнули' (прош. вр. от гл. *сви-да*; *-йэ*—суф.
 второй основы)

хан 'один, одна, одно' (определит. форма числит. *хана*)

ха-нын 'делающий' (прич. наст. вр. от гл. *ха-да*; *-нын*—
 оконч. прич. наст. вр.)

мал 'слово'; 'речь'; 'язык'

-и—оконч. им. пад.

маси-го 'попив' (соединит. деепр. от гл. *маси-да*; *-ко*—
 оконч. соединит. деепр.)

ка-се 'пойдемте' (пригласит. форма от гл. *ка-да*; *-се*—оконч.
 пригласит. формы конечной сказуемости)

кил-лэ 'чтобы набрать' (деепр. цели от гл. *кил-та*; *-лэ*—
 оконч. деепр. цели)

ка-н 'ушедший' (прич. прош. вр. от гл. *ка-да*; *-н*—оконч.
 прич. прош. вр.)

ху 'после'; 'после того как'. (последлог)

ту 'два, две' (определит. форма числит. *тул*)

ссогын-ссогын 'шепотом' (изобразит. слово)

мар-ха-ги 'говoreние' (второй инфинитив от гл. *мар-ха-да*,
-ки—оконч. второго инфинитива).

* Здесь и далее глаголы переводятся условно той формой (число, род), которая необходима в русском переводе данного контекста, хотя в форме корейского глагола это грамматическое значение числа или рода не выражено.

чэ 'тот, та, то, те' (указат. мест.)
ном 'тварь' (употребляется часто в сочетании с указат. мест., в роли заместителя местоимения с пренебрежит. или презрит. знач.; напр.: *чэ ном* 'он', 'она')
о-мйэ 'если придет', 'когда придет' (усл. деепр. от гл. *о-да*; -мйэ—оконч. усл. деепр.)
эпсэ пэри-го 'уничтожив' (форма соединит. деепр., предельн. вида от гл. *эпсэ-да*; предельный вид выражен при помощи служ. гл. *пэри-да*)
и 'этот, эта, это, эти' (указат. мест.)
тур-и-сэ 'вдвоем' (числит. *тул* с формой связи *и-да* — 'будучи двое')
нану-чжа 'давай разделим' (пригласит. форма от гл. *нану-да*; -чжа—оконч. пригласит. формы конечной сказуемости)
-го—морфема, связывающая авторскую и чужую речь в предложениях с косвенной речью
сэро 'друг с другом', 'друг другу', 'взаимно'
яксок-ха-йэ-т-та 'договорились' (прош. вр. от гл. *яксок-ха-да*)
кир-э качжи-го 'набрав' (форма соединит. деепр. предельн. вида от гл. *ки-та*; предельный вид выражен при помощи служ. гл. *качжи-го*)
о-чжа 'как только пришла' (деепр. мгновенности от гл. *о-да*; -чжа—оконч. деепр. мгновенности)
кы 'он', 'она' (личн. мест. 3-го лица)
эпсэ чхивэ-т-та 'уничтожили' (прош. вр. от сложного гл. *эпсэ чхиу-да*)
йэрхыл 'десять дней'
-ын — оконч. выделительного указания
чал 'хорошо'
мэк-кен-не 'будем есть' (буд. вр. от гл. *мэк-та*; -кет—суф. буд. вр.; -не—оконч. повест. формы конечной сказуемости, 3-я ступень ориентации)
ха-мйэ 'сказав' (сочинит. деепр. от гл. *ха-да*)
масйэ-т-та 'выпили' (прош. вр. от гл. *маси-да*)
элма 'сколько', 'несколько'; *элма ху* 'через некоторое время', 'немного спустя'
ка-рёз-го хэ-сс-ыл 'пойги хотели' (аналитич. форма со знач. намерения от гл. *ка-да*, завершающаяся вневременным причастием, хотя формально -ыл—оконч. прич. буд. вр.; эта прич. форма образована посредством оконч. -ыл, следующего за суф. прош. вр. -сс-, и служит для выражения атрибутивного отношения, предшествуя полужнаменательному имени *ттэ* 'время', т. е. 'в то время, когда они хотели пойти')

ттэ 'время'
капчаги 'вдруг', 'внезапно'
пэ 'живот'
апхы-го 'больной' (соединит. деепр. от прил. *апхы-да*)
мок 'горло'
пхи 'кровь'
ссад-а-чжйэ 'струясь' (вторая основа от гл. *ссад-а-чжи-да*)
на-о-го 'выйдя' (соединит. деепр. от гл. *на-о-да*)
кы-ман 'так', 'в таком положении'
чуг-э пэрийэ-т-та 'умерли' (форма прош. вр. предельного вида от гл. *чук-та*; предельный вид выражен при помощи служ. гл. *пэри-да*)
сасил 'действительно', 'на самом деле'
хончжа 'один', 'в одиночку'
мэг-ы-рийэ-мйэ 'если хочешь съесть' (форма усл. деепр. от гл. *мэк-та*, включающая суф. намерения *-рийэ-*; *-ы-* — соединит. морфема)
-дыр — суф. множ. ч.
чуг-йэ-я ха-нда 'надо убить' (аналитическая форма долженствования от гл. *чуг-и-да*: после второй основы — оконч. *-я* и служ. гл. *ха-да* в наст. вр.)
сэнъгак-ха-го 'подумав' (соединит. деепр. от гл. *сэнъгак-ха-да*)
мур-е-да 'в воду' (*-е-да* — аналог оконч. дат. пад., обозначает место)
ток 'яд'
пхул 'травя'
нэ-ын 'положивший' (прич. прош. вр. от гл. *нэ-тха*; *-ын* — оконч. прич. прош. вр.)
чул служ. имя, играющее роль подчинительного союза, — 'то, что...'
ну 'кто'
ар-а-сс-ы-ря 'разве знал' (форма риторич. вопроса от гл. *ал-да*; *-а* — суф. второй основы; *-ря* — оконч. формы конечной сказуемости со знач. риторич. вопроса)
хюнъак-ха-го 'коварный' (соединит. деепр. от прил. *хюнъак-ха-да*)
акток-ха-н 'зловредный', 'жестокий' (определит. форма от прил. *акток-ха-да*)
ча — служ. имя, употребляющееся после опред., определит. словосочет., определит. предлож.: 'человек', 'тот, кто...'
паро 'как раз', 'именно'
ирэ-кхе 'так', 'таким образом'
тве-нын 'становящийся' (прич. наст. вр. от гл. *тве-да*)
лэп 'закон', 'правило'
-и-да 'есть', 'является' (утвердит. связка в наст. вр.)

- «Вопросы корейского и китайского языкознания», изд. ЛГУ, 1958.
- Зиндер Л. Р., *Гласные корейского языка* («Советское востоковедение», 1956, № 3, стр. 96—103).
- «Корейский язык» (Сборник статей), М., 1960.
- Мазур Ю. Н., Моздыков В. М., Усатов Д. М., *Краткий русско-корейский словарь*, М., 1958.
- Поливанов Е. Д., *К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков* («Известия Академии наук СССР», 1927, стр. 1195—1204).
- Поливанов Е. Д., *Гласные корейского языка* («Восточный сборник», кн. 2, Петроград, 1916, стр. 345—348).
- Рамстедт Г., *Грамматика корейского языка*, пер. с англ., М., 1951.
- Рамстедт Г. И., *Введение в алтайское языкознание*, пер. с нем., М., 1957, 253 стр.
- Русско-корейский словарь, Пхеньян, 1958.
- Холодович А. А., *Очерк грамматики корейского языка*, М., 1954.
- Холодович А. А., *Корейско-русский словарь*, М., 1958.
- «Dictionnaire coréen-français par les missionnaires de Corée de la Société des missions étrangères de Paris contenant», Jokohama, 1880.
- Eckardt A., *Koreanische Konversations-Grammatik mit Lesestücken und Gesprächen*, Heidelberg, 1923.
- Gale I. S., *Korean grammatical forms*, pt. 1—2, Seoul, 1894, 250 pp.
- Gale I. S., *A Korean-English dictionary*, ed. 3, Seoul, 1931.
- [Lew Hyungki], *New life English-Korean dictionary*, ed. by..., Seoul, 1946, ed. 5, 1949.
- [Lew Hungki], *New life English-Korean dictionary*, ed. by, Seoul, 1947.
- Junker H. F. I., *Koreanische Studien*, Berlin, 1955.
- Konô R., *Tones of Middle Korean* (ChG, vol. I, 1951).
- Martin S. E., *Korean phonemics* («Language», vol. 27, № 4, Baltimore, 1951, pp. 519—533).
- Ramstedt G. I., *Studies in Korean etymology*, pt I,—MSFOu, vol. 95, 1949, 292 pp.
- Skaličková A., *The Korean vowels* («Archiv orientální», vol. XXIII, № 1—2, Praha, 1955, pp. 29—51).
- Underwood H. G., *An Introduction to the Korean spoken language*, Jokohama, 1890, ed. 2, Jokohama, 1914.
- 고 정옥, *조선 속담집*, 평양, 1954.
- 金 思緯, 方 鍾鉉, *俗談大辭典*, 京城, 1940.
- 김 병제, *조선어 문법*, 평양, 1956.
- 김 병제, *조선어 방언학 개요 (상)*, 평양, 1959.
- 김 수경, *조선어 문법*, 평양, 1954.
- 金 允鏡, *朝鮮文字及語學史*, 京城, 1938.
- 梁 柱東, *朝鮮古歌研究*, 京城, 1942.

* Подробные сведения о литературе по корейскому языкознанию на корейском и других восточных языках можно найти в книге 안 문구, 우 세영, «조선 서지학 개관», 평양, 1955년, а также в журналах «한글», «조선어 연구», «조선 어문», а о литературе на европейских языках—в работе: Л. Концевич, *Указатель литературы по корейскому языкознанию* (сб. «Вопросы истории и грамматики восточных языков», М.—Л., 1959).

- 리 상춘, 조선 옛말 사전, 서울, 1949.
- 李 崇寧, 古語의 音韻과 文法, 서울, 1949.
- 李 熙昇, 朝鮮語學論攷, 서울, 1947.
- 리 윤재, 표준 조선말 사전, 1947; 표준 한글 사전, 四판, 1950.
- 文 世榮, 修正增補朝鮮語辭典, , 1940.
- 新玉篇, 京城, 1935.
- 鄭 熙俊, 朝鮮古語辭典, 京城, 1948.
- 조선말 큰 사전, 조선 어학회, 서울, 1947—1956.
- 朝鮮語辭典, 京城, 朝鮮總督部, 1928; 再版, 1934.
- 조선어 소사전, 평양, 1955.
- 조선어 철자법 사전, 평양, 1956.
- 주 시경 유고집, 평양, 1958.
- 최 현배, 한글갈, 京城, 1942.
- 최 현배, 우리말본, 京城, 1937; 再版 1941.
- 洪 起文, 正音發達史, 서울, 1946.
- 洪 起文, 朝鮮文法研究, 서울, 1947.
- 홍 기문, 향가 해설, 평양, 1956.
- 홍 기문, 리두 연구, 평양, 1958.
- 한글(잡지), 서울, 1932—1941.
- 조선어 연구(잡지), 평양, 1949—1950.
- 조선 어문(잡지), 평양.
- 말과 글(잡지), 평양.
- 小倉 進平, 朝鮮語學史, 東京, 1940.
- 小倉 進平, 朝鮮語方言の研究, 東京, 1944.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- IRAS—«Journal of the Royal Asiatic Society Great Britain and Ireland», London.
- Kor. rep. — «The Korean repository», Seoul.
- MSFOu — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», Hel sinki.
- ChG — «Chōsen Gakuhō», Tenri.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	5
Введение	7
Отношение корейского языка к другим языкам	7
Национальный язык и диалекты	11
Из истории корейской письменности . .	14
Фонетика и графика	19
Звуковой состав	19
Структура слога	25
Звуки и буквы	26
Звуковые изменения	28
Чередования	28
Гармония гласных	30
Словесное ударение	30
Алфавит и транскрипция	31
Лексика и словообразование	33
Состав лексики	33
Развитие словарного состава	35
Словообразование	37
Фразеология	42
Словари корейского языка	43
Морфология	44
Структура слова и форма слова	44
Словоизменение и формобразование . .	46
Части речи	49
Имена	50
Предикативы	60
Наречия	80
Служебные слова	82
Междометия	87
Синтаксис	87
Типы словосочетаний	87
Типы предложений	88
Состав предложения	89
Порядок слов	98
Типы односоставных предложений . . .	99
Сложное предложение	101

Прямая и косвенная речь	105
Пунктуация	106
История изучения корейского языка	106
Приложения	110
Образец текста	110
Словарно-грамматический комментарий	111
Краткая библиография	115
Условные сокращения	116
Схематическая карта диалектов корейского языка . . .	118—119

